

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ,
МОЛОДЁЖИ И СПОРТА УКРАИНЫ
ХАРЬКОВСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ
ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА**

ДИАЛЕКТИКА ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

Монография

под редакцией В. В. Будко

**Харьков
ХНАГХ
2013**

УДК 101.8:316.32
ББК 87+60.55
Д44

Авторский коллектив:

Будко Владимир Васильевич, доктор философских наук, профессор (введение, глава 1.1, заключение),
Зинчина Александра Борисовна, старший преподаватель (глава 1.3, глава 2.2),
Клименко Галина Тарасовна, старший преподаватель (глава 2.4),
Кудрявцев Александр Юрьевич, старший преподаватель (глава 2.3),
Михайлова Инна Александровна, ассистент (глава 1.2),
Пилипко Евгений Владимирович, кандидат философских наук, доцент (глава 2.5),
Радионова Людмила Алексеевна, кандидат философских наук, доцент (глава 1.5),
Садовников Олег Константинович, кандидат философских наук, доцент (глава 1.4),
Толстенко Сергей Николаевич, кандидат философских наук, доцент (глава 2.1)

Рецензенты:

Дяченко Н. В., доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры;
Чаплыгин А. К., доктор философских наук, профессор, Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет;
Корженко В. В., доктор философских наук, профессор, Харьковская национальная академия городского хозяйства

*Рекомендовано к печати Ученым советом ХНАГХ
протокол № 6 от 31.01.13 г.*

Диалектика глобализации общественных процессов:
Д44 монография / В. В. Будко, А. Б. Зинчина, Г. Т. Клименко и др.;
под ред. В. В. Будко; Харьк. нац. акад. гор. хоз-ва. – Х. : ХНАГХ,
2013. – 147 с.

ISBN 978-966-695-294-6

В монографии представлены результаты анализа различных аспектов глобализации общественных процессов с позиций традиционного диалектического анализа и новых подходов. Разнообразие рассматриваемых феноменов делает монографию полезной философам социологам, политологам, методологам и всем, кто интересуется современными социальными проблемами.

**УДК 101.8:316.32
ББК 87+60.55**

ISBN 978-966-695-294-6

© В. В. Будко, А. Б. Зинчина, Г. Т. Клименко,
А. Ю. Кудрявцев, И. А. Михайлова,
Е. В. Пилипко, Л. А. Радионова,
О. К. Садовников, С. Н. Толстенко, 2013
© ХНАГХ, 2013

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	4
РАЗДЕЛ 1. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ.....	5
Глава 1.1. Объективное и субъективное в глобализации жизни человека.....	5
Глава 1.2. Трансформации идеи модерна в эпоху глобализации.....	26
Глава 1.3. Публичная сфера и гражданское общество.....	33
Глава 1.4. Морфинг массового сознания и ремифологизация в ситуации глобализации	50
Глава 1.5. Глобальный город как актор мировой политики	66
РАЗДЕЛ 2. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	81
Глава 2.1. Глобальные и национальные экологические интересы Украины.....	81
Глава 2.2. Глобальное коммуникационное пространство и угрозы информационной безопасности	101
Глава 2.3. Электронное правительство: концептуальные основы.....	111
Глава 2.4. Сервисная деятельность в условиях глобализации	125
Глава 2.5. Философия в контексте глобализации и в системе современного образования	132
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	141
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.....	142

ВВЕДЕНИЕ

Сходство черт жизни близких и взаимно удалённых народов всегда было. Сейчас вдобавок к нему появились всепоглощающие экономическая, научно-техническая и другие виды экспансии, которые наиболее полно охвачены понятием глобализации жизни народов. Происходит мощный процесс перестройки всего мирового порядка и, как следствие, растет необходимость нового подхода к осознанию совместных судеб человечества. Процесс глобализации неизбежно сопровождается развитием новых социально-политических, экономических и коммуникативных тенденций. В течение последних десятилетий мировое сообщество переживает ряд стремительных и кардинальных изменений. Все эти процессы и охватываются понятием глобализации.

Процессы глобализации рассмотрены в обширной литературе, которая, тем не менее, оставляет много места для их конкретных исследований и размышлений над ними. При этом общая концепция глобализации пока не появилась, что говорит о масштабности данной темы и необходимости ее изучения в контексте самых разных наук и подходов.

Одной из попыток такого рода исследований и размышлений стал коллективный труд, предлагаемый читателю. В монографии представлены результаты анализа ряда сторон, различных аспектов глобализации общественных процессов с позиций научных предпочтений авторов, объединённых общей социально-философской концепцией. Рассматриваются социальные, политические, коммуникационные, экологические и иные следствия этого процесса. Традиционный диалектический анализ глобальных социальных практик дополнен новыми взглядами и подходами – синергетическим, информационным, эгоцентристским и др. Разнообразие рассматриваемых феноменов делает монографию полезной философам социологам, политологам, методологам и всем, кто интересуется современными общественными процессами.

РАЗДЕЛ 1. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ

Глава 1.1. Объективное и субъективное в глобализации жизни человека

Объективные факторы глобализации жизни человека

Глобализм в экономике. С возникновением и развитием промышленности особенно после изобретения тепловых и электрических машин глобальное значение приобрели товары и услуги, играющие существенную роль в ряду средств существования (сырье, текстиль, станки, транспорт, биржи, банки и т. д.). Однако и во времена промышленной революции и индустриального производства не говорили о глобализации экономики. Причиной тому является неравномерность и относительная изоляция экономического развития различных стран, а также несоизмеримость суммарной деятельности людей с общеземными процессами (кругооборотом веществ, климатическими циклами, воспроизводством биомассы и т.п.).

Относительная изоляция стран выражается в определяющей роли традиций местного производства и потребления, системы обмена, их независимости от внешних вкладов в экономику. Привлекательность производства, потребления, обмена и распределения (способа производства) в других странах разрушает экономическую изоляцию постольку, поскольку экономика подвижна потребностями людей.

Потребности людей, с одной стороны, одинаковы (по химическому составу питания, основам жизнеобеспечения и т.п.), а с другой, – различны из-за своей зависимости от географических условий. Через одинаковость потребностей в экономику самобытных стран проникают более производительные способы производства средств потребления. Поскольку способы производства, в силу всеобщей взаимосвязи явлений в мире, удовлетворяя потребности, воздействуют на них, создавая и новые потребности, последние приобретают одинаковый вид для одинаковых способов производства. Экономика самобытных стран становится не отличимой по способу производства от экономики других стран. В этом состоит основа сходства истории всех народов.

В капиталистическую эпоху возможности производительных сил становятся превосходящими потребности своих стран. Возникает распространение способов производства отдельных стран на другие

страны, но не как заимствование или подражание, а как проникновение одних способов производства в другие. Быстрота и надежность современных средств связи позволяет господствовать наиболее эффективному (производительному) способу производства со всеми его элементами, т.е. создает единообразие в экономике во всемирном масштабе. Эти же средства связи обуславливают чувствительность экономики каждой страны к изменениям в экономике других стран. Такая взаимозависимость придает экономике глобальный характер. Следствиями и спутниками глобализации экономики становятся встречные потоки капиталов, рабочей силы, технологий и т.д.

Глобализация производительных сил ведет к относительному выравниванию стоимостей продукции, рабочей силы и сырья. Запасы и потоки сырья приобретают глобальное значение, общечеловеческую озабоченность вызывают состояния диких растений и животных, водоемов, атмосферы и даже околоземного космоса. Планетарный масштаб экономической деятельности порождает планетарные озабоченности (первой реакции на вызовы глобализации).

Земля конечно не только метрически (по объему, массе и времени существования), но и морфологически (по устойчивости формообразований). При постоянно растущих и расширяющихся потребностях люди неизбежно идут к исчерпанию земных материалов и разрушению устойчивых систем неорганических и органических формообразований. Известна во всех отношениях телесная ограниченность человека. Нет существенных прорывов в межзвездное пространство со стороны космонавтики. Так что надежда на космическую вечность и безнаказанность человечества пока беспочвенна. Но поскольку такая надежда неистребима, надо усиленно позаботиться о предотвращении исчезновения человечества из-за неограниченности потребностей.

Это означает необходимость пересмотра движущих сил и ориентации экономики. Поскольку одной из движущих сил ее служат потребности людей, следует вспомнить о приоритете естественных и необходимых потребностей по отношению к не необходимым и искусственным.

Долгое время определение естественных и необходимых потребностей казалось доступным обыденному сознанию. Сейчас ясно, что оно требует усилий естественно – научной и гуманитарной рациональностей. Естественные потребности могут определяться в иерархии знаний, которую составляют: биофизика, биохимия, биология, медицина, социология, психология, эстетика, этика, философия науки и

мировоззрение. В ней вышестоящие знания, наиболее обобщённые, ограничивают определения потребностей нижестоящими знаниями. Естественные потребности, определенные иерархией знаний, оправданно составят права человека взамен провозглашенным в декларации правам человека, основанным на обыденном сознании.

Развитие производства порождает собственные потребности (производства ради производства), которые рекламой подаются как потребности людей вне его. Не отвергая изменчивости естественных потребностей людей, в том числе под влиянием непредвиденных возможностей производства, долголетие человечества требуют постоянного различения потребностей, предотвращающего подмену естественных и необходимых из них иными.

По отношению к естественным и необходимым потребностям оправданны ограничения географическими условиями и возможностями производства, которые объективны. По отношению к искусственным и не необходимым на ряду с объективными ограничениями оправданны субъективные ограничения (психологические, правовые, политические, этические, эстетические, философские, религиозные), опосредующие и упреждающие действие объективных ограничений.

Приоритет естественных и необходимых потребностей требует ориентации экономики на их разновидности, которые носят исторический и местный характер. Отсюда следует оправданность самобытности экономик, противостоящей ее глобализации.

Глобализм в политике. Ленинское определение политики как концентрированного выражения экономики не только сохраняет свою убедительность, но и обрело очевидность в поведении политиков. Сейчас председатели правительств и президенты открыто связывают политические действия с экономическими. Ясно, что глобалистские тенденции экономики диктуют глобализм в политике. Остается лишь отметить, в чем проявляются глобалистские тенденции политики.

В первую очередь нужно указать на стремление придать характер образца правовым и политическим системам тех государств, которые обладают развитой экономикой, способны к всемирной экспансии (США, Западной Европы, Японии, Канады). Превозносятся их конституции, политические учреждения, обеспеченность прав человека и служение армии и полиции демократии. Благом для остальных стран считается внедрение правовых и политических систем передовых стран. Если они мешают с принятием и внедрением таких систем, на них обрушиваются наказания, санкции — экономическая и политическая изоляция или

вооруженное насилие. Неприятие навязываемых образцов, защищенное собственными силами стран, изображается передовыми странами как выпадение из общечеловеческих систем. Однако за общечеловеческим и образцовым скрывается национальное и обыденное, как только оказываются под угрозой национальные интересы передовых стран. Вместо свободы перемещения денежного капитала и рабочей силы вводятся ограничения на области вкладов и въезд с получением гражданства, вместо свободы волеизъявления – запреты и чрезвычайные положения. Очевидна двойственность стандартов государственной деятельности, защищающая национальные интересы передовых стран, а не образцового человечества. Но экономические возможности позволяют поддерживать видимость образцовости и общечеловечности правовых и политических систем преуспевающих государств

Затем следует отметить беззастенчивость геополитических интересов, провозглашаемых передовыми крупными государствами и объединенной Европой. С нею связано требование доступа к ресурсам отсталых стран для передовых стран. Помимо соблазна приобрести демократию в долг за счет внешних вкладов в экономическую и политическую систему, отсталым странам предлагают политику открытого рынка (членство во всемирной торговой организации) с доступом на рынки передовых стран. Однако доступ на эти рынки оказывается видимостью, так как конкурентная продукция отсталых стран с низкой себестоимостью из-за дешевизны несовершенного оборудования и рабочей силы объявляется бросовой (демпинговой) и не подлежащей свободной продаже. Иными словами, политика передовых стран изобретает формы протекционизма, провоцируя все страны служить интересам передовых стран под видом свободной конкуренции.

Вместе с тем в глобалистской политике есть риск утери лидерства в экономике и политике. Своего рода отчуждение капитала при его перемещении в отсталые страны выражается в его самостоятельности, ведущей иногда к экономическому процветанию и политическому авторитету (как это выразилось в появлении азиатских «тигров»). Возникают экономические и политические условия формирования многополярного мира. Однако сама по себе многополярность мира не лишает политику глобалистских претензий, просто вместо односторонности возникает разносторонность, многовекторность политики, стремящейся отстоять национальный интерес во всемирном масштабе.

Глобализм в духовной жизни. Независимо от того, явилась ли духовная жизнь идейной предпосылкой или следствием глобализма в экономике и политике, сама она стремится к глобализации. Это заметно по эволюции национальных культур в целом, их духовных составляющих в частности. На первый взгляд кажется преобладающим процесс взаимного распространения и обогащения культур и укрепление атмосферы взаимной терпимости. Этот процесс можно было бы признать глубинным и определяющим, если бы культура была независима от экономики. Но история показывает зависимость культуры от способов производства и экономических укладов. Не столько различия, сколько неравенство (неравноценность) способов производства и экономических укладов по производительности и организации труда, виду и качеству продукции, квалификации производителей и т.д. так или иначе обуславливает неравенство культур и подчинение одних культур другим. Там, где господствуют отсталые способы производства и экономические уклады, господствуют связанные с ними культуры. Терпимость к другим культурам пропорциональна экономическим возможностям господствующей культуры нейтрализовать влияние иных культур. В частности, чем меньше экономических возможностей, тем нетерпимее господствующая культура к иным. Экономически передовые страны выглядят многоцветием культур, где допустимо только косвенное подчинение отсталых культур через образование, квалификацию, правила миграции и т. п.; потому эти страны привлекательны, образцовы. Однако следует присмотреться к содержанию господствующих культур экономически передовых стран, стремящихся явно или скрыто к охвату человечества.

Оставляя в стороне экзотическое изображение человека частью экономического механизма, приходится иметь дело с размышлениями о субординации материальных и духовных потребностей, взаимовлиянии духовной и экономической жизни людей, взаимосвязи биологического и социального в выживании и прогрессе человечества, роли и судьбе национального и общечеловеческого в жизни людей и т. п.

Если не забывать того, что экономика передовых стран является вершиной товарного производства, тогда придется признать, что элементы духовной жизни становятся общезначимыми и пользуются спросом лишь постольку, поскольку они товарны. В то же время потребитель, будучи участником потребительской гонки, спешит и не способен потреблять трудоёмко. Отсюда господствующим, массовым спросом пользуются те элементы духовной жизни, которые внешне привлекательны или

отличимы любой ценой и легки для усвоения, т.е. поверхностные, соответствующие среднему массовому потребителю, посредственные.

Если духовность определять как увлеченность идеями и беспокойством о возвышении сознания над биологическими влечениями, о гармонии личного и общественного, о расширении свободы в отношении природных зависимостей, о судьбе человечества, то состояние общественного сознания в экономически передовых странах можно назвать бездуховным применительно к массам их населения; в кругу некоторых ученых, писателей, художников и общественных деятелей духовность, безусловно, существует. Если духовность определять как озабоченность удовлетворением потребностей современников (индивидуальных и групповых), то общество передовых стран должно считаться духовным в основной массе, а в указанном круге деятелей признать присутствие прожектёрства и далекого от практики умозрения.

Пока духовность по первому определению не станет господствующей, глобализация общественного сознания будет убыстрять развитие человечества в направлении самоуничтожения; подробности этого направления развития общеизвестны.

В итоге, исследование показало, какие объективные условия и тенденции глобализации жизни человека уже заметны, каково состояние общественного осознания результатов и последствий глобализации и каков выбор будущего человечества.

Субъективные факторы глобализации жизни человека

Психологические предпосылки глобализма. Что бы ни говорилось о необычности психологии индивида, предметом ее устремлений служит внешний мир. Особенности этой устремленности в образных формах отражаются в фольклоре и авторских литературных произведениях. Персонажи мифов, преданий, былин, сказок и эпосов постигают внешний мир и самих себя в подвигах, путешествиях и приключениях, где появляется желание охватить мир своими силами или с помощью сверхъестественных сил. Персонажи авторских литературных произведений томимы одиночеством, однообразием, скукой, слабостью или избытком сил, стремятся к иному и даже универсальному средству преодоления чувства неудовлетворения.

С появлением средств связи, достигающих любой точки Земли, психология индивида включает в предмет своих переживаний события мирового масштаба; предметом психологии индивида становится нечто всеохватное, глобальное. Поскольку любопытство имеет и инстинктивный,

психологический уровень, постольку психологическая составляющая входит в причины не только развившегося в мировом масштабе туризма, но и участвующих смен места и образа жизни.

Чувства сопричастности и сопереживания выражаются во всемирных компаниях помощи пострадавшим, торжествах и праздниках, днях солидарности с борцами за всеобщее дело. Эти чувства отражаются в современной литературе, как реалистической, так и мистико-фантастической.

В философской литературе, которая оперирует универсалиями, психология индивида всегда носила общечеловеческий характер. При этом в различных философских учениях черты общечеловеческой психологии могли быть различными.

В той степени, в какой философские учения касаются психологии, они раскрывают всеобщность ее черт и predispositions, включающих стремление к расширяющемуся охвату внешнего мира. Вместе с тем любое философское учение стремится создать наиболее общие представления о мире в целом или его части, рассматривая иные знания и данные о нем в качестве единичного, случайного, местного и т. п. Согласно диалектике общее свойственно единичному, но не исчерпывает его, поскольку единичное является пересечением многих видов общего. Так что общность чувственного, психологического, вскрываемая философией, частична и не отрицает единичности (и индивидуальности) остального в нем. Такое же соотношение общего и единичного присуще образным обобщениям художественной литературы и психологии как науки. Сколь бы ни были более конкретными обобщения литературы в типичных образах и психологии в понятиях (в том числе допускающих наблюдение и измерение), состояние психологии индивида или социальной группы богаче отраженного в общем и открыты для других обобщений, в том числе противоположным имеющимся и распространенным. Отсюда следует, что вскрываемая обобщениями predisposition психологии к расширяющемуся охвату мира – одна из возможных, объективно существующая и субъективно искомая. Она явная, за которой скрываются неявные.

В итоге, нужно признать, что существуют психологические предпосылки как для глобализма, так и антиглобализма.

Интеллектуальные предпосылки глобализма. Скрыто или явно признаваемый материализм предполагает объективное содержание интеллекта, отражающего объективный мир. Если отражаемое привычно по отношению к отражению, то идея глобализма выглядит отражением

объективной глобализации, то есть ее следствием, а не предпосылкой. Но настойчивая реклама и многочисленные книги по глобализации убеждают в наличии интенсивной интеллектуальной агитации за глобализм, которая отводит интеллекту роль аргумента или предпосылки глобализма.

Чтобы доводы интеллекта имели глобальный характер, и особенности интеллекта заслуживали глобального распространения, интеллект должен сформироваться и действовать в рамках общечеловеческого опыта. Общечеловеческий опыт до сих пор складывался из разнообразного опыта частей человечества. Разнообразие опыта сформировало разнообразие интеллекта, включающее взаимоотрицающие подходы к миру. Знание сущностного мира служит средством преобразования воспринимаемого мира, утверждает европейская рациональность. Знание сущностного мира позволяет войти в его поток, достичь гармонии с ним, не преобразуя его, твердит восточная даосистская рациональность. Нехватка благ для удовлетворения чувственных потребностей причиняет страдания, поэтому необходим достаток благ, приносящий удовлетворение, – на этой установке держится европейская рациональность и связанный с нею социально – экономический прогресс. Потакание чувственным потребностям несет страдания, поэтому необходимо отречься от чувственных влечений и обрести блаженство в просветленном сознании, гласит восточная буддистская рациональность.

Подобные взаимно отрицающие установки не позволяют сформироваться единообразному глобальному интеллекту. Бегством от достижения такого интеллекта служит признание глобальным состоянием интеллекта его многообразие, включающее несовместимые части. Такое признание составляет часть европейской рациональности. Разделяют ли его другие рациональности – не столь ясно, хотя глобалистам кажется, что безусловно разделяют.

Если признается многообразие сосуществующих рациональностей глобальным состоянием интеллекта, то нельзя уйти от вопроса: равноценные ли сосуществующие рациональности? Сам факт сосуществования свидетельствует о равноценности в способности существования. Но равноценны ли элементы разнообразия существующего в иных отношениях: познавательных, практических, этических, эстетических...?

Кажущаяся простота вопроса создает надежду на простоту ответа на него. Вместе с тем, простой и определенный ответ есть лишь в познавательном и практическом отношении: европейская рациональность

глубже и масштабнее познает и преобразует мир. В иных отношениях к каждой рациональности полностью применимо положение: всякий прогресс сопровождается регрессом. Скажем, разум фиксирует, что крепость кровнородственных связей ограничивает индивидуальную свободу (выбор возможностей вне этих связей), зато его окружают опека, забота, сопереживания и он чувствует свою общность с жизнью рода и его спутников. С другой стороны, разуму очевидно и то, что разрыв родственных связей, приоритет прав индивида над правами родственников освобождает индивида для использования возможностей вне родственных связей, зато индивид присоединяется к обществу одиночек в толпе. Его общность с другими пропорциональна удерживаемым им социальным ролям, так что при угасании их неотвратимо надвигаются одиночество и покинутость.

Важные сами по себе сравнительные оценки рациональностей в непознавательных и непрактических отношениях приобретают значение для оценки познавательных и практических возможностей постольку, поскольку результаты познания и практики допускают этические, эстетические и другие оценки.

Весомость непознавательных и непрактических оценок рациональностей может превзойти весомость их познавательных и практических оценок. Это касается и оценок рациональности, определяемой как наибольшая эффективность при наименьших издержках.

Например, освоение европейцами Африки, Америки, Заполярья и Австралии сопровождалось вытеснением местных способов производства средств существования, которым соответствовали свои рациональности с их интеллектом. Для местного интеллекта были очевидными, но не бесспорно приемлемыми эффективность и минимальность издержек пришлого способа производства. Хотя местный интеллект был на мифологическом уровне, он встревожился от невиданного вторжения человека в природу, ожидая наказания от ее таинственных сил. Распашка степей, вырубка лесов, добыча полезных ископаемых, хозяйственная специализация и т.п. вносили новое, но чужое, разрушавшее хозяйственно – бытовой уклад местного населения. Его интеллект не принимал европейской рациональности по этическим, эстетическим и наивно-натуралистическим соображениям. Не европейская рациональность с ее интеллектом переубедила местные рациональности с их интеллектами и создала тем самым интеллектуальные предпосылки своей глобализации, а обман, соблазн и сила оттеснили местные рациональности. Однако распространение европейской рациональности

такими средствами (а не переубеждением) пробудило ее к критической самооценке и сравнительной оценке рациональностей.

Господствующие течения, как и оттесненные ими, обсуждают причины появления и способы решения глобальных проблем современности (экономические контрасты, голод, загрязнения, войны и т.д.), но не способны пока признать собственные слабости и ошибки.

Все же разнородность европейской рациональности способствовала появлению объективных сравнительных оценок иных рациональностей. В последних наиболее ярко философские идеи, тогда как конкретные знания составляют пестрый фон обобщений обыденного опыта. Обыденный опыт отражает особенности условий существования цивилизаций с их рациональностями.

Идеи индийской философии о подавлении чувственных влечений не приняты европейской рациональностью, хотя отмечено их влияние на философию А. Шопенгауэра. Зато возник интерес к идеям даосизма, Ганди, арабского средневековья, а также к опыту жизни остальных народов. Этот интерес обусловлен потребностью в альтернативах если не всей европейской рациональности, то, по крайней мере, ее частям, приведшим к глобальным проблемам современности, – морали, искусству, науке.

Ясно, что европейский интеллект сравнивает и оценивает различные рациональности в рамках, или с позиции европейской рациональности и, извлекая из них пользу, стремится соединить несоединимое в рамках меры (например, преобразовательное и созерцательное отношение к природе, поддержание потребностей и воздержание от них, увеличение затрат на генетические изменения продукции и удорожание традиционной продукции и т.д.). При этом мера определяется средствами европейской рациональности (науки, права, политики), но ее качественные особенности навеваются неевропейскими рациональностями (скажем, сохранение ландшафта при разработке недр, приспособление питания к циклам природы, признание зависимости успеха средств лечения недугов от волевой установки пациента, создаваемой самотренировкой, и т.п.).

Приобретения от сравнительной оценки неевропейских рациональностей не решают глобальных проблем современности, но поддерживают многообразие интеллектуальных установок, в том числе и соперничающих друг с другом. Одним из выражений соперничества интеллектуальных установок служит оправдание и отвержение глобализма. Доводам эффективности, наибольшей производительности

при минимальных издержках, противопоставляются цена наибольшей производительности, находящаяся в прямой зависимости от энерговооруженности и суммарные издержки, не только прямые (на поддержание средств производства), но и косвенные (истощение ресурсов, урбанизация, загрязнение среды, уничтожение нетронутой природы). Это указывает на то, что глобализм не имеет единодушной интеллектуальной поддержки. Поскольку до глобализации не было недостатка в ее противниках среди философов, культурологов, социологов, экономистов, постольку следует признать, что интеллектуальные предпосылки глобализации составляют лишь часть интеллектуального многообразия европейской рациональности.

В итоге, анализ субъективных факторов глобализации показал, что на уровнях психологических и интеллектуальных предпосылок глобализация имеет частичную обусловленность ими. Психологические и интеллектуальные предпосылки могут создавать предрасположенность к антиглобализму и другим перспективам человечества.

Противоречивость и безальтернативность глобализации

Противоречивость объективных и субъективных факторов глобализации. Среди объективных факторов глобализации жизни человека выделяется экономика. Её потребности и тенденции противоречивы в различных отношениях. Наиболее бросающимся в глаза является противоречие в соотношении национального и наднационального, понимаемых как местное и международное.

Ориентировка национальной экономики на коренное население придаёт ей противоречивые тенденции изоляции и глобализации, их можно увидеть в экономике стран Дальнего Востока.

Не избавлена от противоречивых тенденций изоляционизма и глобализма также экономика, открытая для иностранцев с высокой и низкой квалификацией.

Иностранцы с высокой квалификацией поддерживают развитие и конкурентоспособность производства. Но для коренного населения возникают противоречивые тенденции. Выгоден вклад иностранцев в развивающуюся экономику, но не выгодно вытеснение коренного населения из неё. Выгодно привлечение иностранцев в области низкоквалифицированного труда. Незаменимые продукты потребления (в сельском хозяйстве, сфере услуг) создаются без затрат на наукоёмкие средства и поддержание величин оплаты труда вытесненного коренного населения. И в этом случае свободного, глобального перемещения рабочей

силы экономика коренного населения, удовлетворяя его спрос, одновременно сокращает его, поскольку нужно делиться с иностранцами.

Противоречивые тенденции экономики, выражающиеся в изоляционизме и глобализме, порождают этнические, правовые, политические и прочие противоречия в каждой стране современного мира. В развитых странах растёт доля некоренного населения, в отсталых странах уменьшается доля потенциально квалифицированного населения. Отстаивая свои интересы, коренное население развитых стран использует разнообразные средства минимизации издержек на иностранцев: приоритетность трудоустройства коренного населения, заниженная оплата труда иностранцев, неполноценность гражданского статуса (нелегальный, имеющий вид на жительство, претендующий на гражданство и т.п.), культурная ассимиляция. Налицо социальные формы обеспечения условий биологического выживания коренного населения.

В отсталых странах стремятся привлечь квалифицированное население в отсутствие собственных средств для этого, прибегают к внешним займам и вкладам. Возникает и постоянно растёт внешняя задолженность, увеличивается разрыв между развитыми и отсталыми странами, сохраняющий и усугубляющий непривлекательность последних для квалифицированного населения. Вместе с тем, открытость отсталых стран способствует вытеснению местного низкоквалифицированного населения из производства: оно либо замещено производством по ввозным технологиям, либо подавлено привозными товарами. Отсюда массовый выезд низкоквалифицированного населения в развитые страны. Выезд производителей ослабляет экономику, и государства вынуждены применять внеэкономические меры его ограничения. Выезд превращается в нелегальное бегство, режимы правления изменяются в направлении от либерализма к деспотизму.

Противоречия в материальных предпосылках глобализации отражаются в духовном мире народов, который многообразно выражает соотношение национального и глобального в сознании, т.е. субъективно. Об этом свидетельствуют определения понятий и идей, предпосылаемых глобализму: самоопределение (суверенитет), разоружение, сосуществование культур, приоритет прав человека, международный суд и т.п.

Идея самоопределения народов выглядит антиколониальной и антиимпериалистической. Определение колониального и империалистического государства включает понятия насилия, экономического неравенства центра и периферии, вытеснение культуры

одних народов культурой других и т.п., – одним словом, указывает на деление народов на подчиняющие и подчинённые. Однако, большинство современных народов сформировалось путём подчинения одних народов другими. При этом следует различать народ и нацию, народ и народность и т.д. путём различения существенных признаков этих общностей (экономический уклад, территория, язык, обычаи). По каким признакам выделять народы; какие народы имеют право на самоопределение? Указанием противоречивости ответов на этот вопрос служат противостоящие им идеи территориальной целостности и нерушимости границ.

Можно придерживаться мнения А. Бергсона, что в истории нет ничего, что не по силам воле и деятельности людей. Тем не менее, есть объективное состояние географической среды, численности населения и, наконец, способа производства, которое порождает отчаяние страдающих масс и которое не могут преодолеть добровольные усилия других народов. Такое состояние оправдывает претензии на географическую среду и место в способе производства других народов. Неодинаковость состояний страдающих и преуспевающих народов обнаруживает неодинаковость норм их жизни. Вполне возможно, что нормы одного народа угрожают существованию другого народа. В таком контексте разоружение оказывается таковым для одних народов и вооружением для других, т.е. разоружение оказывается перевооружением, когда взамен технического оружию средствами защиты и завоевания условий жизни народов будут служить биологические особенности, психология, нравы, религия. Таким образом, разоружение двусмысленно, противоречиво и в глобальном применении ведёт не к тому, на что рассчитывает глобализм.

Сосуществование культур является широковежательной установкой глобализма. В первом приближении она вполне убедительна и глобально применима, если понятие культуры охватывает все стороны жизни народа. Вытеснение отсталых по производительности труда способов производства передовыми и поверхностных знаний глубокими позволяет сохранить разнообразию культур лишь в более узком смысле, охватывающем внепроизводственную и вненаучную сферу жизни: мораль, право, политику, искусство, философию, религию. Но и в этой сфере культура теряет самобытность, поскольку на неё влияют производство и наука. Последние, пришедшие из другой, в широком смысле, культуры, требуют соответствия себе оставшихся самобытными элементов культуры, принявшей пришельцев. С учётом такой тенденции, сосуществование культур следует понимать как ненасильственное вытеснение сильной

культурой слабых (что подобно мирному сосуществованию как форме классовой борьбы социализма с капитализмом в 60-70 годы XX века). Хотя названное вытеснение необратимо в той мере, в какой необратим рост потребностей в средствах существования, вытесняемые элементы относительно самостоятельны, независимы от способа производства, что выражается в их сопротивлении влиянию последнего в различных формах – от простого игнорирования требований производства и результатов научного познания до нетерпимости к чуждой культуре. Таким образом, понятие, или принцип сосуществования культур оказывается противоречивым элементом идейных предпосылок глобализма.

В итоге, имеющиеся заявленные субъективные предпосылки глобализации являются противоречивыми и сомнительными для её обеспечения.

Глобализация – путь выживания человечества. Исследование объективных и субъективных факторов глобализации показало, что всем им сопутствуют факторы локализации. В общественно – политической среде сопутствие факторов глобализации и локализации породило мнения и руководимые ими движения глобализма и антиглобализма. Соотношение сил явно в пользу глобализма, но ряды антиглобалистов множатся. Из этого следует неясность перспективы: чему принадлежит будущее, глобализму или антиглобализму. Для преодоления неясности нужно присмотреться к процессам, усиливающим или ослабляющим глобализм и антиглобализм. Первым из них можно взять, например, растущий разрыв между экономическими возможностями отсталых и развитых стран.

Относительная культурно-политическая изоляция возможна, но экономическая, по крайней мере, сейчас, при сложившемся международном разделении труда, невозможна. Отсталые и развитые страны экономически взаимосвязаны, так что растущий разрыв в их возможностях производства и потребления преодолим взаимозависимо, т.е. глобально. Средства преодоления разрыва действенны лишь постольку, поскольку они взаимовыгодны. В своё время грабёж колоний метрополиями за счёт высоких цен на ввоз и низких цен на вывоз погубил, в конце концов, колониальную систему. Сохранение такого грабежа современных отсталых стран экономически не выгодно, так как оно сужает рынок, позволяющий вывозить капитал и ввозить прибыль и качественную продукцию. Можно простить долги отсталых стран, но тем самым отмахнуться от них и оставить в изоляции не удастся. Международное разделение труда, соответствующее многообразию потребностей, вывоз капитала, перемещение рабочей силы сохраняют взаимозависимость стран,

в которой выгодным становится не разрыв в развитости, а относительное равенство. Заметно появление новых экономически сильных стран.

Экономические тенденции включают, наряду с разделением, кооперацию капиталов и труда для создания всё более дорогостоящей, но необходимой человечеству продукции (транспорт, дороги, ускорители, космические станции и т.д.). Для экономики основным путём изменения в обозримом будущем остаётся путь глобализации.

Глобализм в экономике укрепляется множасьими глобальными потребностями. Среди них первейшая – научно-исследовательская.

Научные исследования усовершенствуют производство и потому имеют глобальное значение. Очевидность этого избавляет от необходимости изложения конкретных доводов в его пользу. Следует обратить внимание на формулировку наукой общечеловеческих ближайших и отдалённых проблем и средств их решения. Среди ближайших – сохранение среды обитания, обеспечение энергией, удовлетворение потребности в продовольствии.

Сохранение среды обитания включает поиск или поддержание процессов, сохраняющих физические, химические и биологические условия жизни человека, а также поиск средств устранения процессов, разрушающих эти условия. Научные исследования, или проще, наука устанавливает масштаб и скорость изменения химического состава и физических свойств атмосферы и ионосферы, сокращения объёма пресной воды, планктона, рыбы, численности видов диких животных и растений, объёма и доступности полезных ископаемых, плодородия почв, объёма твёрдых и жидких отходов производства и т.п. Необходимые наблюдения и измерения показали, что масштабы и скорости названных процессов затронули среду обитания всех людей и стали непреодолимыми круговоротом веществ и циклами изменений в природе. Наука предлагает либо ищет средства устранения разрушительных процессов: безотходное производство и утилизация отходов потребления, ограничения и запреты на охоту, отлов и сбор исчезающих видов животных и растений, новые источники энергии, изъятие из пользования доли угодий и т.д. Она же доказывает, что перечисленные средства сохраняют среду обитания, если все страны будут их использовать (а не перепродавать недоиспользованные возможности разрушения её). Рекомендованные наукой средства дорогостоящи, и потому их создание и применение прямо или косвенно обременяет все страны.

Помимо ближайших проблем наука формулирует отдалённые проблемы и средства их решения. Отдалённые проблемы: освоение

мирового океана, глубин Земли и планет солнечной системы, устранение болезней людей и т.п. (самые смелые из них излагаются в научной фантастике). Если уже освоение околоземного пространства потребовало международного сотрудничества, то решение более сложных проблем гораздо более дорогостоящими средствами потребует усилий всего человечества.

Признание рассмотренных ближайших и отдалённых проблем общечеловеческими предполагает единство устремлений людей. Но его нет, и потому, как ни странно, многим людям они не кажутся общечеловеческими или касающимися их. Они руководствуются личными, групповыми, классовыми или национальными интересами и не только возлагают общечеловеческие заботы на часть человечества, но и отвлекают эту часть на решение внутричеловеческих проблем, а проще – стремятся поставить эту часть на службу своим интересам. Важнейшей оказывается проблема единения человечества. Безразличие или неприязнь части людей к предпосылкам, факторам и целям глобализации показывает, что они не испытывают безусловной объединяющей силы. Положение сходно с тем, в котором оказались русские космисты, искавшие идею «общего дела» человечества. Они отметили, что в истории не оказалось ни одной светской или религиозной идеи (включая христианство и социализм), которая мобилизовала бы всех на общее дело; каждая идея вносила разделение и раздор между людьми.

Предложенная русскими космистами идея общего дела – достижения бессмертия и воскрешения предков – снисходительно воспринимается с улыбкой из-за очевидной неосуществимости. Однако незаслуженно умалчивается приговор космистов всем предшественникам – неспособность предложить людям идею общего дела. Может быть потомки, включая современных, сформулировали её?

Религия, лишённая единства и пребывающая в многообразии, не объединила людей. К тому же она не убедительна для неверующих. Капитализм времён свободной конкуренции, а затем и империализма, не ослабил раздор между народами, а напротив, развязал первую мировую войну. Социализм, стремившийся преодолеть экономическую эксплуатацию трудящихся и добиться экономического равенства между людьми, не добился своей цели ни в собственных странах, ни в международном масштабе.

Ссылаясь на такие и подобные данные истории, можно видеть в них выражение неизменной природы человека – эгоистической, собственнической и агрессивной. Кажущееся вершиной гуманизма

превознесение индивидуальности, первичности возможностей индивида, на самом деле антигуманно и под социальными масками поощряет естественное внеобщественное состояние войны всех против всех, отношение к другим людям как средству достижения своих целей и безразличие к дозволенному и недозволенному в обществе. Этнический и национальный эгоизм выражает лишь свойства среднего такого рода гуманного индивида. Антигуманность превознесения индивидуальности и эгоизма состоит в их несоответствии потребности выживания индивида, удовлетворяемой лишь деятельностью общества. Уже гуманисты просвещения, а затем утилитаристы установили, что индивид живёт по-человечески лишь постольку, постольку поступает своими естественными притязаниями в угоду общественным по договору и поскольку он приносит пользу обществу. Планетарный масштаб деятельности людей привёл к тому, что индивид вне общества беззащитен не только перед стихией природы, но и перед человеческим преобразованием её. Более быстрые по сравнению с природными человеческие изменения среды обитания требуют большего внимания к последним, чем к капризам природы. Но человеческая деятельность обусловлена потребностями людей. И если она требует изменений, то требуются изменения потребностей. Поскольку всемирному масштабу изменений среды обитания можно противостоять всемирно, общечеловечески, постольку индивидуальные интересы и действия должны содержать часть должного суммарного вектора, равнодействующей. Идея выживания является объединяющей индивида и общество. Нового в ней ничего нет, но новым является её первостепенное значение. И хотя нетрудно каждому придти к такому выводу, осознанию и признанию его препятствуют господствующие разъединяющие идеи, отражающие противоречия между людьми: в производстве, потреблении, образовании и досуге. Противоречия разрешаются или приглушаются, усиливаются или ослабляются деятельностью людей. Сознание людей способно и обязано мобилизовать деятельность людей на подчинение всех противоречий основному: между потребностью и условиями выживания.

Преодоление господства разъединяющих идей достигается разрешением или приглушением порождающих их противоречий. Жизнь для всех должна быть достойной общечеловеческого значения и человечество должно каждому дать жизнь, соразмерную с возможностями человечества. Тогда каждый станет озабоченным общечеловеческой проблемой выживания. Сейчас же в развитых странах равенство возможностей формальное, неравенство многолико. В отсталых странах

равенство возможностей даже не провозглашается, неравенство кричаще и включает массовую бедность, нищету и голодание. Прежде всего, надо разрешать экономические противоречия, порождающие основные виды неравенства и затемняющие противоречие между потребностью и условиями существования. Нужно убедиться в общечеловеческой невыгодности, вредности экономического неравенства. Требуемое убеждение формирует оценка материальных последствий в среде обитания, а не агитация за сохранение среды в условиях неравенства. Достигнутое в некоторых развитых странах экологическое благополучие не противоречит этому: оно достигнуто смягчением экономического неравенства (позволившим всем одобрить затраты на защитные меры) и вынесением вредного производства в отсталые страны или его неутилизованных отходов – в мировой океан (чему не могут воспрепятствовать отсталые страны). Неравенство, приглушенное внутри некоторых стран, поддерживается на международном уровне.

Одним словом, человечество глобализируется как угрозой создания вредоносной среды обитания, так и необходимостью поиска объединительных идей для её преодоления.

Сознание человека не позволяет ему мириться с искусственными и естественными угрозами его существованию. Угрозы распространяются на всё человечество, поэтому осознаётся неизбежность всечеловеческих усилий для их преодоления. Глобализация проблем требует глобализации средств их решения. Человеческая жизнь глобализуется. Альтернативой ей служат бегство от современности и организация общин в глухих лесных местах. Но таких мест хватит на незначительную долю человечества. Кроме того, бегство от современности означает смирение перед земной поверхностной ограниченностью существования человечества. Для большинства людей альтернативы глобализации жизни нет.

Глобализация и будущее человечества: глобализм и антиглобализм

Теперь необходимо выяснить, какого рода будущее глобализация сулит человечеству, с одной стороны, и безальтернативно ли она ей, – с другой.

Экономическое принуждение завершит международное разделение труда и обеспечит предельную быстроту истощения сырья всей земли. Предельно усовершенствуются средства энергосбережения. Но сохранение тенденции роста потребностей и роста энерговооруженности производителя сохраняют рост расходов земных источников энергии.

Традиционным энергоносителям (нефти, газу, углю, урану) нет эквивалентной замены (ветры, реки, земное тепло маломощны, непостоянны либо труднодоступны; надежды связываются с океанскими и морскими волнами, но пока нет прямых преобразователей их механической энергии в другие виды энергии, минуя турбины). Реакторы с управляемым ядерным синтезом кажутся невозможными, ибо требуют физических условий звёздного масштаба, не подвластного человеку.

На этом фоне непреодолимой тенденцией выглядит падение энерговооруженности производителя, пропорциональное падению использования традиционных энергоносителей, связанному с их истощением. Первой жертвой этой тенденции станет энергоёмкое производство: машиностроение, строительство, сельское хозяйство, транспортные услуги. Замена физических технологий химическими и биологическими не представляется спасительной для энергоёмкого производства. Для глобальной экономики откат в прошлое невозможен (в первую очередь из-за большой численности населения), но невозможной будет и опора на энергоёмкое производство, что и приведёт её к краху.

Антиглобализм обеспечивает несколько иное будущее экономики, подробности которого зависят от характера антиглобализма. Радикальный антиглобализм ориентирует на достаточность собственного производства и потребления, на экономическую изоляцию народов. Со времени появления торговли между народами полная изоляция их стала невозможной, но в основном она существовала. Она позволяла народам пережить свой взлёт и падение, экономический упадок, приводивший их к гибели или поглощению другими народами. В теперешних условиях радикальный антиглобализм не достижим из-за желания народов выжить за счёт усовершенствования своей экономики средствами экономики других народов. Достижимым кажется относительный антиглобализм, при котором приоритетно внутреннее производство и потребление. Если этот приоритет обеспечивается внеэкономическим принуждением, то народам уготовано не одинаковое развитие, экономический расцвет одним и упадок другим. Если этот приоритет обеспечивается экономическими интересами, то неизбежно взаимограничение потребления и производства, компенсируемое вывозом и ввозом в рамках дополнительной экономики. Преодоление взаимограничения связывает потребление и производство с экономикой других народов и подчиняет их глобализации с её указанным экономическим будущим.

Глобализация экономики не ведет к выравниванию благосостояния народов, поскольку вклады и кредиты капитала, глобализирующего

экономику, обеспечивают в первую очередь интересы вкладчика и кредитора, а не принимающих вклады и берущих кредиты. До сих пор преобладает тенденция роста разрыва в благосостоянии стран должников и кредиторов, миллиарда преуспевающих и пяти миллиардов отстающих людей. Это отражается на политике глобализирующегося мира.

Казалось бы, глобализация экономики должна повлечь за собой политическое единообразие государств и принудить к общечеловеческому органу управления (подобному предлагавшемуся А.Д.Сахаровым мировому правительству ученых). На деле, однако, теряет дееспособность единственный международный орган управления – Организация Объединённых Наций. Распри в ООН являются выражением разнообразия интересов экономически неравных государств. Внешне возможно внеэкономическое принуждение к политическому единообразию (опыты бомбардировки Сербии, оккупации Ирака, умиротворения Афганистана, Ирана и т.д.). Сохранение и расширение НАТО укрепляет такую возможность. Вместе с экономическими санкциями военно-политические санкции создадут политическое единообразие в мире. Установление политического единообразия по образцу экономически преуспевающих государств будет пирровой победой для них из-за их биосоциальной и моральной уязвимости.

Терпимость к низким социальным стандартам, меньшая вовлечённость в борьбу за индивидуальные свободы и пользование ими, моральное поощрение естественного и осуждение искусственного и извращённого делают активные отсталые народы биологически более приспособленными, чем развитые народы. В то время как развивающимся отсталым странам свойственны прирост и омоложение населения, коренному населению развитых стран свойственны простое воспроизводство (иногда и убыль) неуклонно стареющего населения. Заполнение развитых стран иммигрантами из отсталых стран в обозримом будущем превратит коренное население развитых стран в меньшинство (уже указаны времена мусульманизации Европы, китаизации России).

Для сохранения экономического и политического статуса развитых стран необходимо включение иммигрантов в движущие сферы жизни этих стран, что требует изменения образа жизни иммигрантов. Пока иммигранты сохраняют свой образ жизни, они остаются источником низко квалифицированной рабочей силы. Их растущее численное преобладание приведёт к относительной избыточности населения (безработице хронической), социальному перенапряжению и экономической отсталости.

Поскольку всё же народы развитых стран стремятся подчинить иммигрантов своим моральным и правовым нормам, постольку в случае подчинения им иммигранты разделят судьбу коренных народов. Развитые страны, поглощая избыточное население развивающихся стран и вывозя капитал в них, способствуют экономическому выравниванию стран. Экономика и политика станут единообразными, глобально одинаковыми по уровню. В то же время достаточность и подъём уровня экономики обеспечиваются только наукой и техникой. Исчезновение влияния на экономику всех других сфер материальной и духовной деятельности превращают науку и технику в универсальное средство решения всех общественных и индивидуальных проблем. Наука и техника в состоянии привести в соответствие все стороны общественной жизни в рамках возможностей планеты.

В итоге, исследование показало, что глобализации экономики и обусловленных ею сфер общественной жизни нет соизмеримого противодействия. Лишь противоречивость экономических и социально-политических процессов в развитых странах, служащих источниками глобализации, создаёт возможность саморазрушения глобализации. Однако эта возможность не является неизбежностью на фоне совершенствующихся социально-политических отношений научно-технического прогресса.

Противостояние глобализма и антиглобализма показывает, что глобализм конструктивен чёткостью перспектив, основанных на научном предвидении. Антиглобализм неконструктивен направленностью в прошлое и нечёткостью перспектив из-за подмены в предвидениях рациональных доводов эмоциональными. Конструктивной альтернативой глобализму может быть многообразие самодостаточных общественных систем, не нуждающихся в международном разделении труда и способных противостоять планетарным угрозам. Утопичность такой возможности делает глобализм средством будущего единства человечеств

Глава 1.2. Трансформации идеи модерна в эпоху глобализации

Переход от традиционного к современному обществу вызвал колоссальное количество споров и дебатов на предмет того, когда возникает этот переход и какие качественные изменения и черты принадлежат новому этапу в развитии общества. Для обозначения новой исторической эпохи с одной стороны англо-американские исследователи используют термины «современное общество» или «современность» с другой стороны представители немецкой традиции для обозначения нового типа общества используют понятие «модерн», «эпоха модерна». В данной статье для обозначения нового типа общества будет использоваться понятие «модерн». В модерне можно выделить три периода этапа развития: ранняя современность, зрелая современность и поздняя современность [1].

В определениях ряда авторов нет единого мнения о том, что такое модерн и какие качественные характеристики ему свойственны.

У. Бек в работе «Общество риска. На пути к другому модерну» выделяет первый модерн и второй модерн. Проект первого модерна был направлен на преобразование человеком природы. Он пишет: «В 19 веке модернизация проходила на фоне ее противоположности: традиционного унаследованного мира и природы, которую нужно было познать и покорить. Сегодня, на рубеже XX-XXI веков, модернизация свою противоположность поглотила, уничтожила и принялась в своих индустриально-общественных предпосылках и функциональных принципах уничтожать самое себя» [2, с. 11]. Это означает, что теперь источником угроз становится деятельность человека, следовательно, происходит разлом внутри самого модерна. Проект первого модерна оказался ненадежным. На смену ему приходит вторая ступень или второй модерн. У. Бек в работе «Что такое глобализация?» пишет: «Существенным признаком различия между Первым и Вторым модерном является невозможность устранить уже возникшую глобальность» [3, с. 25]. Под глобальностью автор понимает то, что «мы давно живем в мировом обществе» [3, с. 25]. Таким образом, ни одна страна не может не учитывать интересы другой, они не могут отгородиться друг от друга. Теперь все, то, что происходит в мире – победы и катастрофы – касаются всего человечества в целом. На наш взгляд этот факт является предпосылкой для всеобщего, высокого уровня солидарности.

В. Фурс в работе «Социальная философия в непопулярном изложении» говорит о том, что «современность имеет характер некоего всеобъемлющего жизненного проекта» [4, с. 32]. Прежде всего «современность» находит свое отражение в процессах общественной и культурной модернизации.

З. Бауман [5] для обозначения нового этапа современности использует термин «текущая современность». Текущность обозначает переход от традиций и обычаев к современности, однако этот процесс происходит постепенно. Это обозначает, что мир освобождается от традиций, привычным правам и обязанностям, которые по мнению Баумана связывают людей. Он пишет: «Плавка твердых тел (т.е. постепенная смена традиционного общества современным) привела к прогрессивному освобождению экономики от традиционных связей с политическими, этическими и культурными условиями. Это привело к выделению нового порядка, определенного, прежде всего в экономических терминах» [5, с. 10]. Общество, которое входит в XXI век не менее современно, чем общество, которое вступило в XX век. Это общество современно по-другому [5, с. 35]. Современным его, по мнению З.Баумана, делает «непрерывная, непреодолимая вечно незаконченная модернизация» [5, с. 35]. Быть современным – значит, неспособность останавливаться и стоять на месте [5, с. 36]. На наш взгляд, это не означает, что на смену одной исторической эпохе пришла совершенно новая, качественно другая, а означает лишь то, что процессы, которые были присущи ранней современности стали более интенсивными.

Какие же изменения присущи новой современности? Особенность «новой современности», пишет Бауман, заключается в следующем:

1. Крах времен современности и вера в «некое хорошее общество» построенное на справедливости и бесконфликтности.

2. Отмена государственного контроля и приватизация задач и обязанностей модернизации.

Это означает «право человека оставаться отличным от других», т.е. на свое усмотрение выбирать себе модели жизни. Другими словами, «необходимо становиться тем, кем является человек – это особенность современной жизни»

Отличительной чертой современного общества является глобализация, которая затрагивает вопросы, начиная от прав человека, традиций до уровня демократии, национальных государств. На сегодняшний момент идет мощный процесс перестройки всего мирового порядка и растет необходимость нового подхода к осознанию совместной

судьбы человечества. Процесс глобализации сопровождается развитием новых социально-политических, экономических и идеологических тенденций. В течение последних десятилетий мировое сообщество переживает ряд стремительных и кардинальных изменений. Отдельные национальные рынки, несмотря на барьеры и ограничения, культурные и политические различия, начинают образовывать единый глобальный маркет.

Расширение рыночных механизмов практически во все страны мира, привело к качественному изменению роли государства в национальной экономике и появлению новых сверхнациональных образований, которые определяют развитие отдельных экономик, а также всей мировой экономики. Обнаружилось, что глобализация – это безудержный и очень сложный процесс, хотя иногда он выражается во вполне конкретных фактах, например, в снятии таможенных ограничений на ряд товаров. Мотивами его являются постоянный поиск сравнительных преимуществ в торговле, минимизация расходов в производстве товаров и услуг через перемещение средств производства в страны с более дешевой рабочей силой, или повышение интенсивности труда с помощью новых комбинаций разделения труда, когда целые страны предстают как отдельные департаменты транснациональной корпорации.

Глобализация – не линейный, но волновой процесс, имеющий много различных стадий. Он простирается от эпохи географических открытий до капиталистической колонизации мира, от кризиса 70-80-х годов до краха социализма.

Глобализация – как сложный процесс имеет множество форм и аспектов, наиболее важные из которых – это взаимоотношения между современными мультикорпорациями и национальными государствами.

Множество субъектов продвигают и воплощают этот процесс – международные организации региональные организации, транснациональные корпорации, инвестиционные фонды, страховые компании, большие города и отдельные финансово-мощные индивиды. Явно заметное ослабление роли государственных институтов приводит к возвышению международных или глобальных институтов, берущих на себя функции защиты и охраны как внутреннего, так и внешнего для каждой страны порядка, причем выступающих как единый консолидированный механизм. Более конкретные и тесно сотрудничающие с населением институты заменяются на более абстрактные, отдаленные от национальной специфики глобальные нормы, поддерживаемые функционирующими на частной основе судами или

частными армиями. У. Бек в работе «Что такое глобализация?» пишет: «В результате капитаны бизнеса могут жить в самых красивых местах, а налоги платить там, где они самые низкие» [3, с.13].

Глобализацию можно рассматривать в четырех важных аспектах: как экономическую, политическую, коммуникационную и культурно-моральную глобализацию. Глобализация начиналась, прежде всего, как экономический процесс, как стремление к нахождению новых рынков сбыта и дешевой рабочей силы. Сегодня транснациональные корпорации создали разветвленные, опутывающие весь мир организационные сети, координирующие производство продукции и её продажу. В этой экономической глобализации можно вычленить два плана: потоки товаров и продукции, которой торгуют разные страны, и финансовые потоки. Более значимой и большей по объему сегодня является глобализация инвестиционных рынков.

По мнению английского социолога Э. Гидденса глобализация перестраивает нашу жизнь. В работе «Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь» автор пишет: «Было бы неверно думать, что глобализация затрагивает лишь крупные системы, такие, как мировые финансы. Глобализация касается не только того, что находится «где-то там» далеко и не связано с жизнью конкретного человека. Это явление находится в «непосредственной близости» и от нас, воздействуя на самые интимные и личные аспекты нашей жизни. Может показаться, что, скажем, идущая во многих странах дискуссия о семейных ценностях никак не связана с влиянием глобализации. Но это не так. Во многих регионах мира традиционные семейные структуры переживают трансформацию, или находятся под ударом, особенно в связи со стремлением женщин к большему равноправию» [6, с. 29]. Поэтому, отмечает Э. Гидденс, глобализация – это не один процесс, а сложное сочетание процессов.

По мнению У. Бека к настоящему времени разработано два подхода в отношении глобализации. Первый подход рассматривает глобализацию как увеличение международных потоков, идентичностей и социальных связей. Другие видят в глобализации расширение коммуникаций.

Вместе с глобализацией экономики начала меняться вся констелляция ценностей, востребованная политикой. Развитие делиберативной политики повышает статус деятельности гражданского общества и понижает авторитет волевых решений государственной власти. Обостряющаяся конкуренция между нациями переключает основное внимание обществ на область экономического соревнования, которая задает сами критерии конкуренции. Экономическая рациональность

начинает доминировать над политической. Политика не создает материальные ценности и экономический рост, а может лишь его стимулировать. Вместе с либерализацией мышления начинают гораздо острее осознаваться препятствия, которые бюрократический аппарат традиционно воздвигает на пути экономического роста. Политика по своей природе мыслит в категориях перераспределения национального продукта, а не его создания. Кризис политического в его традиционном понимании наиболее ярко выразился в ослаблении государственного суверенитета, что можно рассматривать как основной эффект глобализации в политике. Этому есть несколько причин:

1. Появление на политической сцене новых мощных политических субъектов, таких как ТНК и неправительственные организации, международные организации и международный капитал, вынуждает потесниться традиционных субъектов политики.

2. Глобализация ведет к заметному укреплению основ международного права, что также имеет эффектом частичную утрату правового суверенитета государств на своей территории.

3. Территориальный фактор в человеческих интеракциях, который лежит в основе суверенитета государства, утрачивает вследствие глобализации свое традиционное значение, и, соответственно, вместе с этим подтачивается значение государственной власти.

В статье «Спор о прошлом и будущем международного права. Переход от национального к постнациональному контексту» [7] Ю. Хабермас отмечает, что национальные государства сталкиваются с новыми функциональными проблемами, которые необходимо требует международного сотрудничества, также они теряют ряд полномочий [7, с. 16]. Причиной этому служит то, что экономическая глобализация и усиление мощи транснациональных корпораций ослабляют способность национального государства контролировать обмен с внешним миром, контролировать торговые, финансовые потоки.

Отличительной чертой глобализации является то, что она непосредственно затрагивает самую мощную и вдохновляющую из идей XX века – идею демократии. По мнению Э. Гидденса, граждане демократических стран испытывают разочарование в демократической системе. Здесь имеется в виду то, что люди утратили веру к политикам, но не к самому демократическому процессу. На наш взгляд сам демократический процесс обладает возможностями порождать и укреплять условия своего существования. Гидденс справедливо отмечает, что в демократических странах необходимо углубление демократии –

демократизация демократии. Демократия необходима на более высоком уровне, чем уровень отдельного государства. Демократизация демократии зависит от мощной культуры гражданственности. Однако рынок не способен породить такого рода культуру. Ареной, где вырабатываются демократические убеждения – это гражданское общество. «Под «гражданским обществом» мы понимаем сферу социальной интеракции между экономикой и государством, состоящим, в первую очередь, из сфер наиболее близкого общения (в частности, семьи), объединений (в частности, добровольных), социальных движений и различных форм публичной коммуникации. Современное гражданское общество образуется с помощью определенных форм самоконституирования и самомотивации. Оно институциализируется и генерализируется через законы и особенно субъективные права, которые стабилизируют социальную дифференциацию» Такое определение представляется известными исследователями Дж. Коэном и Э. Арато в качестве рабочего в предисловии к их известной книге «Гражданское общество и политическая теория» [8, с. 7].

Часто гражданское общество отождествляется со сферой частных интересов, потребностей. Однако гражданское общество нельзя отождествлять с социальной жизнью в целом. Необходимо отличать гражданское общество от политического и экономического сообщества. Следует выделить условия, которые, на наш взгляд, необходимы для успешного функционирования гражданского общества:

1. Экономические – это собственность. Каждый член гражданского общества должен владеть собственностью, которая делает его независимым гражданином.

2. Политико-правовые – это юридическое равенство граждан, полное обеспечение прав и свобод, а также их защита, политический плюрализм, многообразие политических групп, союзов, партий, организаций.

3. Культурные – повышение образовательного уровня, доступности информации, правовая культура.

4. Социальные – это наличие класса среднего собственника.

Э. Гидденс отмечает: «Мы – первое поколение людей, живущих в этом обществе (космополитическом), чьи контуры просматриваются пока довольно смутно. Оно потрясает основы нашего традиционного образа жизни, где бы мы не находились. На данный момент это еще не мировой порядок, определяемый коллективной волей людей» [6, с. 35-36]. Выход из

такого «бессилия» автор видит в реформировании тех институтов, что уже есть или создание новых.

Процессы, которые происходят в современном обществе, имеют сложный и многоуровневый характер. Последствия новых трансформаций имеют позитивный и негативный характер. З. Бауман пишет: «В настоящее время не хватает именно таких паттернов, кодексов и правил, которым можно подчиняться, которые можно выбрать в качестве устойчивых ориентиров и которыми впоследствии можно руководствоваться» [5, с.13]. Поэтому, на наш взгляд, решение проблем, стоящих перед человечеством требует солидарных действий, однако уже на новом уровне, на уровне мирового сообщества.

Глава 1.3. Публичная сфера и гражданское общество

Движение к гражданскому обществу и социальному, демократическому, правовому государству признается большинством современных исследователей как главная тенденция мирового развития. Потенциальные ростки гражданского общества существуют в любой культуре, но это не значит, что они всегда могут реализоваться в полной мере. Эта мера во многом зависит от интерпретационных возможностей культуры, от того, какие условия предлагает человеку социокультурная целостность, и от того, как люди понимают свои отношения с этой целостностью.

Не менее важным в этом контексте является вопрос формирования публичной сферы как условия и показателя развития демократии и гражданского общества. Феномены публичной сферы, гражданского общества и проблемы их возникновения в трансформирующихся странах находятся сегодня в центре научных исследований, но несмотря на это в обществоведении не существует обобщенного мнения относительно природы и соотношения этих теоретических конструкторов. Проблемы и недостатки разработки категориального аппарата приводят к трудностям методологического характера, затрудняют формулирования стратегий социально-политического развития. Мы ставим своей целью определить сущность категорий «гражданское общество» и «публичная сфера» с точки зрения их структурных элементов, соотношение между ними, потому что многообразие толкований содержания этих понятий еще не полностью преодолено. Особое внимание мы обратим на масс-медиа как фактор, который конституирует публичную сферу.

Современные общества всегда выступают как сложноорганизованные образования, поскольку являются структурированным единством многочисленных и достаточно автономных элементов. Образы и понятия общественных наук как раз и должны охватить зрелые социальные формы и движения, которые, находясь в координированных и согласованных взаимодействиях, через непрерывный процесс обновления и трансформаций обеспечивают основы автономного и самодостаточного существования общества как целостности.

Подобные модели и концепции, как правило, разрабатываются представителями западной социологии и поэтому ориентированы на осмысление «зрелой реальности» западных обществ. Для менее развитых стран эти образы играют роль совершенных и недостижимых в ближайшей перспективе образцов для подражания. Однако нет другого способа

понимания окружающего социального мира, кроме использования того понятийного инструментария, который разработан совместными усилиями разных поколений социологов. Именно этот «коллективный разум» пытается установить, по мнению В. Аутвейта, на что должно походить общество в целом (какие подразделения в нем являются необходимыми и обязательными), чтобы люди, которые составляют его, вели себя так, как они хотят делать и фактически делают [9, с. 151].

Среди таких понятийных моделей структуризации реальности особое место занимают «гражданское общество» и «публичная сфера». Но если первый конструкт более распространён и имеет длительную теоретическую разработку в социологической и политологической науке (что, тем не менее, не способствует прояснению его содержания), то в отношении публичной сферы следует отметить ее недавнее появление в активном научном употреблении, по крайней мере, отечественных теоретиков и исследователей.

Трудности дефиниции гражданского общества усиливаются терминологической нечеткостью самого конструкта: во-первых, понятие «гражданское общество» охватывает всю совокупность неполитических отношений и в этом смысле совпадает с предметом социологии, а во-вторых, характеризует определенный социальный идеал – общество свободных суверенных личностей, имеющих много общественных и политических прав, принимающих активное участие в государственном управлении, свободно выражающих свои мысли, образующих любые организации и партии, защищающие интересы людей и т.д. [10, с. 372].

Среди возможных точек зрения можно выделить несколько наиболее распространенных:

- по Г. В. Ф. Гегелю, гражданское общество – «публичная сфера частных интересов», которая связана с семьей и государством, но противостоит им, при этом каждый стремится только к собственным целям, но без соотнесения их с другими не может достичь их [11, с. 212];
- гражданское общество является теоретическим конструктом, который выражает определенное социокультурное пространство, созданное взаимодействием трех принципов: 1) оформлено равенство прав, обязанностей и ответственности граждан (правовая сфера), 2) господство частной собственности (экономическая сфера), 3) принцип общественно признанной внутренней свободы человека (духовная сфера) [12, с. 40];
- совокупность неполитических отношений, сфера спонтанного проявления интересов и воли свободных индивидов и их ассоциаций, защищенная законами от регламентации их деятельности со стороны

государственной власти. Здесь не государство обуславливает и определяет гражданское общество, а гражданское общество обуславливает и определяет деятельность государства [13, с. 22].

Наиболее удачным нам представляется определение, предложенное известными исследователями Дж. Коэном и Э. Арато в качестве рабочего в предисловии к их известной книге «Гражданское общество и политическая теория» и прозвучавшее в предыдущей главе. Эти исследователи считают важным, с одной стороны, не отождествлять гражданское общество с социальной жизнью в целом, а с другой, отличать его от политического общества (сферы партий, политических организаций и органов публичной политики) и экономического общества (предприятия, фирмы, партнерства). Гражданское общество характеризуется особым типом нормативной интеракции и открытой коммуникации, которые не свойственны в той же мере политическому и экономическому обществам. Эти функции прежде берет на себя публичная сфера.

Похожую точку зрения высказывает Ч. Тейлор. По его мнению, гражданское общество существует в двух основных формах – как рыночная экономика и как публичная сфера, в которой образуются общие ожидания, настроения и мысли [14, р. 259].

Понятие публичной сферы является, с одной стороны, понятным и таким, что в самом себе содержит указания на возможную дефиницию, а с другой, по мнению исследователей, не подлежит строгому описанию в общепринятых понятиях общественных наук. Наиболее выдающимися теоретиками публичной сферы является Ю. Хабермас, Х. Арндт, Ч. Тейлор, Н. Гарнем. Их концепции отличаются как взглядом на возникновение публичной сферы, так и трактовкой ее сущности.

Публичную сферу можно определить как «пространство пересечения частных интересов, подлежащих общественному контролю во имя сохранения и развития социума» [15, с. 152]. С одной стороны, она выступает как гражданский форум, место коллективного поиска общих целей, а с другой, – как область их практического воплощения и реализации. Таким образом, публичная сфера является способом обеспечения в обществе «климата причастности и демократизма» [там же, с. 153]. Ее смысл заключается в том, чтобы поддерживать и развивать участие самого общества в политическом процессе, стимулировать поиск таких решений общественных вопросов, которые дают оптимальные варианты сочетания частных интересов с коммунитарными. Иными словами, публичная сфера – важная часть того механизма, который позволяет переплавлять отдельные частные интересы в общественное

благо. Ю. Хабермас определял публичную сферу как пространство коммуникативных взаимодействий, сеть социальных коммуникаций, которые постоянно фильтруются и «срастаются в узлы тематически специфицированных общественных мнений» [16, р. 360], это пространство, где рождается и кристаллизуется общественное мнение.

Неформализованная публичная сфера – это открытая, доступная всем желающим область свободного обсуждения гражданами общественно значимых вопросов [17, с. 286]. Она близка к области частной жизни, где впервые проявляются социальные проблемы, связанные с недостаточным вниманием к потребностям определенных групп и слоев или с недостатками в регулятивной деятельности государства. Ростки публичной сферы находятся в сфере частной, состоящей из сети взаимодействий между людьми, которые в общении при помощи обыденного языка артикулируют проблемы, важные для их жизни. Неформализованный характер публичной сферы позволяет ей быть восприимчивой к социальным проблемам. Она следит за ними, привлекает к ним внимание, драматизирует их таким образом, чтобы на них реагировали государственные учреждения.

Общественная практика свидетельствует, что в последнее время именно публичная сфера инициировала обсуждение значимых, важных вопросов современности: последствия научного и технического прогресса, экологические риски, вопросы глобализации и экономического неравенства, сосуществование многих культур, бедность и т.д. Эти и другие проблемы вводились в институционализированную политическую систему, так сказать, с подачи публичной сферы.

Более конкретным понятие публичной сферы становится, когда мы обратимся к ее компонентам. Среди них теоретики называют гражданское общество как «организационный субстрат» публичной сферы. Именно в нем добровольные ассоциации и социальные движения, которые являются выразителями общественного мнения, обнаруживают социальные интересы и стремятся влиять на институционализированную политическую систему.

Другой необходимый элемент публичной сферы – средства массовой коммуникации (масс-медиа, или медиа). Они являются коммуникационной инфраструктурой публичной сферы, которая благодаря им расширяется за пределы контекста простых взаимодействий лицом-к-лицу и приобретает более абстрактный характер [16, р. 374]. Сочетая читателей, слушателей, зрителей, медиа создают эффект виртуального присутствия большого количества людей. Именно в неформальных и свободных от давления

власти группах общественности и в СМК осуществляются дискурсы по важным для большинства вопросам. Ведь непосредственную публичность общественный дискурс приобретает именно в системе СМК, которая обращается к публике, ориентируются на нее и одновременно к каждому отдельному человеку, который вовлекается в разговор и диалог через включение в массово-коммуникационные потоки.

Сейчас необходимым условием функционирования публичной сферы является политическая культура, которая в развитом виде порождает готовность граждан проявлять активность, включаться в обсуждение проблем и защищать свои социальные интересы и потребности.

По мнению российского ученого Ю.А. Красина, публичная сфера состоит из четырех главных компонентов – *экономического* (общественный сектор экономики, производство общественных благ, перераспределение доходов для удовлетворения общественных нужд), *социального* (пенсии и пособия, здравоохранение, образование транспорт, защита и безопасность, поддержка социальной стабильности и комфортности), *гражданско-политического* (негосударственные объединения и ассоциации, центры гражданской солидарности), *социокультурного* (институты хранения и производства духовных ценностей и культурных кодов общества) [15, с. 153].

Важнейшими функциями публичной сферы считают артикуляцию общественных интересов, публичный контроль над деятельностью власти, влияние на формирование государственной политики и политическое образование граждан [15, с. 153].

Состояние публичной сферы напрямую связано с развитием демократии и гражданского общества. Развитость публичной сферы определяется состоянием социально-субъектных ресурсов общества, уровнем готовности людей к формированию гражданских структур, которые бы стимулировали публичную деятельность. Именно от общественной самодеятельности граждан зависит демократизм государственного управления и республиканский настрой жизни. Вообще исследователи отмечают, что в определенной степени публичная сфера и публичная политика совпадают с аутентичной трактовкой демократии, характерной для древних греков, – связь людей с общегосударственными проблемами.

Публичная сфера – это пространство демократии, ибо она изначально рассчитана на широкое привлечение граждан, укореняется в интересе к общим проблемам, которое формируется в процессе

социализации. Поэтому присутствие людей и групп в публичной сфере является привычным и естественным.

Для своей защиты и развития публичная сфера использует собственные институциональные инструменты. Прежде всего, это институты гражданского общества: негосударственные объединения, ассоциации и т.п., которые в свою очередь без публичной сферы не могут функционировать, ибо без нее они не могут пересечь границы частных интересов и объединить их с общественными и национальными.

Другим важным институтом публичной сферы являются масс-медиа, о значимости которых мы уже упоминали выше. Именно независимые СМИ, которые должны обеспечивать население достоверной и актуальной информацией, участвуют в формировании и выражении общественного мнения, выполняют образовательную и более широкую социализирующую функцию и выступают орудием диалога между социальными группами.

Особенностью публичной сферы является тот факт, что ее невозможно «сфабриковать» по чьей-то прихоти. Успешность её функционирования зависит от того, насколько интересы политических субъектов, которые используют публичную сферу в своих партикулярных целях, соответствуют ценностным ориентациям и настроениям публики. Даже если ее мнением манипулируют, саму публику не могут открыто покупать или шантажировать. Благодаря коммуникативным действиям публичная сфера вместе с публикой развивается в структуру, воспроизводит саму себя и способна противостоять попыткам ее захвата со стороны различных политических субъектов – партий, групп давления, отдельных лидеров и масс-медиа [18, с. 20].

Однако позиция СМИ в публичной сфере носит двойственный характер. По мнению А.Н.Чумикова, они, фактически сливаясь с публичной сферой, могут одновременно разрушительно влиять на нее, когда становятся орудием бюрократического и олигархического манипулирования общественным сознанием. В таком случае они теряют почетный титул «четвертой власти» и превращаются в «структурное подразделение» государственной или коммерческой власти [15, с. 157].

Неотъемлемым признаком правового демократического государства является обеспечение свободы слова граждан, свободы информационной сферы, права на выражение собственного мнения и позиции, право на получение и распространение информации без помех. Свобода слова выступает тем основанием, на котором строится демократия и без которого существовать демократические институты не могут. Ещё автор проекта Декларации независимости США Т.Джефферсон, очерчивая роль

СМК в развитии государства, говорил, что если бы перед ним стоял выбор: правительство без газет или газеты без правительства, – то он, безусловно, выбрал бы газеты без правительства, поскольку без свободы слова общество может прийти к диктатуре [20, с. 18.].

В современном цивилизованном мире свобода слова выступает одной из существенных демократических норм конституционного строя. Даже краткий обзор конституций государств мира, имеющих устойчивые демократические традиции, подтверждает это. Например, статья 21 Конституции Италии отмечает: «Пресса не может подвергаться разрешению или цензуре ...»; статья 21 Конституции Японии: «... Гарантирована свобода собраний, объединений и свободы слова, прессы и всех информационных форм выражения мыслей ... никакая цензура недопустима». Кроме того, свобода слова является признанной нормой международного права. Так, в статье 10 Европейской Конвенции по правам человека определено: «...Каждый имеет право на свободу самовыражения. Это включает свободу иметь свое мнение, получать и распространять информацию и идеи без вмешательства со стороны властей и независимо от государственных границ...» и т.д. [21].

В демократических государствах взаимодействие власти и общества базируется на механизмах связи с общественностью и предоставлении информационных услуг населению. Обмен информацией является важным звеном в системе государственного управления, поскольку полнота, качество и достоверность информации, используемой для принятия социально-политических решений, определяет и правдивость, и действенность таких решений. Особое значение проблема открытости информационных систем приобретает в современных условиях – условиях построения в Украине демократического общества. Очевидно, что развитие экономики, науки, культуры, техники, сферы социальных отношений, а также развитие и совершенствование политической системы, напрямую зависят от качества информации, ее полноты, оперативности и формы представления.

Средства массовой коммуникации толкуются словарями как разветвленная сеть учреждений, занимающихся сбором, обработкой и распространением информации. В эту сеть входят теле-, радиопрограммы, газеты, журналы, информационные агентства, кинодокументалистика. Сегодня в политических процессах многих стран мира начинает активно использоваться и Интернет, особенность которого заключается в том, что он позволяет установить обратную связь политиков со своими избирателями. Именно политика как сфера общественной деятельности

больше всего нуждается в средствах массовой информации для установления и поддержания постоянных связей между ее субъектами, поскольку она невозможна без опосредованных форм общения и специальных средств связи между различными носителями власти, а также между государством и гражданами. Поэтому СМК все больше выступают не только необходимым звеном передачи информации в системе механизмов политики, но и нередко ее создателем.

СМК являются одной из составных частей демократического мировоззрения, а роль, которую они играют в процессе становления демократических преобразований, намного важнее, чем это может показаться на первый взгляд. Свидетельством влияния масс-медиа на общество, могут быть многочисленные речевые штампы, которыми на протяжении прошедших десятилетий они характеризовались: «четвертая власть», «цепной пес демократии», «большой арбитр», «глаза и уши общества» и другие. Попытка проанализировать указанные характеристики лишь подчеркивает их справедливость: при демократии особое значение приобретает скорость, эффективность и качество осуществлений полномочий представителями государственного аппарата. Когда отсутствует контроль над их деятельностью, в целом ряде случаев возникает опасность злоупотребления властными полномочиями. Поэтому в демократическом обществе СМИ являются «цепным псом», «великим арбитром», который выполняет функцию надзора за деятельностью органов государственной власти, предупреждает разгул коррупции и вырождения демократии.

Что касается определения средств массовой коммуникации как «четвертой власти» в общественно-политической жизни, то с ним соглашаются далеко не все ученые. Например, О. Гриценко обосновывает мысль о том, что поскольку журналистика, в отличие от властных структур, не управляет обществом, не издает законов, подзаконных актов и других нормативных документов и не решает судебных дел, то употребление термина «четвертая власть» отрывает журналистов от истинного призвания – играть роль посредников между обществом в целом, общественными организациями и отдельными гражданами и государством, политическими и властными структурами. Поэтому употребление данной метафоры только дезинтегрирует журналистов [22, с. 38.]. В то же время для большинства граждан СМК являются важнейшим источником информации о деятельности органов государственной власти, событиях и процессах, происходящих в государстве и мире. Исходя из этого, О. Гриценко подчеркивает, что любая информация, независимо от

того, какой сферы она касается, направлена не только на информирование аудитории, но и на формирование ценностных ориентаций личности и общества – значит, СМК выступают одновременно и продуктом общественного мнения, и силой, ее формирующей. Именно в этом заключается специфика деятельности масс-медиа.

Важную роль СМК в жизнедеятельности общества признавали уже давно. Игорь и Ярослав Пасько отмечают, что в Англии VII века печатное слово играло заметную роль в формировании ценностей и общественных ориентиров, поскольку читающее население уже тогда составляло 60-70 процентов [23, с. 58]. Карл Дойч, разрабатывая проблему роли коммуникации в становлении наций и народов, пришел к выводу, что «... процессы коммуникации является основой связности обществ, культур и даже личностей ...» [24, с. 546.]. Ученый считает, что любое сотрудничество человеческих существ требует коммуникации и, чем организованное общество – тем больше потребность в коммуникации, а значит – в информации.

Таким образом, в идеале СМК должны играть роль коммуникативного средства общества и быть связующим звеном между гражданским обществом и государством. Государство – это публичная власть, сфера общих интересов, гражданское общество – это сфера индивидуальных свобод и частных интересов, а между ними – средства массовой коммуникации, роль которых в развитии демократии является определяющей. При условии, что СМК выражают мнение институтов демократии, политических партий, групп давления и через свободную прессу приподнимают гражданское общество над государством, можно говорить о развитом демократическом государстве. Если же СМК слепо выполняют волю властных структур и подчиняют гражданское общество (справедливее было бы говорить об обществе граждан) государству, то это тоталитарный режим. Итак, СМК являются той величиной, которая может или отрицать возможность становления тоталитарного режима, или способствовать его созданию.

Для построения «открытого общества», как отмечают Б. Рассел, К. Поппер, Дж. Сорос, обязательным условием является открытость СМК, поскольку такое общество основывается на принципах самосохранения и безопасности нации, на признании самоценности личности, человеческих сообществ. В открытом обществе и пресса должна быть свободной, то есть, именно она должна обеспечивать прозрачность государственных, политических, экономических и культурных учреждений для гражданского общества: в этом и заключается уникальность и исключительность роли

средств массовой коммуникации в демократическом государстве. Кроме того, свободная пресса и демократическое общество влияют друг на друга: свобода слова помогает утверждению открытого демократического общества, а последнее, в свою очередь, обеспечивает дальнейшее развитие и гарантии свободы СМИ. Основой любого гражданского общества, даже такого, которое еще только зарождается, должна быть свобода и безопасность каждого отдельного лица. Акцентирование внимания на свободе как составляющей гражданского общества можно объяснить тем, что именно свобода была толчком к рождению свободной мысли, слова, а потом и такого явления, как средства массовой информации. В средневековом сознании «слово» трактуется как некий «ключ» к «делу», таким образом, кто владеет словом, тот властвует над действительностью, господствует над миром [23, с. 23]. Наконец, такая трактовка дошла до наших дней в следующей общеизвестной формуле: «Кто владеет информацией, тот владеет миром».

Роль СМИ особенно возрастает в периоды глубоких социально-политических и экономических преобразований, которые характеризуют общественно-политические процессы в современной Украине. Примером такого влияния (далеко не всегда положительного) могут быть «информационные войны», имеющие место в отечественном информационном пространстве и спровоцированные именно масс-медиа. К сожалению, в Украине до сих пор не хватает понимания обществом и самой властью того факта, что СМИ должны быть демократическим противовесом официальной власти и сами официальные круги должны быть заинтересованы в становлении независимой информационной системы в государстве. Приходится констатировать, что украинское общество, как и большинство постсоветских обществ, до сих пор не смогло преодолеть тех позиций, которые были провозглашены еще Лениным и которые исповедовались в течение всего советского периода относительно средств массовой информации как «... средства идейно-политической борьбы, управления и пропаганды, оказывающих влияние на поведение людей и зависящих от материально-финансового обеспечения ...» [25, с. 767].

Актуальность необходимости обеспечения открытости информационных систем в современной Украине связана также и с тем, что информационное пространство является той средой, в которой реализуется государственная политика, принимаются государственные решения, действует механизм управления обществом. Именно информационное пространство обеспечивает условия для участия граждан

в принятии общественно-значимых решений и определяет уровень доступности правовой информации для отдельных категорий лиц. От уровня открытости информационного пространства во многом зависит и открытость общественного устройства для демократических преобразований. Кроме того, СМК обеспечивают представителям различных общественных групп возможность публично выражать свои мысли, находить и объединять единомышленников, четко формулировать и представлять в общественном мнении свои интересы. Без прессы, телевидения, радиовещания ни один гражданин не сможет правильно сориентироваться в политических процессах, определить свою политическую ориентацию, принять ответственное решение и тому подобное. Как не вспомнить в данном контексте выражение известного украинского дипломата, ученого и журналиста Евгения Онацкого, что «... СМИ – это мозг нации, который думает за нацию, обдумывает все ее дела, подсказывает те или иные решения ..., сердце чувствует нацию, бьется в такт миллионам сердец ...» [22].

Следовательно, наличие демократически организованных СМК, способных объективно освещать политические события, – одна из важнейших гарантий стабильности демократического государства. Основные аспекты участия СМК в обеспечении открытости и демократичности общества могут быть выражены в следующих тезисах: во-первых, они подают информацию о событиях, влияющих на повседневную жизнь, во-вторых, представляют анализ событий, их оценку и прогноз, устанавливают и развивают отношения между общественными организациями, политическими партиями и неправительственными организациями, и, наконец, они рекламируют определенных политических деятелей [26, с. 156]. Исторический опыт также свидетельствует, что СМК могут служить различным (не только демократическим) политическим целям и силам.

Динамические процессы, происходящие в современной Украине, отражаются в противоречивом характере взаимодействия политической и медиа-систем. В современном мире условия функционирования СМК являются показателем развития демократии, а модель взаимодействия политики и масс-медиа – важным признаком существующего политического режима. Вполне закономерно, что после провозглашения независимости Украина пресса стала мощным источником широкого диапазона информации, способом свободного выражения мнений. В Украине на общегосударственном уровне были заложены политико-правовые основы, соответствующие современным мировым стандартам

для обеспечения функционирования прессы на принципах демократии (согласно ст.34 Конституции Украины «каждому гарантируется право на свободу мысли и слова, на свободное выражение своих взглядов и убеждений, каждый имеет право свободно собирать, хранить, использовать и распространять информацию устно, письменно или иным способом – по своему выбору» [27]). Намереваясь создать правовое поле для развития свободы слова в Украине, уже в первые годы существования независимой Украины Верховная Рада Украины приняла более двух десятков законодательных актов, в той или иной степени регулирующие деятельность СМК. Анализ содержания ряда нормативных актов отечественного законодательства позволяет утверждать, что на государственном уровне гарантировано право на информацию, ее открытость, доступность, на свободу обмена информацией, ее объективность, достоверность, полноту и точность. Также государство гарантирует экономическую самостоятельность и обеспечивает экономическую поддержку деятельности печатных СМИ, предотвращает злоупотребления и возможности установления монопольного положения на рынке издателей и распространения печатной продукции и т.п.

В то же время содержание упомянутых законодательных актов, а особенно практика применения, оставляют желать лучшего. Об этом свидетельствуют оценки авторитетных международных организаций, в частности, Парламентской Ассамблеи Совета Европы. Согласно выводам Комитета защиты прав журналистов США, Украина фигурирует среди стран, где власть подавляет свободу слова посредством мер административного давления. Результаты социологического опроса, проведенного еженедельником «Зеркало недели» демонстрируют, что 42% представителей ведущих украинских СМИ считают законодательство, регулирующее деятельность СМИ, удовлетворительным, но практику его использования – такой, которая ограничивает свободу слова, еще 39% убеждены, что законы реально не гарантируют свободы слова [28, с. 31.]. Что касается принципа «цензура запрещена», который декларируется в Конституции, то о её отсутствии в реальной жизни вряд ли можно однозначно говорить. Деятельность редакций порой связана с вмешательством отдельных политических сил в содержание информационных сообщений. Есть также и «внутренняя цензура» отдельных журналистов, воспитанная в советские времена и основанная на страхе занять позицию, противоречащую официальной.

Другой момент: сегодня власть продолжает использовать протекционистские меры для поддержки собственных СМК. Проводя

политику протекционизма в отношении государственных СМИ, власти применяют различные формы экономических санкций к оппозиционным медиа. Среди наиболее распространенных – наложение штрафов контрольно-ревизионными и налоговыми органами, неоправданно высокие суммы возмещения морального вреда и т.п. Достаточно прогрессивному законодательному обеспечению свободы слова в Украине противостоят несовершенство механизмов наказания за нарушение законодательства о свободе слова, зависимость судов от исполнительной власти, а самих масс-медиа – от политического патроната и фискальных органов государства.

Тем не менее, в последние годы украинские СМИ стали реальным средством политической коммуникации между властью и обществом. Однако, поскольку они активно приобщились к политической борьбе между различными политическими партиями и общественными организациями, в нашем социуме политическая коммуникация часто носит противоречивый характер, что приводит к его дезинтеграции. По мнению ученых, в журналистике должен действовать принцип: больше свободы – больше ответственности. Следует четко различать такие понятия, как журналистская ошибка (за которую уместно и достаточно извинения) и преднамеренное искажение фактов (за которые необходимо определить наказание) [29, с. 35.], которое может привести к росту напряженности в обществе. При неразвитости институтов гражданского общества в нынешней Украине нечего и надеяться на сильные и независимые медиа, поскольку государство в таковых не нуждается, а общество даже не пытается контролировать власть подобным образом. Такая ситуация создаёт широкие возможности для манипуляции средствами массовой коммуникации.

Значительное количество СМИ до сих пор находится под государственным контролем и, соответственно, отношение таких СМИ к действиям власти не может быть объективным и критичным. В информационном поле Украины существуют медиа, которые получают полную или частичную финансовую поддержку от отдельных лиц и политических (финансово-экономических) организаций, что также влияет на качество их информационной продукции. Среди учредителей украинских СМИ преобладают олигархи, которые еще не имеют достаточной экономической и политической автономии от президентской власти. По мнению отечественных журналистов, зависимость от власти отечественных бизнесменов, которые способны содержать СМИ, в значительной мере является тем фактором, который существенно ограничивает свободу слова в Украине. Несмотря на достаточно большое

представительство в информационном пространстве Украины негосударственных масс-медиа, государство сохраняет значительное присутствие на рынке СМИ и оказывает большое влияние на его формирование, что не соответствует опыту развитых демократий и создает потенциальные возможности для манипулирования общественным мнением.

Давление со стороны отдельных органов государственной власти на оппозиционные СМИ является едва ли не лучшей иллюстрацией того, что демократические преобразования в Украине ещё не завершены. Наполнение их реальным содержанием – дело будущих поколений, гражданская социализация которых происходит в условиях государственно-политической независимости Украины. Независимыми аналитическими центрами Европы и США Украина неоднократно признавалась государством, в котором права СМИ и право граждан на доступ к информации систематически нарушались. Отрицательной реальностью стали убийства журналистов.

Среди проблем, связанных со свободой слова в Украине также отметим невостребованность качественного изложения информации национальным читателем. В связи с экономическими неурядицами, влияние которых на рядового украинца довольно ощутимым, в выборе СМИ как источника информации потребитель часто руководствуется критериями не качества, объективности, незаангажированности, а критерием цены и доступности.

Весной 2011 года состоялся ряд акций журналистов некоторых телеканалов, которые заявили о давлении со стороны руководства. Было организовано движение «Стоп цензуре». Последние оценки международных организаций, исследующих уровень свободы СМИ (например, Freedom House, ассоциация «Репортеры без границ»), нельзя назвать положительными для Украины. Западное сообщество выражает опасения, связанные с состоянием свободы слова и свободы СМИ, в частности и в последней резолюции Европарламента относительно Украины.

В контексте этого интересна оценка свободы медиа на основе социологических опросов населения. Большинство респондентов считает, что украинские СМИ свободны в достаточной степени (41,8%), или, что свобода украинских СМИ находится на довольно низком уровне (26,3%). Крайне категорических оценок на порядок меньше. В то же время, 12,5% опрошенных не смогли определиться с ответом. Основными факторами,

которые влияют на объективность подачи информации, считаются давлением со стороны владельцев СМИ, давление со стороны властей [30].

Природа таких результатов может базироваться на непонимании сущности большинства украинских СМИ. Украинские медиа традиционно не являются самостоятельными. Медиа-холдинги обычно используются для трансляции информации в таком ключе, который обеспечивает защиту интересов определенной группы. Изначально СМИ часто выступали в качестве приложения к основным ресурсам такой группы и выступали по сути непрофильными активами, которые обеспечивают защиту и прикрытие собственных интересов. Дальнейшее формирование крупных медиа-групп не привело к увеличению уровня объективности или кардинального изменения роли СМИ. Они часто и продолжают выполнять функцию обслуживания.

Что касается давления со стороны властей, то оно может проявляться в открытой форме (преследование журналистов, угрозы, и т.д.) и в скрытой (попытки через определенные каналы повлиять на редакционную политику). Открытое противостояние медиа и властных структур является очень резонансным, привлекает внимание международных правозащитных организаций.

Важные пояснения дают социологические данные и по поводу того, что вкладывается респондентами в понятие свобода слова. 60,1% опрошенных в целом согласны с тем, что стабильность важнее свободы слова. Уже этот факт настораживает возможностью тенденций к авторитарности в обществе, потому что, по сути, свобода медиа никак прямо не противопоставляется ни стабильности органов государственной власти, ни стабильности социальной системы в целом. Европейский опыт это подтверждает. В то же время, 51,3% опрошенных в Украине отмечают, что в стране есть угроза свободе слова. Неясно при этом, как можно защищать свободу слова. Это может свидетельствовать лишь о том, что у граждан отсутствует устойчивая корреляция между понятием свободы слова и демократии, защиты своих прав, справедливости [30].

Попробуем обобщить причины, которые тормозят или даже делают невозможным процесс обретения украинскими масс-медиа соответствующего места в общественно-политической системе общества: экономическая зависимость СМИ от государства и политических, финансовых группировок; партийно-клановый диктат, который разъедает украинскую журналистику изнутри, отсутствие у украинских журналистов чувства корпоративной солидарности и профессиональной сплоченности; недостаток мощного единого украинского информационного

пространства; географическая ограниченность читательского электорального поля; нехватка устоявшихся традиций политической культуры и политической ответственности как политиков, так и журналистов, отсутствие правового государства, в котором бы другие «ветви власти» видели в лице СМИ равноправного партнера, а не врага или конкурента и т. д. [31].

Очевидно, что создание в Украине правового, демократического государства невозможно без перехода от информационной закрытости к информационной системе открытого общества, предусматривающей новые формы взаимодействия государства и общества. Государственная власть должна осуществлять открытое и честное взаимодействие с общественностью через СМИ, которые должны превратиться в исполнительный механизм «четвертой власти» – общественного мнения.

Несмотря на констатирование проблем в информационной сфере Украины, стоит отметить, что демократические ориентиры ее развития – не случайный выбор народа, провозглашенный им в начале 1990-х гг, не ситуативное поведение национальной государственно элиты, а долговременная программа возвращения Украины к древним демократическим традициям украинского народа и обращение к демократическим ценностям современного цивилизованного мира. Для формирования в Украине подлинно демократического гражданского общества необходимо, чтобы и общественные организации и отдельные граждане могли оперативно и своевременно получать достоверную и объективную информацию. Такое свободное получение информации является основой защиты прав человека.

В связи с этим нельзя не упомянуть Ю.Хабермаса, который связывал упадок публичной сферы в XX веке именно с капитализацией прессы. По его мнению, с возникновением капиталистического государства, которое сопровождалось использованием со стороны сторонников капитализма государственных институтов в собственных целях, слиянием политических и бизнес-структур, возникновением лоббистской деятельности и обработки общественного мнения, публичная сфера теряла свою независимость [19, с. 222]. Эти процессы Ю. Хабермас назвал рефеодализацией определенных сфер жизни, имея в виду замену честного соревнования различных мнений и взглядов силовым противостоянием, когда дискуссия подменяется «подделкой» под настоящую публичную сферу. Медиа беспокоятся прежде всего о рынке сбыта, об увеличении потребителей рекламы (в том числе политической), поэтому тот продукт, который часто предлагается публике, очень далек от информации, которая действительно нужна

людям. Поэтому вслед за немецким ученым поставим вопрос: всегда «больше» (информации, отдельных средств массовой коммуникации и т.д.) означает «лучше»? Какая информация на самом деле нужна в демократическом обществе? Ответы на эти вопросы, надеемся, будет найдено совместными усилиями ученых, журналистов и публики. Ведь все они хотят видеть СМК тем социальным институтом, который реализует идеи демократии, способствует формированию гражданского общества и его эффективному функционированию, выражает цели и интересы членов общества и консолидирует их мнение.

Глава 1.4. Морфинг массового сознания и ремифологизация в ситуации глобализации

В последние десятилетия глобализация как преобразование мира в единое экономическое, информационное и мультикультурное поле стала реальностью, которая прочно закрепилась, развивается и выступает основным преобразующим фактором современного состояния общества. Глобализационные процессы уже давно перестали носить только экономический характер, хотя первоначально именно развитие мировой экономики вывело общество на новый уровень. Этому способствовал рост потоков товаров, развитие международной инвестиционной политики и кредитования на микро и макро уровне, усиление миграционных перемещений, новое отношение к информации, знаниям и идеям, как к новому продукту производства. Преобразования экономического плана затронули и иные сферы общества (социальную, политическую, духовную), что, в свою очередь, неизбежно потребовало их реорганизации. При этом произошло столкновение привычных норм жизни общества с новационными и еще не оформившимися позициями, направленными на создание единого, целостного и универсального мира.

В немалой степени это связывается с обострением социально-гуманитарных проблем, которые перестали носить локальный характер в условиях глобализации, на что с 80-ых годов прошлого века неоднократно обращалось внимание. Так Э. Гидденс, указывает на «ускальзывание из рук» системы управления, что сказывается и в событиях мирового масштаба и в повседневной жизни. Д. Хелд, рассматривая глобальные трансформации, говорит о новых формах существования национальных государств и национальных интересов, которые уже не могут конкурировать с глобальными интересами. Обращают внимание исследования Р. Робертсона, который первый использовал и ввел в оборот понятие «глобализация», и именно он говорит о преобразованиях сознания человека современного мира, изменяющегося под действием осознания процессов глобализации, при «сжатии мира» и осознании данного процесса.

Потребовалось понимание самой сути глобализации и тех изменений, которые вызывает глобализация в жизни общества и изменений, происходящих в общественном сознании. К настоящему времени уже существуют разнообразные концепции, описывающие модели глобального общества. К таковым относят: мир-системную модель И. Валлерстайна, концепцию сетевого общества М. Кастельса, концепцию

глобализации культур Р. Робертсона. Принимая ту или иную концепцию, даются и отличные определения глобализации, в зависимости от признаваемого главенствующего фактора, который закладывается в основе глобализации. Не стремясь в данном случае, подключаться к дискуссиям относительно дефиниции глобализации, принимается определение и понимание глобализации, высказанное Л.Г. Иониным, а именно: «Глобализация – универсальное распространение однородных культурных образцов и постепенное создание единой глобальной системы экономики и социального управления, происходящее неизбежно за счет абстрагирования от национальных традиций и особенностей» [32; с. 228].

В результате нарастания темпов глобализации более интенсивно проходят контакты с традиционными обществами, с их культурой и ментальностью. Данное столкновение сопрягается с многочисленными и разноплановыми проблемами, которые требуют решения, времени, и, конечно же, понимания происходящих процессов и их необратимости при всех положительных и отрицательных факторах глобализации.

Современный мир стремится к поиску необходимых решений, и уже наблюдается формирование глобальной структуры экономических, политических и культурных отношений, которые соединяют общество в единую систему вырабатывая толерантные подходы к решению острых проблем. При этом общество, имеющее тенденцию к единству, не избавилось от социальной дифференциации: экономической, политической, профессиональной, культурной, религиозной и др., что, естественно, является тормозящим фоном для глобализационного единства. Деление общества по принципу, предложенному А. Бергсоном и развитому К. Поппером, на открытое и общество врагов открытого общества, показывает не только наличие общественных разногласий, но, прежде всего, сложность процессов формирования открытого общества, которое более всего приемлемо для развития и существования глобализированного общества. Согласно К. Попперу, открытое общество – это демократический тип общества, который характеризуется плюрализмом, толерантностью, динамической социальной мобильностью, приятием инноваций, с централизацией позиций индивидуума, характеризующегося рациональностью, опирающегося на критическое мышление и отвергающего табуирование. Общество врагов открытого общества, которое К. Поппер часто определяет как закрытое или тоталитарное, не утратило силы противодействия. К его характеристикам относятся черты противоположные открытому обществу и кроме того утверждение метафизики, этических норм, социального и экономического

программирования при главенстве принципов общественного блага, значимости общественных интересов в сравнении с интересами отдельного человека.

К. Поппер обращает внимание и на то, что развал закрытого общества или развитие открытого общества может привести к обществу абстрактному, в котором люди практически не встречаются лицом к лицу. Это общество обезличенное, анонимное, с наличием суррогатных социальных ролей и отношений, это общество одиночества. Достаточно понятно К. Поппер дает понять, что абстрактное общество очень близко к современному состоянию.

Не останавливаясь в дальнейшем на многочисленных характеристиках современного общества и его проблемах, что неоднократно делалось в работах философов, социологов, политологов и культурологов, достаточно обратить внимание, что глобализация формирует как минимум три волны в социальном развитии, противодействующие друг другу. Движение этих волн можно видеть на протяжении истории человечества, правда, с различными определениями данных процессов. Как пример можем видеть противодействие между имперскими притязаниями и национальными обществами, начиная с хеттов и до роста западной цивилизации настоящего времени при постоянном сопротивлении национальных государств и выведением маргинальных сообществ – противников и одного и второго: эллинистические государства, варварские государства периода Великого переселения народов, мигрирующие группы. Э. Тоффлер увидел поступательность в движении волн социального развития, что и отразилось в его работах, хотя социальные характеристики «третьей волны» не столько показывают социализацию, сколь, в большей степени, отражают процессы индивидуализации и десоциализации.

В настоящее время сложно говорить о существующем обществе как о глобализированном, но и уже проблематично рассматривать общество без влияния компонентов глобализации. Современное общество часто определяют как переходное, но сам этап перехода предполагает деструкцию сложившихся ранее укладов и начало формирования новых социальных отношений при их стремлении к окончательному формированию. Это означает, что ранее существующее общество с его социальными структурами и институтами уходит в прошлое, а новые социальные формы только формируются. Напрашивается идея, что общество как система, обладающая необходимыми для существования системы качествами: целостностью, связками, упорядоченностью,

управлением, целью и самоорганизацией, не существует. Можно говорить об отдельных обществах – отдельных системах, но не о едином обществе как совокупности людей, объединенных исторически обусловленными социальными формами совместной жизни и деятельности. В единой социальной реальности более уместно говорить о массе как об организованном сообществе при помощи внешних факторов – определенной идеи, настроения, мнения, политической силы, влияния лидера. Масса может состоять из людей различных социальных групп и страт, принимающих некую единую совокупность норм, ценностей и установок [33]. Масса, различные массовые объединения и движения все более активно начинают оказывать влияние на общественную жизнь и изменения самого общества. «Происходит явление, которое, к счастью или к несчастью, определяет современную европейскую жизнь. Этот феномен – полный захват массами общественной власти... Он именуется восстанием масс» [34; с. 15].

Если при наличии общества можно говорить об общественном сознании, то при наличии массы, более уместно говорить о массовом сознании, подразумевая под этим сознание массы, как способ отражения и оценки массой своего социального бытия. Опираясь на исследования массового сознания, отраженные в монографии Б.А. Грушина [35], можем выделить характерные особенности массового сознания, которое нельзя свести к той или иной форме общественного сознания. Массовое сознание имеет сложный, синкретический характер, спонтанно-институционализированную природу и отсутствие четкой структуры. Обладает мозаичностью, разорванностью и противоречивостью, что проявляется во взаимодействии и противоречии консервативности и тенденции к следованию моде, в сопротивляемости новой информации и восприимчивости таковой, выбор же при этом осуществляется при ориентации на чувства и настроения.

Содержание массового сознания базируется на упрощенности восприятия, что прослеживается на уровнях, присущих общественному сознанию как обыденному, так и теоретическому, как в общественной психологии, так и в идеологии. При этом четкую грань между уровнями провести сложно. Из форм общественного сознания (политической, правосознания, морали, религии, эстетического сознания, науки, философии и др.) массовое сознание заимствует некоторые элементы, благодаря чему массовое сознание неоднородно и разнообразно, а в качестве связей выступают архетипы, стереотипы, поведенческие нормы и установки. Содержание массового сознания может трансформироваться

под действием настроений, эмоций, слухов, средств массовой информации и, далеко не в первую очередь, под воздействием объективных условий социальной жизни. Однако, воздействие объективно действующего мира и общества, как одной из его составляющих, упразднить невозможно, а, следовательно, общественное сознание, направленное на постижение объективной реальности и существования в ней остается, а вот индивидуальное сознание начинает трансгрессировать, оказываясь за пределами то общественного, то массового сознания.

При развитии массового сознания и блуждающего индивидуального сознания происходит усиление иррациональности в ее двух аспектах: в негативном – как начальное движение к рациональному, возможному для рефлексирования; и в позитивном – как невозможному для познания. Разумному пониманию мира, что является прерогативой рационализма, иррационализм противопоставляет волю, интуицию, озарение, чувственное созерцание, бессознательное, инстинкт, веру... и другие познавательные способности, которые дают знания путем не открытым для разума. Под давлением иррациональности меняется отношение к рациональности да и сама рациональность. К таким выводам, кажущимися весьма убедительными, приходит П.С. Гуревич, опираясь на материалы трех всемирных конгрессов [36]. Он показывает, что в современной философии наметилась отчетливая тенденция к расширительному истолкованию понятия рациональности, которая понимается как метод познания, основанный на разуме; как некая структура; как атрибут цивилизации, при этом момент зарождения рациональности и дальнейший ее генезис проходят в борьбе с мифом, и, более того, в настоящее время миф как часть иррационального начинает сближение с рациональностью. Формируется «новая рациональность», так как тип рациональности, выпестованной европейской традицией на базе культа разума и науки, подвергается модификации, сближаясь с иррациональностью.

Важным моментом для раскрытия новой рациональности и трансгрессирующего сознания есть понимание связки, которая может придавать целостность и единство сознанию отдельного человека и определенной социальной группе, сохраняя при этом мобильность, приспособленную к трансгрессии. Таковой, как кажется, может выступать миф с присущими ему свойствами, а именно: образностью, ассоциативностью, антропоморфизмом, коммуникативностью, сверхприродностью, гилозоичностью, генетизмом, парадигмальностью, родовой близостью и собственным мифологическим временем. В данном случае миф выступает не просто как некий рассказ, а прежде всего как

обобщенное отражение действительности в виде чувственных представлений как жизненная реальность, в словах данная личностная история. Подобным образом миф определяет А.Ф. Лосев в «Диалектике мифа», не давая при этом четкой дефиниции, стремясь дать возможность почувствовать, что же есть миф сам по себе, и как он мыслит сам свою чудесную природу. Да и вообще дать определение мифа невозможно, не создав новый миф. Эту мысль разделяет и А.М. Пятигорский, в своей лекции, посвященной мифологии и сознанию современного человека, он говорит: «Когда миф и мифология становятся объектом философской рефлексии, а не антропологии, этнографии или любой конкретной дескриптивной дисциплины, миф почти не проницаем. Потому что не забывайте, что мифолог, описывая любые мифы, неизбежно описывает их в мыслительном контексте мифа о себе» [37].

Миф не существует отдельно, он не может действовать в отрыве от мира, социума, человека. Е. М. Мелетинский в «Поэтике мифа» писал о неизбежном соединении мифов в мифологическую систему так: «Мифы утверждали принятую в данном обществе систему ценностей, поддерживали и санкционировали определенные нормы поведения... Отдельные мифы давали объяснения для отдельных норм и правил. Но уже их комплекс, то есть мифология ориентирована на преодоление фундаментальных антиномий человеческого существования, на гармонизацию личности, общества и природы...» [42; с. 54]. При таком подходе мифологию как цепь мифов можно определить как средство и способ восприятия и пояснения мира. Мифология, таким образом, выступает как один из типов сознания, а мифы как структуры сознания, которые требуют интерпретации. Связанные между собой, мифы формируют представления о картине мира и отдельных его частей: природе, человеке, обществе; определяют характер социальных связей, морали, отношения к праву; поясняют многое из того с чем сталкивается человек в своем существовании. Такая система мифов не может дать повода для сомнений, это система, в которой можно найти ответы на все возможные вопросы. При этом мифология перестает быть фантазией, иллюзией, вымышленным знанием и даже просто собранием мифов, мифология становится способом восприятия и ориентации в мире, отчетливым знанием, мифологической парадигмой.

Мифологическая составляющая в общественном и индивидуальном сознании занимала собственную позицию во все времена истории развития человечества. Разумеется, что доля мифологии могла увеличиваться или уменьшаться при взаимодействии с иными формами сознания, но ее

действие проявлялось всегда, что сегодня уже мало у кого вызывает сомнения. Разработке данной проблеме посвящено немало трудов западноевропейских и российских исследователей, достаточно полное решение данной проблемы отразилось в трудах В. М. Найдыша, который исследует философию мифологии от античности и до наших дней, используя при этом широкий круг разнообразных источников [39; 40].

Мифологизация сознания продолжается и в настоящее время, при этом миф, используя свои адаптационные возможности, приобрел новые черты и свойства. Это уже не «наивные» выдумки о богах и героях, а «производящее бессознательное, которое требует быть выраженным и стремиться к своему выражению», по определению Ж. Делеза [41; с. 46]. Сегодня мифология проявляется как иррациональная система взаимоотношений человека с миром. А миф сегодня может пониматься в интерпретации Л. Г. Ионина: «Миф – это яркая и подлинная действительность, ощущаемая, вещественная, телесная реальность, совокупность не абстрактных, а переживаемых категорий мысли и жизни, обладающая своей собственной истинностью, достоверностью, закономерностью и структурой и в то же время содержащая в себе возможность отрешенности от нормального хода событий, возможность существования иерархии бытия» [42, с. 108].

Современное мифологическое сознание не направлено на порождение вычурных образов богов, духов, демонов, чудовищ (хотя и такие проявления тоже имеют место), которые вмешиваются в мировой порядок и определяют развитие мира и общества, управляют жизнью человека. Современное мифологическое сознание базируется на развитом абстрактном мышлении, в отличие от мышления более ранних эпох. Мифический образ уже не нуждается в четкой завершенности, выраженной в виде мифа-рассказа, мифа-ритуала, мифа-мистерии или мифа-изображения. Современный человек, попадающий под власть и обворожительность мифа, нуждается в чувстве собственной сопричастности к созданию мифа, привлекая личную фантазию, личную образность, личное сопереживание, даже если речь идет о старых и даже древних мифах, и уж тем более соучастие раскрывается в современных мифах – социальных, политических, религиозных, околонаучных...

Усиление мифологического влияния на современное общество и сознание следует рассматривать не только как мифологизацию современного сознания, то есть процесс усиления мифологии, которая вытесняет иные формы сознания, находясь в соперничестве с ними, а как новый этап развития мифологии, которая ассимилирует, внедряется и

трансформирует иные формы сознания. Такое новое существование мифологии можно определить как ремифологизацию.

Ремифологизацию часто связывают с возвратом и усилением внимания к древним мифам, реставрацией мифов, актуализацией мифологического сознания – это можно признать верным, если не учитывать, что миф, имея широкую интерпретацию, в состоянии вписываться в разнообразные культурные контексты и это есть свойство мифа, а не новое его существование. Не вдаваясь в перечисление достижений сравнительной мифологии, которая детально разрабатывает проблемы развития отдельных мифов, достаточно обратить внимание на сверхпопулярный в настоящее время миф индейцев майя о конце света и результаты его влияния.

Мифология как собрание мифов также имеет достаточно возможностей для обновления. Например, греческая мифология, ставшая в основании европейской культуры, ослабев в борьбе с христианством, тем не менее, через образность искусства, поэзию, символизм сохранилась и, создав новые смыслы, продолжает оказывать влияние на культуру и общество. Реставрация кельтской мифологии через цепь мифологических построений ирландцев и валлийцев, дает новые мифы, которые вписываются в христианские. К наиболее известным можно причислить мифы, описывающие деяния короля Артура и рыцарей круглого стола, которые становятся популярными не только во времена крестовых походов, но и в настоящее время. Трансформация кельтской мифологии, при ее соединении с другими мифологическими системами, прослеживается и в нацистской Германии в деятельности Аненербе. Далее можно обратить внимание на усиление влияния оккультизма, как практик базирующихся на эзотерических знаниях, которые хранят различные мифологические системы. Появление в наше время неоязыческих и некоторых синкретических религий также становится результатом адаптационных проявлений мифологии. Но все эти изменения более правильно назвать реставрацией мифологии и использовать термин – неомифология, который означает восстановление мифологических систем с привнесением в них нового более современного звучания, значения и смысловой нагрузки. Неомифология не изменяет сознание, а заполняет пробелы, оставленные наукой, религией, философией. Неомифологию можно рассматривать как один из моментов развития ремифологизации.

Ремифологизация происходит в переломные исторические моменты, которые приобретают глобальный характер или в состоянии оказать влияние на изменения глобального характера. Одним из таких моментов

следует признать «осевое время» выделенное К. Ясперсом. Изменения, проходившие в этот период, привели к национальному структурированию и урбанистическому обществу, кардинальным образом трансформировали сознание, которое совершило переход от тотальной власти мифа к религии и философии, через рационализацию. Мифология при этом сохранила свое существование, выйдя на иной уровень, адаптировавшись, а порой и соединяясь с религией и философией.

Вторым историческим моментом можно считать научную революцию 17 века, которая вывела науку на новый уровень, что дало возможность широкого внедрения ее достижений в производство и освоение новых пространств. Значение научной революции широко отражено в различных исследованиях философского, исторического, социологического и культурологического характера. Комплексный подход к пониманию результатов научной революции был осуществлен Э. Тоффлером, который данный исторический момент определил как вторую волну развития человечества, приведшую к промышленному перевороту и индустриальному обществу. При этом Э. Тоффлер отмечает, что вторая волна характеризуется быстрыми темпами своего нарастания.

В рассматриваемый исторический момент сохраняется национальная государственная основа, но заметным становится расовое противостояние, столкновение мировых религий, классовая борьба... Происходит укрупнение социальных структур, возникают новые социальные институты как формы организации общества межнационального и вненационального единства: партии, международные организации и союзы. Общественное сознание ориентируется на рациональность и сенсуализм, мифология подвергается рефлексии и осуществляются попытки к ее изживанию, впрочем, не удачные. Анализ развития науки, предпринятый позитивистами с целью избавить науку от метафизических, в том числе и мифологических напластований, привел к пониманию того, что наука не в состоянии противопоставить себя лже/псевдонауки в должном противостоянии. А это стало благоприятным фактором для включения мифологических компонентов в некоторые научные теории, прежде всего социального плана, и для создания мифологических систем с включением в них элементов науки. Мифология приобрела возможности наукоподобного существования.

В настоящее время мы находимся в очередном историческом моменте социальных преобразований. До недавнего времени основные характеристики общества отражали конец его истории, регрессивные последствия технократизма, декаданс и кризис культуры, крушение

традиций и морали. В определениях фигурировала приставка пост – постиндустриальное, постэкономическое, общество постмодерна, постчеловеческое, постсоветское или посттоталитарное... Сейчас же все более отчетливо проявляются утвердительные определения отдельных движущих общество сил, которые и закладываются в основе наименования современного общества – информационное общество, общество потребления, гражданское общество, применяются и другие определения. Однако, следует признать, что выделение одной силы, которая движет общественное развитие, не даст действительного понимания процесса общественного развития.

Общество действует как открытая система. Подвергаясь внешнему воздействию со стороны Природы и, естественно, реагируя на экологические изменения, на изменения жизненного пространства и интересов, общество изменяется как биосоциальное единство в ноосфере. В качестве внешнего источника развития общества может рассматриваться и некая трансцендентная сущность – Бог, Абсолют, Мировой разум, Абсолютная идея... Некое подобие трансцендентных сущностей, управляющих общественным развитием, приобретают: история (О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет), жизнь (А. Бергсон), борьба классов (марксизм)... Внутри общества как системы действуют определенные силы, которые рассматриваются как внутренние источники саморазвития. К таким относят: деятельность отдельных сильных и харизматических личностей; классовую борьбу; материальные потребности; духовные потребности, развитие которых ведет человека к спасению, к просветлению, к выходу в трансцендентную сущность ради обретения своего истинного состояния; удовлетворение личных потребностей и интересов путем социализации...

Даже поверхностный взгляд на проблемы, связанные с пониманием сущностных особенностей развития общества, показывает, что в настоящее время на паритетных основаниях действуют различные и даже противоположные тенденции общественного прогресса/регресса. Рационалистические и иррационалистические, сциентистские и антисциентистские тенденции уживаются, сближаются и пересекаются, что говорит не столько о толерантности и плюрализме, сколько об отсутствии системного и комплексного подходов к изучению социума при использовании научного арсенала современных знаний. А это в свою очередь, сохраняет возможность для развития различных ненаучных, вненаучных, лженаучных, квазинаучных, антинаучных и паранаучных учений об обществе. При подобной широте учений, тенденций,

направлений и теорий, что вдобавок усиливается кризисом науки и рациональности, происходит укрепление релятивистских настроений. Критерием истинности становится субъективистская привлекательность, симпатия, предрасположенность, парадигмальность. Расширяется благоприятное поле для ремифологизированных систем.

Исторический момент состояния общества настоящего времени можно определить как глобальное общество, расширив при этом понимание глобализации как единой системы экономики, социального управления и культурных образцов, развитием и функционированием массового общества с присущим ему сознанием, которое имеет субъективно настроенный мозаичный характер, склонный к ремифологизации для пояснения бытийных сущностей. Данное утверждение, принятое в качестве гипотезы, открывает возможности для выяснения свойств ремифологизированного массового сознания в условиях нарастания процессов глобализации в современном обществе и причин данного явления.

Формирование глобального мира предполагает наличие единого пространственно-временного существования, в котором и разворачивается бытие данного мира. Пространство и время в условиях нарастания глобализации приобретает определенные сложности для традиционного восприятия и понимания, прежде всего из-за своей глобальности, то есть включения в него различных других воспринимаемых подпространств – реальных, перцептуальных и концептуальных – в их *морфинговом* (визуальном восприятии, при котором создается эффект плавной трансформации одного объекта в другой) переплетении.

При развитии современной техники и технологий происходит обновление дистанционно-пространственных представлений. Представления о расстоянии и пространстве уже не могут восприниматься только как физические изменения в сфере объективной реальности. Их восприятие дополняется психологическими перцептуальными отражениями свойств пространства и концептуальными описательными моделями, которые в сознании объединяются, формируя единое восприятие пространственных атрибутов. При этом, естественно, человек не утрачивает реальность определения пространства, но данная реальность дополняется и пересекается иными возможностями восприятия пространства.

Скоростной транспорт, его комфортабельность, разнообразные дополнительные услуги делают перемещение в пространстве не только удобным, но, прежде всего, сбивают реальность определения расстояний.

Расстояния начинают определяться не в мерах самого расстояния – милях, километрах, а в единицах времени, комфортности, безопасности, необходимых ресурсах. Во время самого путешествия имеется возможность не лишать себя привычных занятий, даже при самом перемещении. Универсальность транспортных линий, знаковой системы, терминалов сглаживает восприятия новых впечатлений при преодолении даже больших расстояний. Современные технологии, моделирующие виртуальную реальность и имитирующие взаимодействие с окружающей средой, подключают человека к новому пространственному миру, который выходит за пределы реальности, но воспринимается как часть реальности.

Электронная связь, создание систем единого комплекса услуг, банковских услуг, гостиничного обслуживания, спутникового телевизионного вещания, деятельность международных торговых и промышленных корпораций, различных международных сообществ, миграционные процессы дают возможность воспринимать пространство как неразделенное. Психологически пространство, в котором действует человек, может восприниматься как «Ойкумена» для древнего грека – знакомое, освоенное пространство, в отличие от «чужих», «не моих» территорий. Но Ойкумена может существовать тогда, когда есть опасные и чужие территории, а глобализация уничтожает «чужие» территории – Ойкумена теперь везде. Возникает пространство, границы которого не улавливаются или воспринимаются в единстве реальных, перцептуальных и концептуальных пространственных определений. Новое видение пространства напоминает мифологическое единство мира, в котором существует пространство богов, демонов и людей, но все они сливаются вместе в едином мире, состоящем из отдельных, но взаимодействующих миров. Глобализация не восстанавливает мифологическую пространственную систему, но формирует значительно более сложные пространственные построения из реальных, виртуальных, информационных, перцептуальных и концептуальных частей.

Сходные с изменением пространства процессы происходят и с восприятием времени. Прежде всего, следует обратить внимание на основные свойства мифологического времени – цикличность и направленность к Великому времени. Цикличность времени проявляется в чередовании демиургического творения и прекращения существования, которое дает начало для нового созидания. Движение от первотворения к новому миру через уничтожение может развиваться по двум эсхатологическим сценариям. Первый вариант – вариант Золотого века: времена первотворения были лучшими, но сменились временами

несущими испытания и невзгоды, после них неизбежно произойдет возврат или создание счастливого и благодатного Нового времени. Это вариант используется во многих современных религиях, не исключение христианство и ислам. Этот вариант замечен в марксистских построениях. Используется данный сюжет и в футуристических концепциях позитивной направленности. Активно проявляется в политической борьбе. Вторым вариантом – вариант Рагнарёк (рок богов, может переводиться как «сумерки богов» или «гибель богов»): гибель всего мира с предшествующей войной и катаклизмами и последующим рождением Нового мира, в который смогут попасть только избранные, для создания Нового поколения в лучшем мире. Данный вариант находит отражение в среде пессимистических футурологов, в некоторых современных религиях, в настроениях Нью Эйдж, в фантастических произведениях, в кинематографе, в компьютерных играх.

Вхождение в Великое время предполагается посредством праздников, которые посвящены событиям связанными с ключевыми моментами истории как прошлыми, так и посвященными будущим событиям, с чествованием героев, действия которых предполагаются как образец для повторения. Немалая роль принадлежит «отсортированной» истории, идеологии, деятельности политиков. Отдельно следует поставить научную фантастику, фэнтези, околonaучные творения.

Визуализация и «чувствование» событий Великого времени, для их закрепления мифологическим сознанием, осуществляется посредством ритуала, обряда, мистерии, на что неоднократно указывали Дж. Фрезер, Е. М. Мелетинский, А. Ф. Лосев, Е. А. Торчинов, М. Элиаде. В настоящее время воплощения мифа в жизнь сохранилось, но на сознание оказывается более мощное воздействие посредством различных достижений современной массовой культуры. Главенствующая роль в этом отношении принадлежит телевидению и кинематографу, благодаря которым будущее, настоящее и прошлое пересекаются. Футуристические или исторические фильмы наполняют наше настоящее зримыми и реальными образами. Использование компьютерных технологий позволяет создавать самые фантастические образы. На экране, достаточно реально, предстают перед зрителем различные древние боги, феи, гномы, драконы, герои легенд и мифов, современные супергерои и т.д. Ток-шоу мистического, сакрального и псевдонаучного характера вводят зрителя в таинственный мир; «очевидцы» и «соучастники» мистических событий; выступления исследователей Атлантиды, Шамбалы, утраченных знаний великих цивилизаций и космических контактов дополняют правдоподобность.

Интерактивность современных компьютерных игр и увлеченность ими переносят человека в мир виртуальной реальности со своими подходами к временным категориям. Здесь время становится управляемым, можно ускорить ход времени, можно вернуться в необходимую точку и продолжить движение, можно вернуться в начало игры, в момент первотворения, но уже с новыми знаниями.

Мифологическое сознание отделяет время сакральное от времени профанного. Сакральное время – это время где меня нет, и не может быть: Время первотворения, Золотой век, Время будущего благого мира, Счастливая эра. Время профанное – это время где я есть, это время, ведущее к сакральному времени. Процессы глобализации и сопровождаемые ими кризисы экономического, политического, социального и культурного характеров проецируют гибель привычного мира и появление или возрождение нового, еще неизвестного мира. Время профанное приближается к сакральному.

Переходные и кризисные моменты не новы для истории человечества – войны, революции, крушение и создание цивилизаций и культур, природные катаклизмы сопровождают всю историю человечества. Но при этом противоборствующая сила была явлена и видима: вражеская армия, революционеры и контрреволюционеры, уничтожающая природа. В переходные периоды новые мифологические сменяли прежние. Равновесие добра и зла, света и тьмы, своих и чужих сохранялось. А сейчас увидеть силу, которая ведет к крушению невозможно, она не персонифицирована. Глобализация действует как некая абстракция, невидимая, но несущая осязаемые результаты. И при этом результаты невозможно определить как явно ведущие к гибели, к разрушению прежнего, так и проблематично выявить явно положительные стороны. Привычная грань между добром и злом расплывается истирается, что и приводит к ремифологизации, новым построениям, которые строятся индивидуально, стихийно, интуитивно, на уровне чувственного восприятия. Рефлексия направляется на подтверждение уже принятого и вошедшего в сознание еще расплывчатого образа.

Сторонники и противники глобализации, разделившись на два лагеря, конечно, чувствуют и видят ее положительные и отрицательные проявления и могут определить ее позитивные и негативные результаты, но и те и другие находятся в пограничном состоянии, обосновать свои взгляды получается только для самого себя и для единомышленников, но не для своих противников. Прежде всего, из-за отхода от рационального мышления, из-за боязни расстаться с привычным состоянием и из-за не

завершения самих глобализационных процессов. Ремифологизированное сознание с новационными пространственно-временными ориентациями, выдвигая в качестве истинности собственный жизненный опыт и восприятие, идеализирует субъективно принятые мозаичные компоненты прошлого, настоящего и будущего формируя из них сакрализованное пространство в действующем мире. В сакрализованном мире активизируется необходимость появления Героя – культурного,демиурга, борца или защитника, который переломный момент сакрального времени преобразует в мир постсакральный. И каким бы не виделся этот мир, он мифологически требует своего наступления и реализации. Наступление нового постсакрального мира мифологически завершает деструкцию Времени перемен и ведет к Истинному миру и Истинному существованию.

В образе Героя могут выступать различные, субъективно принимаемые личности, в которых концентрируются чаяния, желания и надежды направленные на скорейшее вхождение в постсакральный мир. Герой выполняет компенсирующую роль для недостающих возможностей самого человека, подменяет самого человека в борьбе за новое будущее. Человек поддерживает Героя, но именно от него ожидает активных действий, занимая выжидательную позицию. Герою обязательно, в традициях мифологических построений, противоборствует Трикстер, который слабее и хуже чем Герой, которому он противостоит, но Трикстер действует коварнее, изощреннее, иногда даже скрытно, его трудно изобличить и уничтожить, что добавляет Герою трудностей в борьбе и делает ее тяжелее, но в борьбе с Трикстером роль героя только возрастает. Личность Героя и Трикстера ремифологизированное сознание стремится персонифицировать, для облегчения восприятия и понимания, для видимости реальности действия Героя и Трикстера, но и Герой и Трикстер является выразителями определенных сил. В настоящее время такими уже крайне редко выступают силы добра и зла, света и тьмы, их место занимают реалии современного мира: глобализация и местечковость, демократия и тоталитаризм, толерантность и терроризм, наука и мистика, противоположные концепции, идеологии, взгляды на жизнь и т.д.

Социально-философские исследования предоставляют возможность определить современный нарратив ремифологии, ее присутствие и практическое влияние на глобализированное общество, в котором миф становится средством социального ориентирования, одним из способов пояснения мира. При этом мифы, действуя на индивидуальном уровне, приобретают массовый характер в массовом обществе. Становясь частью сознания, мифы становятся привлекательным элементом для

возможностей манипулирования подвижным массовым сознанием, что и порождает создание и внедрение мифов искусственного происхождения для решения определенных политических амбиций, для управления группами людей ради достижения самых разнообразных целей. Что можно наблюдать в процессе мифотворчества, в формировании «картин мира» и идеологий, в разработке ведения информационных и психологических войн, в искажении и уничтожении информации, в формировании общественного мнения и социальных смыслов.

Глава 1.5. Глобальный город как актор мировой политики

Все великие культуры были городскими, а мировая история – это история городов, история городского человека. Еще на заре великого переселения народов – и у гуннов, и у германцев – наблюдалась тяга к поиску места, где они могли бы построить свою культуру. Одним это удалось, другим – нет, но лозунг – «*Ubibeneibipatria*» («там родина, где хорошо») точно отражает эти устремления. Государство, политика, религия и все виды искусства основываются на феномене крупного города. Не отдельный дом, не дворец и не храм, и тем более не археологические находки ремесленного мастерства, но образ города как духовного единства, как физической материальной целостности становится предметом истории языка, форм и стиля культуры народа. Город говорит на том языке, который отождествляется с языком культуры вообще. Отдельные археологические находки вне городского контекста позволяют не более чем домысливать, а затем, во многих случаях, и мифологизировать некий культурный ландшафт местности и эпохи. Но если понять крупный город, становится понятной политическая и экономическая история страны, экономические обычаи, догматы веры, знания и искусства.

Самыми древними из городов такой значимости были Вавилон и Фивы. В античное время – Александрия, Рим, Карфаген, а затем – Византия. В эпоху великих географических открытий такими городами стали Лиссабон и, конечно, Мадрид. С XVII века – папский Рим, до тех пор, пока в конце XVIII века их не потеснили Лондон и Париж. Возвышение Нью-Йорка в конце XIX – начале XX веков, а затем – Токио и Сингапура стало одним из важнейших последних событий прошедшего века.

В конечном счете, из числа многих державных городов выделились «мировые столицы» (по терминологии О. Шпенглера) или «мировые» (сегодня принято говорить «глобальные») города, в которых концентрируется ход современной истории. Именно такие города берут на себя руководство не только экономической жизнью страны или региона, но и всего мира, ставя на место первичных ценностей понятие денег, отделенных от товара, и глобальной информации, отделенной от государства.

Изначально понятие «мирового» города в специальной литературе использовалось для обозначения городов особого культурно-религиозного значения типа Рима или Иерусалима, а также для столиц бывших империй,

таких, как Лондон, Париж, Вена, Мадрид. Правда, находятся и более ранние примеры. Возраст такого явления, как мировой город составляет не одну тысячу лет, например, Персеполис, одна из четырех сезонных столиц Ахеменидов, чья империя (VI–IV века до н.э.), простиралась от Греции до Индии. Именно в этой столице праздновали Новый год (Науруз), а через Ворота наций проходили посланцы всех сатрапий Дария. Современность часто называют эпохой глобальных городов. Как свидетельствуют данные ООН, при неуклонном росте абсолютного числа городов все большее количество населения в мире аккумулируют крупные мегаполисы. В середине прошлого века городами-миллионерами могла похвастаться каждая седьмая страна, в настоящее время – уже каждая третья. К 2008 году на планете сформировались 459 агломераций с населением более одного миллиарда человек, в которых проживает примерно 40 % горожан и 20 % всего населения планеты.

С течением времени понимание и трактовка мирового (глобального) города претерпевают кардинальные изменения. Современная теория «мировых» (или «глобальных») городов исходит, прежде всего, из их особого участия в структуре глобального мирового хозяйства и общественно-политической обстановки. Такие центры выделяются не по величине людности или статусу столиц наиболее крупных стран, а по диапазону действий и степени политического влияния и экономической мощи. Они являются местоположением ключевых учреждений и организаций, своего рода командными и контрольными пунктами глобальной экономической системы.

Исходя из этого, *глобальный город* может быть определен как ***постиндустриальный центр, максимально интегрированный в мировую экономику, наделенный колоссальными финансовыми, управленческими, информационными и политическими функциями.***

Мировой город, который, по существу, является аналогом «глобального города», при этом обладает многовековой, иногда тысячелетней историей, что усиливает его значимость во всемирной системе глобальных городов-центров.

Экономический потенциал глобальных городов колоссален. Только их первая десятка дает свыше 1/10 всего ВВП мира. Беспрецедентны показатели Большого Токио и Большого Нью-Йорка, занимающих две первые позиции в рейтинге главных «производящих» городов мира. Параметры остальных также внушительны, но намного меньше (в 2–2,5 раза), чем у лидеров. Москва, занимающая 25-е место в рейтинге 2005 года, имела 181 млрд. долларов ВВП, почти в десять раз уступая двум

первым позициям. В Украине, к сожалению, нет ни одного глобального города.

В условиях формирования новой экономики глобальные города аккумулируют функцию производства и распространения информации и, безусловно, выступают ведущими центрами массовой коммуникации. Закономерно, что глобальные города служат местом размещения штаб-квартир компаний, специализирующихся в области телекоммуникационных услуг, информационных систем и технологий, а также ведущих медиаконцернов. В число ключевых медиацентров мира входят Нью-Йорк, Лондон, Париж, Лос-Анджелес, Мюнхен, Берлин и Амстердам. На эти семь городов приходится более 30 % всех подразделений 33 ведущих глобальных фирм медиаиндустрии.

Интенсивная и всё ускоряющаяся урбанизация, охватившая все континенты и страны, и сопровождающаяся активизацией городов во внешних связях государств и в деятельности международных организаций заметно влияет на мировую политику, усложняет ее транснациональную среду, многообразные контакты городов друг с другом, с сельскими поселениями как во внутригосударственной, так и в межгосударственной жизни. Город, став средоточием важнейших импульсов развития страны и формирования гражданского общества, становления и совершенствования государственных институтов, международных организаций, внешнеполитических структур, межгосударственных политических и экономических связей, обменов в области культуры, превратился в крупного и влиятельного актора мировой политики. Города сотрудничают также с регионами, национальными правительствами и парламентами зарубежных стран, укрепляя тем самым позиции своих государств на мировой арене. Конечно, воздействующая сила на мировую политику присуща далеко не каждому городу.

Наиболее существенную роль в современном мире играют глобальные города – мегаполисы, имеющие огромную мирополитическую, мироэкономическую и внутригосударственную значимость и влияние в системе мировой политики. С ними связаны многие ключевые глобальные процессы. Благодаря своим политическим, финансовым, информационным возможностям глобальные города приобретают определенную самостоятельность на мировой арене. Перефразируя известное выражение Г.М.Лаппо о городах как своеобразных аккумуляторах истории, можно смело утверждать, что глобальные города – это своеобразные аккумуляторы мирополитических процессов, придающие им

дополнительные импульсы для развития или, наоборот, для предотвращения их негативных последствий.

Глобальный город занимает ведущее место в мировой финансово-экономической иерархии. Очевидно, что в настоящее время главной задачей государств и крупнейших ТНК является в большей степени управление глобальными финансовыми потоками, а не удержание их на своей территории. Данная функция глобального города обусловлена его способностью управлять мировыми финансами. Кроме того, глобальный город представляет широкие возможности для транснационального администрирования крупнейших мировых ТНК, оказывающих также заметное влияние на мирополитические процессы. Обладая развитой сервисной инфраструктурой, глобальный город предоставляет общепланетарный доступ к сфере услуг, а также к политическим институтам. Бизнес-сообщество, используя глобальную инфраструктуру города, его привлекательность и имиджевые особенности, добивается экономических и политических преимуществ.

Глобальный город является важнейшим центром принятия политических решений. Помимо управленческих функций, глобальный город – это центр выработки государственных стратегических решений и глобальный посредник в сношениях государства, институтов гражданского общества и физических лиц с зарубежьем. Посреднические функции глобального города являются его важнейшей чертой. Город осуществляет три вида посредничества: между государствами, государством и бизнесом, государством и гражданским обществом. Межгосударственное посредничество включает в себя контакты между представителями государств на самом различном уровне, начиная от уровня экспертов до уровня глав государств, которые пользуются организационными возможностями, предоставляемыми глобальным городом (безопасность, инфраструктура, комфортная среда общения). Город посредничает между государством и бизнесом, предоставляя широкие возможности своей инфраструктуры для организации на городской платформе конгрессов, выставок, презентаций, деловых встреч, постоянных консультаций между бизнесом и властью, а также адекватных сделок по линии «государство-бизнес» и «бизнес-бизнес». Третий вид посредничества осуществляется на уровне гражданских обществ: развитая инфраструктура и транспортная доступность делают глобальный город привлекательным местом для размещения в нем главных офисов неправительственных организаций и движений, имеющих преимущественно транснациональную основу.

Помимо трансформации посреднического потенциала в политический капитал, глобальный город осуществляет собственные транснациональные связи, которые можно обозначить как дипломатия городов. Кроме того, геополитически выгодное положение и разветвленные политические, экономические и культурные связи глобального города используются государством как крупный стратегический ресурс, приобретающий особое значение в рамках стратегического партнерства между государствами.

Глобальный город – мировой информационный центр. Могущество и власть такого города заключаются в его способности создавать, хранить и передавать информацию. Являясь глобальным сервером – местом хранения информации в мировом масштабе, город встраивается в архитектуру сети, влияя и изменяя ее. Инструментами города являются мировые медиа-корпорации, рекламные агентства, киностудии, глобально распространяющие информацию, в большинстве своем приобретающую политическую окраску. Интернационализация высшего образования и науки, международные исследовательские центры и институты, конференции и сообщества ученых и экспертов в глобальном городе способствуют выработке адекватного ответа на вызовы глобализации.

Глобальный город становится центром выработки и принятия ключевых мировых решений. В масштабе всего земного шара он политически и экономически цементирует мироздание. Глобальные города в отдельной стране выступают в роли каркаса сплочения, сближения и единства всего ее населения. Однако отдельные его сегменты могут играть и дезинтегрирующую роль в масштабе всего государства, порождая сепаратизм, экстремизм и терроризм.

Таким образом, все эти вышеприведенные характеристики глобального города в мировой системе XXI века убедительно доказывают его уникальную роль. Эта роль еще недостаточно изучена как отечественной, так и зарубежной наукой. Одни ключевые проблемы продолжают оставаться дискуссионными, другие вовсе остаются неисследованными. До сих пор нет ни одной специальной монографии, в которой всесторонне, комплексно и обстоятельно была бы исследована роль глобального города в мировой политике.

Отдельные аспекты становления и функционирования современного глобального города рассматриваются в работах Д. Кларка, П. Геддеса, П. Холла, причём преимущественно с точки зрения развития в городах социальных процессов, инфраструктуры, экономической компоненты, а

также культурного наследия. В свою очередь, Г. Рид, Дж. Фридман, С. Сассен прослеживают в функционировании глобальных городов финансово-экономическую детерминанту, рассматривая их как ключевые места производства и сбыта, контроля над мировой финансовой системой, а также в качестве стратегических площадок управления капиталом. В своих работах М. Кастельс вводит категорию «пространство потоков», которое доминирует над пространством мест, а глобальные города выполняют узловые функции управления информационными и материальными потоками, превращаясь из места в процесс [см.: 43-46].

Важнейшее понимание роли городов в жизни страны и всего мирового сообщества имеют труды Ю. Н. Гладкого, В. А. Колосова, Э. Б. Алаева, Б. С. Хорева и других экономико- и политико-географов и политологов. Учёные анализируют ключевые тенденции развития народонаселения мира, важнейшими из которых являются: повышение удельного веса городов в мире, особенности развития городов развивающихся стран, исключительная роль непроектной сферы в формировании каркаса расселения и системы занятости страны, региона и всего мира.

Процесс роста городов и его последствия широко изучены урбанистами. Данной проблемой занимались В. М. Лопатненко, Е. Н. Перцик, Ю. Н. Пивоварова и другие ученые, которые обстоятельно исследовали исторические предпосылки отставания развивающихся государств на пути урбанизации, выделяют основные черты данного процесса в развитых и развивающихся странах. Урбанизация представлена как глобальный социальный процесс, сущность которого авторы видят в концентрации важнейших экономических, финансовых, политических функций в нескольких крупнейших городах, изменяющий наряду с глобализацией географическую и социальную картину мира, также авторы делают упор на необходимость формирования устойчивой, а не хаотичной урбанизации.

Особо интересны работы Н. А. Слуки, который анализирует глобальный город как место сосредоточения ключевых индивидуумов, организаций, которые управляют, манипулируют, диктуют и определяют формирование и воспроизводство капитализма во всем мире [см.: 47].

Опираясь на многообразие научных источников, рассмотрим феномен современного глобального города в мировом сообществе и его деятельность как актора мировой политики. Для этого выясним основные факторы становления и развития глобального города как актора мировой политики, а также параметры его деятельности как такового.

В транснациональной среде мировой политики взаимодействуют наряду с государствами и международными межправительственными организациями и негосударственные структуры, среди которых: транснациональные корпорации и банки, международные неправительственные организации, лингвополитические объединения, глобальные города, религиозные объединения и другие транснациональные акторы.

Фундаментальные теории прошлого, как правило, не предполагали участие города в международных отношениях. Однако, современные неолиберальные концепции предполагают участие отдельных субнациональных единиц, коими и являются города, в качестве самостоятельных единиц в мировой политике, но все-таки имеющие ряд ограничений в своей внешней деятельности в соответствии с национальным законодательством или международным правом. Отталкиваясь от либеральной и неолиберальной идеологии ведущих стран мира, можно выделить следующие критерии рассмотрения глобального города как актора мировой политики:

- определенная самоидентификация;
- достаточная степень автономности в принятии решений;
- наличие собственных интересов и способность их реализовать;
- оказание влияния на мировую политику;
- признание со стороны других основных участников.

Однако, во-первых, города, юридически являясь субнациональными единицами, во внешнем мире действуют от имени государства, предварительно заручившись согласием правительственных органов, в конечном счете, именно на них ложится международная ответственность за действия политико-территориальных или административно-территориальных субъектов. Во-вторых, в отношении городов действует, как правило, ограниченная международная правосубъектность. И, в-третьих, только город-государство (например, Сингапур) функционирует в мировой политике с полным соблюдением его суверенных прав и международных обязательств.

Однако стратегические соглашения глобальных городов со своими партнерами за рубежом, согласовываемые с центральными органами государственной власти, в большинстве случаев являются инициативой городских властей. Качество международных связей и их количество напрямую зависит от эффективности местных властей, их желания «продвигать» интересы города за рубежом, а также его политической и экономической аттрактивностью для зарубежных партнеров.

Законодательные инициативы в части перераспределения ряда государственных функций в пользу исключительного ведения городских властей являются последствиями политики глобального города. Центральные власти, как правило, приветствуют международные соглашения своих субъектов за рубежом, видя в них важный инструмент своей внешней политики.

Поскольку мировая экономика и мировая политика тесно переплетены транснациональными связями, можно сказать, что именно глобальные города являются связующими звеньями мировой сети транснациональных корпораций и банков, неправительственных и межправительственных организаций, групп интересов, представителей властных элит политики и бизнес-сообщества. Благодаря своим посредническим функциям и стратегическому управлению глобальные города взаимодействуют между всеми этими акторами, связывая ключевые потоки в прочные транснациональные узлы. При этом возникает собственная транснациональная среда глобального города, распространяющаяся и на агломерацию, задействованную также в глобальных процессах. Сегодня ни один глобальный город пока не достиг предела своего развития. В некоторых городах из-за высоких цен, уровня налогообложения и общей «перегруженности» общественной жизни действительно происходит отток населения, бизнес-структур, однако связано это с цикличностью развития глобальных городов. В условиях всемирного финансово-экономического кризиса конца первого десятилетия XXI века ряд компаний вынуждены снижать свои издержки на содержание управленческих структур в глобальных городах, а некоторые из них предпочитают перевезти свои штаб-квартиры и офисы в менее дорогие города.

Таким образом, сокращается потенциал политического влияния глобальных городов. Но при благоприятной экономической конъюнктуре происходит наращивание потенциала глобального города. Именно глобализация выводит конкуренцию между городами на мировой уровень. При этом именно они, а не государство, ответственны за собственное благополучие. Так как основные производительные силы общества задействованы в бизнесе, очевидно, что новые рабочие места в перспективных отраслях создаются там, где есть кадры, дороги, социальная инфраструктура, приемлемая налоговая политика, развитая сфера услуг. Местные власти стремятся улучшить самые различные показатели города с тем, чтобы «обойти» другие регионы и стать более

конкурентоспособными (чего стоит парад всевозможных стратегий развития городов).

Мировой экономический кризис усилил и без того большой разрыв между крупными и глобальными городами. Несмотря на то, что финансовые сегменты экономик глобальных городов в ходе кризиса существенно пострадали, их мирополитический ресурс, хотя и несколько сократился, остается, однако, значительным. Заинтересованность в феномене конкурентоспособности городов проявляется в появлении различных рейтингов, каждый из которых составляется при участии ведущих экспертов-урбанистов, специалистов международных и внутристрановых организаций, фондов, центров, представителей городских администраций, экономистов, политологов, а также с учетом общественного мнения. Авторитетные мировые рейтинги используют различные модели и показатели для анализа роли и места глобальных городов в мировой политике и экономике, поэтому ни один глобальный город не является бесспорным лидером по всем показателям, однако верхние строчки практически во всех рейтингах занимают Нью-Йорк, Лондон, Париж и Токио. Фактически в каждом городе разрабатываются разнообразные программы развития, направленные на повышение конкурентоспособности и ориентированные на внешние рынки, при этом города имеют политические ресурсы, благодаря которым они конституируются в качестве акторов мировой политики. К таким ресурсам относятся:

- дипломатия городов;
- политическое посредничество;
- геополитические, информационные ресурсы;
- имидж, образ, бренд и репутация города.

Существенные позиции города на мировой арене зависят от его активности в процессе дипломатии городов на двусторонней или многосторонней основе. Современная дипломатия городов очень сложное и многогранное явление: ей присуща многоуровневость [см.: 43; 46].

Двусторонняя дипломатия города представляет всю совокупность международных контактов городских администраций и советов с соответствующими партнерами за рубежом, а многосторонняя – характеризуется деятельностью городов в международных организациях, преимущественно – региональных и многосоставных.

Одним из видов дипломатии глобального города является политическое посредничество: между государствами, государством и бизнесом, гражданскими обществами, в том числе – и бизнес-

сообществами. Оно включает в себя весь спектр контактов: между представителями государств на самом различном уровне, начиная от уровня экспертов до уровня глав государств; государства и бизнеса, договаривающихся в совместных проектах; между различными бизнес-структурами; между гражданскими обществами, чьи институты расположены в глобальных городах. Развитая инфраструктура и транспортная доступность делают глобальный город привлекательным местом для размещения в нем главных офисов неправительственных организаций, имеющих часто транснациональную основу. Народная дипломатия особенно важна для глобальных городов, так как неформальные контакты их граждан в большей или меньшей степени укрепляют имидж таких городов как места, благоприятного для общения, совместных акций. Самую существенную роль в народной дипломатии играют представители элит, чьи неформальные международные связи создают своеобразную транснациональную сеть, имеющую важнейший лоббистский потенциал, который может быть использован властями глобального города для укрепления его международных позиций, достижения тех или иных целей. Существенный инструмент дипломатии городов – институт побратимства, предоставляющий городам возможности многоуровневого сотрудничества.

Рассматривая роль геополитического и информационного ресурсов в становлении глобального города как актора мировой политики, особо следует обратить внимание на движение капиталов, информации и политических ресурсов. Ключевые узлы этих потоков – глобальные города. Геополитика глобальных городов подчиняется изменчивой геометрии властных, денежных и информационных потоков. Они определяют, какой из глобальных центров будет ключевым узлом сети, а какой – второстепенным. Геополитика глобального города представлена нами в виде двухуровневой структуры: первый, базовый уровень представляет собой совершенно конкретное место на земном шаре, имеющее весь набор геополитических преимуществ и недостатков: близость традиционных торговых путей, положение на берегу моря, наличие портов, аэропортов, климатическая зона и т.д. Второй – высший уровень – можно определить как ключевой узел пространства потоков. То есть место, сконцентрировавшее электронные ресурсы и возможности для маршрутизации управленческих, информационных, финансовых потоков. Второй уровень является по-настоящему транснациональным и определяет «акторность» глобального города. На статус глобального города в иерархии городов влияет репутация, образ, имидж и бренд города. В век

информационной доступности и глобальной осведомленности на мировой арене наибольшие преимущества в этом контексте у городов, имеющих мировую известность. Имидж глобального города привлекает международные организации, общественность, транснациональные корпорации и банки, национальные политические и религиозные элиты и бизнес-структуры. Репутация создается долгим и кропотливым трудом. Все стратегические решения властей глобального города, пиар-акции, целенаправленное и опосредованное «продвижение» в совокупности создают тот образ, который возникает в умах людей при обращении к тому или иному городу. Совместно с информационным ресурсом медиа-корпораций репутация, имидж, образ и бренд создают транснациональную среду в глобальном городе, делая его частью мировой политики, важнейшим её актором.

Будучи продуктами глобализации и урбанизации, города особо уязвимы перед лицом глобальных вызовов и угроз. Глобальные города с одной стороны, выступают показателями глобальных проблем всего мирового сообщества, с другой – являются местом средоточия проблем национального государства. Однако в связи с колоссальным финансовым и научно-техническим потенциалом решение этих проблем тоже может и должно быть найдено именно в глобальных городах. Тем более, обширные информационные связи позволяют специалистам и представителям властей взаимодействовать в глобальном масштабе.

Таким решением, на наш взгляд, является учет глобального и локального в развитии современных городов. Как отмечает М. Кастельс, города «должны уметь найти свою особую роль в новой информационной экономике. Возможно, это самое сложное» [44, с.137]. Думается, что под воздействием требований информационного общества городам могут открыться новые возможности для формирования и поддержания развития, подтверждая их историческую цивилизаторскую роль. Это наше положение основывается на новой парадигме устойчивого развития устойчивых городов. На конференции ООН по окружающей среде и развитию (1992 г.), а затем Всемирном саммите по устойчивому развитию (2002 г.) была предложена новая модель развития общества – «модель устойчивого развития». Однако, чтобы перейти к новой стратегии, необходимо кардинальным образом перестроить все области и направления человеческой деятельности, причем в приоритетном порядке те, которым принадлежит ведущая роль в формировании знаний, интеллектуального потенциала информационного общества.

Какова же здесь роль городов? Производство и потребление становятся все более наукоемкими, и города утрачивают свою роль центров промышленного производства, их развитие все больше связывается с науками и образованием, а это предполагает фундаментальные изменения в развитии городов. Экономика городов трансформируется: главное место принадлежит уже не производству и вывозу готовой продукции на мировой рынок, а экспорту знаний и услуг. Эти перемены происходят благодаря тому, что научные знания становятся стратегическим ресурсом мирового сообщества. Развитие, основанное на научных знаниях, зависит главным образом от жизнеспособности городов, то есть от коллективной компетенции, культуры научных знаний и качества жизни, предлагаемой городом. Поскольку научные знания опираются на определенную культуру и концентрируются главным образом в городах, у них больше возможностей формировать собственное развитие путем укрепления своей коллективной компетенции, культуры и организации научных знаний, которые образуют интеллектуальный потенциал города, выявляя, закрепляя и развивая который, города в состоянии создавать условия, способствующие основанному на научных знаниях развитию. *Чтобы дальнейшее развитие городов стало целенаправленным, необходимо объединить «глобальные знания», то есть научные и универсальные ценности, с «местными знаниями», поэтому можно утверждать, что устойчивое развитие означает большую ответственность городов за научные ресурсы местного уровня* [см.: 45]. Город должен формировать эффективный интеллектуальный потенциал, что Р. Найт назвал «городской инфраструктурой знаний», обеспечивать средства для улучшения горизонтальных контактов в рамках городской общины.

Анализ интеллектуального потенциала в контексте нашего исследования требует рассмотреть его как философскую категорию, т.е. «на стыке» деятельностного, системно-структурного и цивилизационного подходов. Использование цивилизационного подхода позволяет рассматривать развитие современного города на общем историческом фоне перехода от индустриального общества к постиндустриальному, информационному.

Согласно деятельностному подходу, исходным понятием для характеристики социальных процессов выступает человеческая активность, реализуемая в социальной деятельности и социальном поведении. Социальный потенциал это сложная многоуровневая и многокомпонентная система элементов, которая непосредственно

определяет социальную активность населения данного города и детерминирует возможности получения им социально значимых результатов. Социальная активность охватывает три основных сферы социального бытия: экономическую, политическую и духовную. В соответствии со сферами реализации социальной активности социальные потенциалы принято разделять на три: экономические, политические и духовные. Аналогично в социальной философии принято выделять такие виды духовного потенциала, как интеллектуальный, культурный и нравственный. Интеллектуальный потенциал города – это система элементов, непосредственно определяющая интеллектуальную активность населения города. В силу того, что интеллектуальная активность – это активность, связанная с добыванием, сохранением, переработкой и развитием знаний об окружающем человека мире, включая его социальное бытие, интеллектуальный потенциал – это рациональные возможности участия в социально значимой деятельности, проявление интеллектуальных способностей. Один из основателей теории города, Р.Парк отмечал: «Проведенное несколько лет назад исследование имен выдающихся людей, включенных в справочник *Who's Who*, показало, что в одном крупном городе (Чикаго), помимо приведенных в каталоге переписи 509 родов занятий, еще 116 классифицировались как профессии. Число профессий, требующих специальной и научной подготовки для практической работы, является показателем и критерием интеллектуальной жизни сообщества, которая измеряется не только общим уровнем познаний среднего гражданина и даже не только средним для сообщества коэффициентом интеллекта, но и степенью, в какой для решения проблем сообщества в таких сферах, как здравоохранение, промышленность и социальный контроль, применялись рациональные методы» [48, с. 142].

Интеллектуальный потенциал – это, с одной стороны, характеристики возможностей реализации человеком своих внутренних личностных сил, развитие природных задатков; с другой, – это характеристика возможностей раскрытия и использования обществом интеллектуальных способностей и талантов. Поэтому есть необходимость различать субъективную и объективную стороны интеллектуальной активности.

Аналогично, необходимо различать понятия «интеллектуальный потенциал» и «потенциал интеллектуальной активности» города. Последний будет характеризоваться дисперсией субпотенциалов города – тем, как именно распределены ценности, роли, знания, профессиональные

навыки. Надо иметь в виду, что общий интеллектуальный потенциал города не сводится к сумме интеллектуальных потенциалов всех структурных элементов. Потенциал интеллектуальной активности складывается из следующих субпотенциалов: инновационно-творческий, профессионально-квалификационный, ценностный или духовно-нравственный, рациональный.

В философии наиболее оптимальной методологической базой построения интеллектуального потенциала представляется теория «интеллектуального класса» и теория социального коммуникативного действия Ю. Хабермаса.

В настоящее время передовые страны осуществляют переход от индустриального к постиндустриальному, или информационному, обществу, основанному на знании. Это приводит к становлению «класса интеллектуалов». Его признаки – высокий социальный статус, обусловленный научной компетентностью, высокие стандарты образования, значительная степень независимости от собственников средств производства, доминирующее положение в постиндустриальном обществе.

Но, с другой стороны, по Ю. Хабермасу, общество следует понимать как двухкомпонентное образование: как «жизненный мир» и как «систему». Жизненный мир – горизонт входящих в общение индивидов; он обретается через культуру и языковые интерпретации. Реализуясь в сфере системы, интеллектуальный потенциал создает властные структуры, управление, экономику, финансы, технологии, политику, право, науку, образование, то, что мы называем публичной сферой города. Актуализируясь же в сфере жизненного мира, – приватность, традицию, семью, любовь и дружбу, воспитание, ценности, т. е. частную сферу города. Несмотря на то, что между жизненным миром и системой существует определённый «зазор», устойчивое развитие предполагает определенную целостность интеллектуального потенциала, связанную с гармоничным сочетанием всех его сторон и компонентов. Становление класса интеллектуалов ведет к нарушению целостности интеллектуального потенциала.

Один из возможных выходов – развертывание механизмов общественной коммуникации, подчиняющихся нормам коммуникативного действия, когда планы участвующих в них координируются посредством актов понимания друг друга, а не посредством эгоцентрических калькуляций успеха.

Структура интеллектуального потенциала понимается как способ связи содержательных компонентов интеллектуального потенциала, как идеальных, так и материальных, которые в совокупности обеспечивают готовность носителя интеллектуального потенциала – индивида, города или социума – совершить определенную трансформационную или конструктивно осмысленную социальную работу. Соответственно, в объеме понятия «интеллектуальный потенциал» как философской категории выделяются элементы деления этого понятия. Это не просто деление целого на части: в каждом структурном элементе (виде) содержатся все родовые признаки, присущие исходному общему понятию (роду). Другими словами, интеллект присутствует в каждом культурном звене, эксплицитно выделенном или имплицитно подразумеваемом.

Интеллектом обладают все люди, действующие в различных сферах, но всё же есть области, где интеллект находится как бы «у себя дома»: это наука и образование. Центральным, сердцевинным компонентом интеллектуального потенциала, во многом определяющим интеллектуальную активность населения города, детерминирующим возможности удовлетворения потребностей населения путем получения значимых результатов, выступает образование.

РАЗДЕЛ 2. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Глава 2.1. Глобальные и национальные экологические интересы Украины

На исходе XX века резко усилилось деструктивное антропогенное, главным образом технологическое, давление на окружающую среду, что привело человечество к глобальному кризису. Современная цивилизация оказалась в той точке всемирно-исторического процесса, именуемой различными исследователями по-разному («моменты» – И. Тэн, «узлы» – А. Солженицын, «надломы» – А. Тойнби и т. п.), которая определяет динамику и направление цивилизационного развития на длительную перспективу. Противоречие между ростом народонаселения и возможностью удовлетворения его материально-энергетических потребностей, с одной стороны, сравнительно ограниченными возможностями естественных экосистем, с другой, приобретают антагонистический характер. Их обострение чревато необратимыми деградационными изменениями биосферы, радикальной трансформацией традиционных природных условий функционирования цивилизации, что также создаёт реальную угрозу жизненно важным интересам будущих поколений человечества.

Необходимость осмысления и преодоления сложившейся ситуации выдвинула экологическую проблематику на одно из первых мест в иерархии глобальных проблем современности. Всё чаще на различных форумах учёных, общественных и политических деятелей звучат тревожные заявления о том, что совокупная человеческая деятельность способна коренным образом подорвать природное равновесие биосферы и тем самым поставить цивилизацию перед угрозой гибели. Всё более активно обсуждаются социальные проблемы нарастающего экологического и технологического риска.

Опыт последних десятилетий неопровержимо свидетельствует, что в подавляющем большинстве экологических бедствий основным виновником становится всё чаще не непредсказуемость действия технологических средств или природных стихий, а непродуманная, непредсказуемая деятельность человека, наносящая своим техногенным воздействием нередко непоправимый вред природе. Поэтому в экологических исследованиях в разных странах мира всё более ощутим поворот к учёту социальных факторов, как в создании экологической

проблемы, так и в её решении. Становится всё более ясно, что от экологического императива объединённое в планетарном масштабе человечество должно переходить к экологически ориентированному сознанию, мышлению и действию, к экологически ориентированному социальному развитию.

Начиная с 70-х годов, учёные широко обсуждали острые проблемы экологического кризиса современной цивилизации, анализировали этапы развития общества и социокультурных ценностей в свете взаимоотношений природной, технической и социальной систем.

Шел поиск оптимальных программ решения экологических проблем, рассматривались многообразные аспекты экологической переориентации экономики, технологии, образования, общественного сознания.

Глобальные масштабы приобретает экологическая проблема. Причем, когда Римский клуб опубликовал свой доклад «Пределы роста», речь, главным образом, шла об истощении энергетических и сырьевых ресурсов планеты, угрожающем экономическому росту, то в 90-е годы человечество начинает осознавать реальную опасность экологической катастрофы, угрожающей самому существованию цивилизации. Это вызвано деградацией жизненно важной для здоровья человека природной среды, разрушительным техногенным влиянием на биосферу, усиливающимся воздействием парникового эффекта на климат планеты, необратимыми потерями в генофонде планеты в связи с исчезновением многих видов животных и растений.

Ситуация настолько опасна, что обсуждение экологических проблем вышло за рамки научных дискуссий и движения неформалов, и превратилось в важную часть мирового политического процесса, в который вовлечены правительства, международные организации и финансовые структур.

В конце 80-х годов появилась концепция самоподдерживающегося развития (в нашей литературе получил распространение её неточный перевод – «устойчивое развитие»), призванная соединить задачи экономического роста с сохранением природной среды. Впервые она была сформулирована в докладе Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» (доклад Брундтланда) и была развернута на конференции ООН по проблемам окружающей среды и развития в Рио-де-Жанейро в 1992 г.

В основу этой концепции лёг тот факт, что если три четверти населения Земли, ныне проживающие в слаборазвитых странах, пойдут по тому же пути развития индустрии, что и жители развитых стран, то

планета Земля совершенно очевидно не выдержит такой нагрузки и грянет неминуемая экологическая катастрофа. Вместе с тем нельзя винить слаборазвитые страны в стремлении повысить уровень жизни быстро растущего населения.

В мировой политике сегодня отчетливо прослеживается тенденция экономически благополучной четверти населения Земли решить, хотя бы временно, острые экологические проблемы за счет замораживания экономического роста беднейших трех четвертей. Выражая мнение весьма влиятельных кругов, многие политики и ученые развитых стран вдруг заговорили о расточительном потреблении природных ресурсов населением Земли, но голодную диету они предлагают всем, кроме себя. В реальной действительности решить экологические проблемы без решения социально-экономических невозможно. «Экология без экономики – это всеобщая нищета».

Понятие долговременного устойчивого развития может быть проанализировано в разных аспектах, но нас интересует роль технического прогресса в устойчивом развитии. Соответствующие принципы экологического аспекта концепции устойчивого развития можно сформулировать следующим образом:

- обеспечение коэволюции общества и природы, человека и биосферы, восстановление относительной гармонии между ними, нацеленность всех трансформаций на формирование ноосферы;
- сохранение реальных возможностей не только для нынешнего, но и для будущих поколений удовлетворять свои основные жизненные потребности;
- теоретическая разработка и практическая реализация методов эффективного использования природных ресурсов;
- обеспечение экологической безопасности ноосферного развития;
- развёртывание сначала малоотходного, а затем и безотходного производства по замкнутому циклу продуманное развитие биотехнологии;
- постепенный переход от энергетики, основанной на сжигании органического топлива, к альтернативной энергетике, использующей возобновимые источники энергии (солнце, вода, ветер, энергия биомассы, подземное тепло и т.д.).

Учитывая, что техногенное воздействие на природу необходимо снизить, согласно оценке межправительственной организации по вопросам изменения климата, по крайней мере, вдвое против существующего уровня, а численность населения, по прогнозу ООН, возрастет к 2050 г. до 10 млрд. человек, то есть вдвое по сравнению с теперешним, то даже при

нулевом росте потребления на душу населения экологическая интенсивность потребления (техногенная нагрузка на природную среду) должна быть снижена к 2050 г. в четыре раза. Если же потребление на душу населения будет увеличиваться существующими темпами, то есть 2-3 % в год, то к 2050 г. оно возрастет в четыре раза. В этом случае для достижения самоподдерживающегося развития необходимо будет снизить экологическую интенсивность потребления в 16 раз.

В указанной концепции ставка делается в основном на создание новых безотходных, ресурсосберегающих технологий, на усиление контроля международных организаций за состоянием природной среды и её использованием. Такой, по существу, технократический подход к решению сложнейшей проблемы современности отодвигает на задний план социальные проблемы экологического кризиса и среди них, прежде всего, огромный разрыв в уровнях потребления между различными регионами Земли.

В то время как относительно небольшая часть человечества, проживающая преимущественно в развитых странах, пользуется благами сверхпотребления, остальные живут на грани бедности, а 800 млн. человек голодают.

При этом именно развитые страны несут главную ответственность за загрязнение природной среды и истощение невозобновляемых ресурсов. По данным Межправительственного агентства по вопросам изменения климата, 74% выброса углекислоты в атмосферу осуществляют развитые и 26% – развивающиеся страны. В развитых странах в пересчете на душу населения этот показатель в 10 раз выше, чем в развивающихся. Поэтому для преодоления экологического кризиса необходимо, не дожидаясь разработки новых безотходных технологий, уже сейчас вводить ограничения на объемы загрязнения природной среды, прежде всего для западных государств.

Первые шаги в этом направлении были предприняты на Международной конференции по глобальному изменению климата планеты в Киото в 1997 г. Были приняты решения, обязывающие некоторые развитые страны сократить выброс углекислоты, США в частности, должны были сократить эти выбросы на 7%. В рамках ООН был создан Центр по ТНК, который выработал жесткие экологические стандарты, регламентирующие их деятельность. Однако под давлением лобби этих корпораций стандарты не были введены в действие.

Борьба идет не только по вопросам регламентации и установления экологических стандартов, по существу это – борьба за контроль над

природными ресурсами планеты, включая воздух, воду, землю. Притом особое беспокойство международной общественности, занимающейся экологическими проблемами, вызывает то, что широкие массы населения отстраняются от участия в решении жизненно важных для них вопросов охраны окружающей их природной среды. Происходит институционализация бюрократической надгосударственной системы, претендующей на глобальное руководство в природоохранной сфере. По словам, Н. Хилдярда, издателя журнала «Экологист» (Великобритания), «экологический кризис используется для создания мировой технократии, управляющей ресурсами и экологическими рисками... Глобальные (наднациональные) менеджеры могут вызвать новую волну колониализма, так как экологической защитой теперь прикрываются коммерческие интересы». Профессор Э. Гудинас (Уругвай) пишет, что те природные ресурсы, которые ранее были вне сферы рыночных отношений, теперь включаются в неё; социальные связи и отношения сводятся к рыночным транзакциям и попадают в сферу частных интересов, а понятия солидарности и социальной справедливости утрачиваются.

В настоящее время в целях восстановления паритета общества и биосферы, человека и природы философами предпринят новый исследовательский подход: коэволюционная стратегия [см.: 49], рассматриваемая как новая парадигма цивилизации XXI века.

Она должна оказывать воздействие на изменение познавательных и ценностных ориентаций, на новое понимание природы, на утверждение в сознании людей новой нравственности [49, с. 26].

Таким образом, хотя разрешение различных противоречий во взаимоотношениях между человеком и средой его обитания, обеспечивающее выход цивилизации на уровень рационализации, оптимизации и гармонизации в системе отношений «человек-общество-биосфера» – вопрос практики, необходимо предварительное изменение концептуального аппарата. И в этом процессе философия должна сыграть главную роль, помогая экологической переориентации современной науки, влияя на социально-политические и технологические решения в экологической области и способствуя, в конечном счёте, модификации общественного сознания и принципиальных подходов к техническому решению назревших социально-экологических проблем.

Демографический взрыв и научно-техническая революция привели к колоссальному увеличению потребления природных ресурсов. При таких темпах потребления стало очевидным исчерпание многих природных ресурсов в ближайшее время. Одновременно отходы гигантских

производств стали всё больше загрязнять окружающую природную среду, разрушая здоровье населения. Во всех промышленно развитых странах большое распространение получили раковые, хронические лёгочные и сердечно-сосудистые заболевания.

Первыми забили тревогу учёные. Начиная с 1968 года, итальянский экономист Аурелио Печчеи стал ежегодно собирать в Риме крупных специалистов из разных стран для обсуждения вопросов о будущем цивилизации. Эти встречи получили название Римского клуба. В первых докладах Римским клубом были успешно применены к изучению тенденций развития социоприродных глобальных процессов имитационные математические методы, разработанные профессором Массачусетского технологического института Джейм Форрестером. Форрестер использовал методы исследования, созданные и применяемые в естественных и технических науках, для изучения процессов эволюции как в природе, так и в обществе, протекающих в глобальном масштабе. На этой основе была построена концепция мировой динамики. «Под «мировой системой», – отмечал учёный, – мы понимаем человека, его социальные системы, технологию и естественную окружающую среду. Взаимодействие этих элементов определяет рост, изменения и напряженность ... в социально-экономико-природной среде» [50, с. 13].

Впервые в социальном прогнозе были учтены составляющие, которые можно назвать *экологическими*: конечный характер минеральных ресурсов и ограниченные возможности природных комплексов поглощать и нейтрализовать отходы человеческой производственной деятельности.

Если прежние прогнозы, учитывавшие лишь традиционные тенденции (рост производства, рост потребления и рост населения), имели оптимистический характер, то учет экологических параметров сразу перевел глобальный прогноз в пессимистический вариант. Он показал неизбежность нисходящей линии развития общества к концу первой трети XXI столетия в связи с возможностью исчерпания минеральных ресурсов и чрезмерным загрязнением природной среды. Последующие работы, выполненные по заказу Римского клуба под руководством Д. Медоуза («Пределы роста», 1972 г.), а также М. Месаровича и Э. Пестеля («Человечество у поворотного пункта», 1974 г.), в основном подтвердили справедливость прогнозов, составленных Дж. Форрестером.

Трудовая деятельность, дав человеку колоссальные преимущества в борьбе за выживание перед остальными животными, в то же время поставила его перед опасностью стать со временем силой, способной разрушить природную среду своей собственной жизни.

Неверно было бы думать, что экологические кризисы, спровоцированные деятельностью человека, стали возможны только при появлении сложной техники и сильном демографическом росте. Один из тяжелейших экологических кризисов имел место уже в начале неолита. Научившись достаточно хорошо охотиться на животных, прежде всего крупных, люди своими действиями привели к исчезновению многих из них.

В результате резко сократились пищевые ресурсы множества человеческих сообществ, а это, в свою очередь, привело к массовому вымиранию. По различным подсчётам, население сократилось тогда в 8-10 раз. Это был колоссальный экологический кризис, переросший в социально-экологическую катастрофу. Выход из него был найден. Человек перешел к земледелию, затем к скотоводству, осёдлому образу жизни. Тем самым, экологическая ниша существования и развития человечества существенно расширилась.

Этому в значительной мере способствовала аграрно-ремесленная революция, которая привела к возникновению качественно новых орудий труда, которые, в свою очередь, позволили многократно усилить воздействие человека на окружающую природную среду. Оказалась завершена эра «животной жизни» человека, он начал активно и целенаправленно вмешиваться в природные процессы, перестраивать естественные биогеохимические циклы.

Нарушение «порядка» в природе, её загрязнение имеют древние традиции. Можно назвать величайшее римское сооружение VI в. до н.э. – большой отводной канал фекалий и других отходов. Уже в XIV в., в доиндустриальный период, английский король Эдуард II вынужден был под угрозой смертной казни запретить употребление угля для отопления домов, настолько Лондон был загрязнён дымом [51, с. 14].

Но «загрязнение» природы приобрело значительные размеры и интенсивность лишь в период индустриализации и урбанизации, приведших к значительным цивилизационным переменам и к рассогласованию экономического и экологического развития. Это рассогласование приобрело драматические масштабы уже с начала с 50-х гг. нашего века. Тогда быстрое и до тех пор немыслимое развитие производительных сил вызвало такие изменения в природе, которые ведут к уничтожению биологических предпосылок жизни человека и общества. Человек создал технологии, отрицающие формы жизни в природе. Использование этих технологий ведёт к росту энтропии, отрицанию жизни. Конфликт между технологией и экологией имеет свой источник в

самом человеке, являющемся одновременно и природным существом, и носителем технологического развития.

Исходя из реалий современности, можно с уверенностью сказать, что традиционный научно-технический подход не объективен, он носит субъективный, волюнтаристский характер. Он отражает стремление человека покорить природу еще до того, как будет получено системное, комплексное знание о ней.

Человек, вооруженный фрагментарными научно-техническими знаниями, еще не познавши системной целостности окружающего мира, будто бы берет аванс у природы, не зная истинной ценности полученного.

Технологический человек ведет себя как игрок, который непрерывно увеличивает ставки, стараясь при этом не думать о расплате. В свете нависшей экологической катастрофы становится понятно, что технологический способ существования, который сложился, это жизнь в долг, беспрерывная и увеличивающаяся ссуда у природы, процент которой постоянно увеличивается. Расчет при этом перекладывался на плечи будущих поколений, пока не выяснилось, что наше поколение и есть то самое последнее поколение, которое должно либо погибнуть, либо вернуть долги.

Глобалистика возвращается к геоцентрической картине мира: Земля – наш общий дом, а судьба человека целиком зависит от перспективы его сохранения.

Глобальные катастрофы, угрожающие человечеству, подразделяются на эволюционные, связанные с открытым космосом, и на антропогенные, за которые ответственны полностью мы. И если ядерная катастрофа – это угроза, то экологическая – действительность, ибо загрязнение человеком атмосферы, мирового океана и биосферы уже вывели окружающую среду планеты за критические пределы. Глобальные проблемы затрагивают интересы всего человечества, требуют согласованных планетарных усилий, составляют особые секторы единой системы и обостряют друг друга. Плодотворное же решение одной предполагает разрешение остальных.

Международное измерение, масштаб и размер этих проблем возросли в результате утращения населения земного шара в XX веке; экономические мощности выросли в 50 раз, мощность энергетики в 1000 раз, добыча минерального сырья стала больше, чем за всю историю человечества. В миллион раз увеличилась мощность оружия.

Резкое возрастание воздействия человека на земную жизнь означает, что окружающая среда не может больше рассматриваться как устойчивый

фундаментальный фактор.

Взаимодействие между экономическим развитием и комплексом экосистем, от которых это развитие зависит, стало международной политической проблемой.

Глобальный характер экологической проблемы определяется рядом факторов. Во-первых, она касается каждого и может быть разрешена только на основе сотрудничества всех или, по крайней мере, подавляющего большинства стран мира. Во-вторых, многие локальные проблемы (деградация городов, вырубка лесов, опустынивание, недостаток воды и т.д.) сейчас угрожают негативными последствиями, подрывая жизнь бедных стран, порождая конфликты, вызывая потоки беженцев, нарушая безопасность развитых стран. В-третьих, ряд экологических проблем вызван как избытком индустриальных стран ценой «экологической тени» на всей мировой системе, так и нищетой третьего мира.

Обращает на себя внимание тот факт, что изнурение планеты вызвано скорее не насущными нуждами, а безудержным ростом избыточных потребностей. В США, например, 5% населения Земли за чей-то счет потребляет 25% всех природных мировых ресурсов и производит $\frac{1}{4}$ загрязнения. Если и другие страны выйдут на такие стандарты потребления, глобальная экологическая катастрофа разразится очень быстро. Значит, дело в искаженных представлениях о потребностях. Так же, как угроза ядерной катастрофы не в горах оружия, а в том, что разделяет людей по национальным, религиозным и экономическим признакам. Цель такого типа цивилизации направлена на нарастающее производство и потребление товаров. При этом до человека в виде товаров и услуг доходит не более 5% извлекаемых из Земли ресурсов; остальная часть приходится на обслуживание этого процесса.

Инстинкт самосохранения способствовал тому, что экологическая проблема первой была признана наукой, как глобальная.

Потребности формирующегося естествознания и развивающегося промышленного производства обосновывали реальность противопоставления человека окружающей действительности. Разрушить эти стереотипы в рамках антрополого-натуралистических представлений пыталось французское Просвещение. Природа (внешняя среда), трактуемая различным образом¹, оказывает, по мнению представителей этого направления, решающее воздействие на человека.

¹ Как комплекс естественно-природных процессов (Гольбах), как совокупность социально-политических факторов (Гельвеций), как соответствующая интеллектуальная среда (Ламетри).

Французские материалисты отстаивали, таким образом, принцип единства человека и природы, основываясь при этом на созерцательной, «извечно данной» гармонии между ними.

Особое место в интерпретации процессов взаимоотношений человека и природы занимают представители философско-религиозного направления, «русского космизма» XIX в. (Н. Ф. Фёдоров, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский и др.), которые в системе философско-теологических построений ставили вопрос о «теокосмическом всеединстве», путях «совокупного спасения человечества», о бессмертии человеческого рода, обосновывали позитивную тенденцию к гармонии биосферных и космических процессов, стремясь найти должное место человека в системе его отношений с миром материальных и идеальных вещей и явлений.

Большинство концептуальных построений XX века, особенно второй его половины, объединяет философия технократизма, исходящая из того, что научно-технический прогресс создаёт предпосылки для преодоления большинства, если не всех, противоречий мирового развития, выходя на уровень общества «всеобщего благоденствия».

В русле технократизма были созданы многочисленные социологические теории общественного развития, среди которых наибольшую известность получили концепции индустриального и постиндустриального общества, постулирующие позитивную роль научно-технического прогресса. С этой точки зрения понятия «качества жизни», процветания, гармонии и стабильного существования неотделимы от роста материального благосостояния, развития техники и технологии. Однако проявившиеся в 1960-е годы кризисные экологические последствия, технические и этические «побочные эффекты» научно-технического прогресса заставили усомниться в разумности избранного пути, начался пересмотр ценностей неограниченного потребления, приведший в ряде случаев к технофобии.

Впрочем, технократизм западного сознания отвергался в рамках философии «критического гуманизма» (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Г. Маркузе и др.) за абсолютизацию рационально-технологической его ориентации, в процессе которой личность утрачивает целостность, превращаясь в «частичного человека». Выход предлагался в «духовной революции», освобождении от «демона техники», в выявлении «человеческого в человеке».

Радикальная трансформация современного философского взгляда на мировое развитие в рамках решения всё более назревающих экологических

проблем произошла в начале 70-х годов, когда была сформулирована идея пределов роста, прогнозирующая «экологический коллапс» для цивилизации будущего при сохранении современных ориентиров мирового развития. Именно с того времени начала формироваться современная философия экологизма [53, с.147] – мировоззрения, исходящего из определяющего статуса проблемы взаимоотношений человека и биосферы в динамике цивилизационного процесса.

Если в 70-х гг. философский экологизм имел пессимистический оттенок, то в 80-х гг. явно стал преобладать «оптимистический реализм» ввиду того, что выявилась неоднозначность феномена «технологического демона», который, с одной стороны, действительно чреват опасными, в том числе и социально-экологическими, процессами, а с другой – наряду с совершенствованием духовного потенциала личности открывает путь к реальному преодолению противоречий глобального масштаба.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что истинное познание бытия в период беспрецедентных глобальных изменений, когда требуется переосмысление сути взаимоотношений человека, общества и природы, выход на иной уровень общепланетарного развития, предполагает не конфронтацию идей, а их взаимодействие. И именно взаимосвязь религиозной и философской интерпретации бытия может создать предпосылки для адекватного ответа на вопрос о позитивных направлениях развития цивилизации.

Таким образом, всю предыдущую историю можно рассматривать в экологическом смысле как шедший с ускорением процесс накопления тех изменений в науке, технике и в состоянии окружающей среды, которые в конце концов переросли в современный экологический кризис. Основным признаком этого кризиса – резкое качественное изменение биосферы, происшедшее за последние 50 лет. Более того, не так давно появились уже первые признаки перерастания экологического кризиса в экологическую катастрофу, когда начинаются процессы необратимого разрушения биосферы.

Экологическая проблема поставила человечество перед выбором дальнейшего пути развития: быть ли ему по-прежнему ориентированным на безграничный рост производства или этот рост должен быть согласован с реальными возможностями природной среды и человеческого организма, соразмерен не только с ближайшими, но и с отдаленными целями социального развития.

В возникновении и развитии экологического кризиса особая, определяющая роль принадлежит техническому прогрессу. По сути дела

возникновение первых орудий труда и первых технологий привели к началу антропогенного давления на природу и возникновению первых спровоцированных человеком экологических катаклизмов. С развитием техногенной цивилизации происходило увеличение риска экологических кризисов и утяжеление их последствий.

Источник такой взаимосвязи – сам человек, который одновременно является и природным существом, и носителем технологического развития.

Однако, несмотря на такую «агрессивность», именно технический прогресс может быть залогом выхода человечества из глобального экологического кризиса. Создание новых технологий малоотходного, а затем и безотходного производства по замкнутому циклу позволит обеспечить достаточно высокий уровень жизни, не нарушая при этом хрупкого экологического равновесия.

Постепенный переход к альтернативной энергетике сохранит чистый воздух, прекратит катастрофическое сжигание атмосферного кислорода, устранил тепловое загрязнение атмосферы.

Таким образом, технический прогресс, как двуликий Янус, имеет две противоположные ипостаси в картине настоящего и будущего человечества.

И только от коллективного человеческого разума, от продуманности и слаженности действий правительств, образовательных и общественных организаций всего мира зависит, какое лицо технического прогресса увидят наши потомки, проклянут они нас, или восславят.

Украина принадлежит к тем странам мира, где состояние окружающей среды расценивается как неблагоприятное, а во многих областях как критическое или близкое к такому.

Главными причинами сложившейся ситуации являются: достаточно длительная и высокая степень освоения территории, наличие разнообразного природно-ресурсного потенциала (минеральные, водные, земельные, лесные и рекреационные ресурсы); высокий уровень индустриального развития; самая высокая в Европе распашка территории; нерациональная и недопустимо высокая степень использования минеральных и лесных ресурсов; высокий уровень урбанизации; большая концентрация населения и производства в отдельных районах; непомерное развитие энерго-и ресурсоемких отраслей, загрязняющих окружающую среду; несовершенные технологии.

В течение многих десятилетий хозяйство Украины развивалось без учета экологических требований, поэтому негативные изменения происходят во всех компонентах природного комплекса страны.

Среди главных экологических проблем Украины можно выделить следующие:

1. Последствия аварии на ЧАЭС.
2. Деградация черноземов Украины.
3. Чрезмерное загрязнение воздуха в промышленных районах.
4. Загрязнение акватории Черного моря, в связи с чем сероводородный слой приближается к поверхности.
5. Загрязнение поверхностных вод Украины.
6. Исчезновение отдельных видов растений и животных из-за их истребления или ухудшение условий местообитания.
7. Подъем уровня грунтовых вод в городах и на орошаемых землях.

В результате Чернобыльской аварии вокруг станции была установлена 30-километровая зона отчуждения, население этой территории было эвакуировано. Полоса наибольшего радиационного загрязнения протянулась через Киевскую, Ровенскую, Волынскую, Ивано-Франковскую и другие западные области.

Одной из острых экологических проблем является подтопление, засоление и вывод из сельскохозяйственного пользования больших площадей плодородных почв днепровскими водами.

Нерациональное использование водных ресурсов привело к загрязнению поверхностных вод Украинских Карпат.

Ряд экологических проблем связан также с угольной промышленностью. Как результат добычи угля, у шахт возникают терриконы. Из-за ведения горных работ происходит нарушение равновесия горных поверхностных масс, что приводит к провалам верхних слоев земной поверхности. Ухудшается качество подземных вод.

Одновременно увеличивается содержание ядовитых веществ в поверхностных водах, куда сбрасываются подземные воды. Увеличивается минерализация рек, что крайне негативно влияет на их состояние и качество речной воды. Предприятия черной и цветной металлургии являются основным источником загрязнения атмосферы. Они выбрасывают в атмосферу оксиды азота, сернистый газ. Почвы чрезмерно загрязняются свинцом, цинком, хромом и медью. Значительные земельные площади надо отводить под свалки промышленных отходов.

В Донбассе, Приднепровье и Прикарпатье сложилась чрезвычайно сложная экологическая ситуация также из-за концентрации предприятий

химической промышленности. Критических масштабов достигло исчезновение различных видов растений и животных. Среди причин этого процесса можно назвать прямое их уничтожение, изменение традиционных мест обитания (вырубка лесов, распашка степей и др.), тотальное химическое загрязнение окружающей среды. Для изменения ситуации создаются природно-заповедные территории, редкие и исчезающие виды заносятся в Красную книгу, принимаются законы по их охране.

Экологическая безопасность должна стать нашей национальной идеей. Экологическая безопасность – основа национальной и международной безопасности. Поэтому при принятии политических и экономических решений необходимо учитывать экологический фактор.

В политической науке до сих пор не разработана категория «национальные интересы». Некоторые политологи отрицают объективность национальных интересов, другие считают их малопродуктивной категорией, третьи полагают, что национальные интересы — отражение лишь определенной, достаточно высокой стадии развития национального самосознания. Однако большинство специалистов в области политических наук все же признают плодотворность данной категории для исследования международных отношений, и в особенности проблем национальной безопасности.

На наш взгляд, под национальными интересами следует понимать потребность страны занимать то место в мире, в мировом сообществе, которое позволяет наиболее полно реализовать имеющиеся национальные ресурсы и которое в максимальной степени соответствует ее культурно-историческим и духовным традициям.

Вряд ли национальные интересы ограничиваются потребностью нации «в выживании, самосохранении, обеспечении своей безопасности». Сама постановка столь примитивной цели – выжить (а потом прозябать?) – ведет не к сохранению, а к разрушению нации. Не выживание, а динамичное развитие национальной общности обеспечивает ее безопасность.

Представляется, что национальные интересы всегда существуют в общественном сознании, но остаются мечтой до тех пор, пока социально-экономические, исторические и политические условия не сформируют национально ориентированную элиту, которая будет их отстаивать. То есть актуальная задача – поставить власть на службу национальным интересам – хорошо знакома (функция) нации в мировом сообществе. Поскольку хороших мест мало, неизбежны состязательность наций, противоречия между ними, несовпадение национальных интересов.

В связи с этим возникает вопрос об угрозах национальным интересам. Подчеркнем, что национальные интересы очень трудно определить и измерить загодя. Известно, что пропорции всегда труднее определяются, чем диспропорции. Но, в конечном счете, становится очевидным, какая политика была разумной, а какая – негодной.

Если та или иная политика привела к тому, что у государства прочные позиции на международной арене, граждане тоже не жалуются на жизнь, – значит, политика отвечала национальным интересам. Усилия исследователей и нужно направить на то, чтобы научиться определять эти интересы посредством прогнозов, историко-географических аналогий и других аналитических средств.

Исторически человечество оказалось разделенным на определённые территориальные общности – страны. Специфические особенности страны определяют и специфику интересов ее населения, то есть национальные интересы, которые в совокупности делают лик государства узнаваемым. Поэтому категория «национальные интересы» – при всей своей междисциплинарности – имеет очень важную географическую составляющую и может быть даже ключевой.

Учитывая экономическую отсталость Украины, на законодательном уровне нужно внедрить «правила игры», которые позволили бы Украине занять место лидера среди развитых стран мира, стать деловым и культурным центром Евразии. Для этого у Украины есть все предпосылки – природные ресурсы, большая территория, выгодное транзитное положение и научно производственный потенциал.

Нужно только эффективное управление в направлении устойчивого развития, – синергии экономики, экологии и социальной сферы. Украина как «наследница» Чернобыля должна исправить ошибки прошлого и стать самой экологической страной путем внедрения инновационных экологически безопасных технологий. И начать этот процесс необходимо с перехода к зеленой экономике.

Например, реальное увеличение доли возобновляемых источников энергии в системе энергообеспечения Украины и энергетическая эффективность позволит укрепить национальную экономику, повысить ее конкурентоспособность за счет удешевления стоимости выпускаемой продукции, «сбережения» валюты в стране и создания новых рабочих мест в Украине.

В этом русле ЮНЕП (Программа ООН по окружающей среде) был разработан специальный доклад, согласно которому, руководству всех стран необходимо развивать пять направлений. Это: 1) экологически

чистый транспорт; 2) экологическое строительство; 3) внедрение технологий с использованием возобновляемых источников энергии и энергоэффективность; 4) развитие систем управления земельными, водными и лесными ресурсами; 5) развитие органического сельского хозяйства. К сожалению, в Украине еще не сложилась целостная экологическая политика. Но и нельзя пессимистично утверждать, что в этом направлении ничего не делается.

Исходя из этого, должны быть приняты несколько вариантов преобразований как краткосрочных (на период от 5 до 10 лет), так и долгосрочных (от 10 до 20 лет). Чтобы выйти из критической ситуации, сегодня надо предусмотреть следующие основные меры: реструктуризировать отечественную промышленность, ориентированную на сокращение энергоемких производств; внедрить новые технологии, ограничивающие выброс вредных веществ в атмосферу. Одновременно увеличить государственные инвестиции в науку, придать экологической безопасности статус одного из стержневых направлений региональной политики государства.

При этом существенная доля ответственности падет на плечи местных органов власти. Они же должны будут изыскивать средства на экологические мероприятия. Ужесточить природоохранное законодательство, в частности, увеличить суммы штрафов. Поступления от них следует направлять в местные бюджеты с целевым использованием на решение экологических проблем. Запретить размещение на территории Украины экологически вредных предприятий, принадлежащих зарубежным компаниям.

Нарушения должны быть эффективно наказуемы. Активно развивать международное и межрегиональное сотрудничество в вопросах защиты окружающей среды. Так, без создания системы международного контроля за выбросами в Дунай и Днестр, мы рискуем превратить и голубые реки, и Черное море по-настоящему в черные.

Необходимо выделить 10% средств государственного бюджета – на инновационные технологии, что позволит обеспечить энергоэффективность и экологическую безопасность, предотвратит техногенные катастрофы. Предоставить экологам особый правовой статус. Усилить экологические нормы и ввести уголовную ответственность, за нарушение экологического законодательства.

И это далеко еще не полный перечень конкретных задач на ближайшее обозримое будущее. В целом же новая экологическая политика

должна быть нацелена на выживание и сохранение рода человеческого. Осуществлять ее нужно сейчас.

Сегодня абсолютно ясно, что многим развитым государствам выгоднее видеть Украину богатой биологическим разнообразием, чем с мощным научно-техническим потенциалом.

При этом порождаются различного рода спекуляции и перекосы в сфере экологии. К сожалению, руководители многих экологических общественных и государственных организаций не заняли активной позиции в плане приоритетности национальных интересов Украины.

Приоритет интересов развитых стран под видом защиты глобальных «экологических императивов» наглядным образом проявляется в подходах многих общественных и государственных экологических организаций Украины к проблеме глобального потепления. Эта проблема имеет два принципиально важных аспекта.

Ученые считают, что особенно негативно потепление повлияет на американский материк. Поэтому американцы называют глобальное потепление абсолютным злом для всех. Сторонники иного взгляда на эту проблему автоматически лишаются возможности получить гранты в фондах, контролируемых Америкой. И наоборот, активные лоббисты апокалиптических взглядов получают поддержку от США.

Не желая снижать свой экономический потенциал и, следовательно, свое положение в мировом хозяйстве, США не соглашаются с требованиями развивающихся стран и стран Евросоюза на то, чтобы каждая страна сокращала собственные выбросы парниковых газов у себя дома, а не делала это за счет других, покупая чьи-то квоты. При этом такие страны, как Индия и Китай считают, что проблема квот и сокращения выбросов на руку индустриальным странам, так как это будет сдерживать экономический рост развивающихся стран.

В последние годы стало модным говорить о страшных цифрах, характеризующих положение Украины, но стало почти что неприличным говорить о приоритете национальных интересов.

Ускоренное внедрение европейских стандартов в условиях Украины еще не гарантирует удовлетворения ее национальных интересов. Национальным интересам страны более удовлетворяет применение опыта государств, в решении экологических проблем. Французское государство, например, выкупает прибрежные зоны и приозерные полосы для экологической охраны и благоустройства, затрачивая на это около 28 млн. долларов в год. Можно только сожалеть о том, что государственный бюджет Украины в 55 раз меньше государственного бюджета Франции. В

то время, как в Украине катастрофически не хватает средств на научно-исследовательские работы, во Франции 4,5 % государственных средств, выделяемых на развитие науки, приходится на исследования в области экологии. 4 000 специалистов и инженеров, работающих во всемирно известных научных коллективах, изучают проблемы климата, атмосферы, безопасности и гидрологии. Все это позволяет Франции иметь свою, национальную, точку зрения на глобальные процессы. В то время, как во Франции в рамках борьбы с безработицей государство активно участвует в создании новых рабочих мест в сфере природоохранной деятельности, в Украине газета «Вечерний Киев» пытается найти ответ на вопрос, почему из 501 предприятия и организаций, которые вошли в сферу управления Минэкоресурсов, только 153 единицы было передано согласно ликвидационным балансам.

В современном украинском экологическом движении, как и в украинской экологической политике, господствуют две доминанты:

- заложенное ІЛСЕО стремление обеспечить неизменность экологической ситуации (экологических отношений);
- стремление понять и поддержать тревогу стран «золотого миллиарда» в том, что их собственная промышленность может утратить конкурентоспособность и заплатить за природоохранные мероприятия утратой позиций на мировом рынке.

Интересы национальной безопасности страны выдвигают иную эколого-экономическую парадигму: необходимо обеспечить неизменность экологической ситуации (экологических отношений) при активном изменении в пользу Украины экономических отношений со странами «золотого миллиарда». Ни США, ни Канада, ни Япония не могут откупиться от необходимости вносить свой вклад в улучшение экологической ситуации на Земле даже в том случае, если при этом снизится конкурентоспособность их продукции.

В условиях новейшего времени (после выборов народных депутатов Украины 28 октября 2012 года), на этапе формирования нового правительства крайне важным является наличие целостного взгляда на пути решения проблем, которые стоят перед нашим государством. Именно базовые принципы идеологии должны определять то, каким образом партийные блоки и коалиция распорядятся властью после победы на выборах. Они должны в значительной мере отображать позиции тех социальных групп, которые поддержали их во время избирательной кампании. С другой стороны, перспективные планы должны отображать реальное состояние социально-экономического развития государства и

основываться на современных мировоззренческих принципах. В этом контексте необходимо обратить внимание на стратегию воспроизводящего (устойчивого) развития общества.

Еще раз акцентируем внимание на том, что в условиях глобализации Украина должна определить свое место в мире, свое предназначение, свою главную компетенцию и развивать ее как национальную идею. Сейчас мы – «береговая зона» между Европой и Азией, и это наш приоритет, наша ценность. Спрос на транзитные возможности, туристическую инфраструктуру будет всегда предметом для встреч. Украина должна быть центром, который связывает Европу и Азию, для этого есть все предпосылки. Для такого центра нужны надежные условия для безопасности, а основой безопасности сегодня является экологическая безопасность. Экологическая безопасность должна стать национальной безопасностью. Поэтому речь должна идти не просто о формировании и работе правительства, а вообще о национальной доктрине.

На примере азиатских стран мы видим, как консолидация вокруг какой-то идеи помогла государствам вырваться в десятку передовых стран мира. Япония, где в послевоенное время «качество» стало национальной идеей, результат – на лицо. Похожая ситуация и с Южной Кореей: страна с достаточно ограниченными природными ресурсами благодаря идее «трудолюбия и бережливости» создала одну из наиболее мощных экономик мира. Национальная доктрина Украины должна отображать в первую очередь экологические интересы.

Осознание развитыми странами важности экологии привело к увеличению спроса на экологически безопасные технологии. Усилия ученых всецело направлены на то, чтобы сделать жизнь каждого человека качественной и безопасной. Самое ценное – это жизнь, поэтому в развитых странах системно внедряются экотехнологии, позволяя человеку гармонично существовать с природой. Украина должна брать пример и внедрять подобные практики у себя. Европейские страны поддерживают этот тренд не меньше Японии. В прогрессивных странах политика становится все больше экологизированной.

Имидж Украины страдает от отсутствия эффективной государственной политики как в сфере природоохраны, так и в сфере налогообложения. Плохой инвестиционный климат мешает развитию бизнеса, а экологическая ситуация не позволяет развить нам в полной мере туристическую инфраструктуру. Политики должны понять, что экономика и экология – две взаимосвязанные сферы, нанесение вреда окружающей среде приводит к экономическому упадку. Экономика не

может спорить с экологией, потому что экономика возможна только при условии существования окружающей среды.

В этой связи, как механизм, необходима реформа системы налогообложения, которая создаст условия для по-настоящему справедливого общественного устройства. Ведь на данный момент в украинском налогообложении логика такова, что бюджетники платят налоги и эти деньги идут на систему здравоохранения, социальную сферу, систему образования.

В то же время, загрязнение окружающей среды дело не их рук, это деятельность больших предприятий, которые не возмещают всех убытков, которые наносятся природе, а значит, – человеку. Поступления от налогообложения должны идти, в первую очередь, на возобновление нарушенного экологического баланса, полноценное финансирование медицины и, конечно же, создание условий для развития науки и системы образования. Ведь сегодня именно от науки зависит прогрессивность государства, его соответствие современности.

Глава 2.2. Глобальное коммуникационное пространство и угрозы информационной безопасности

Аксиомой, которая стала достижением массового сознания, звучит сегодня мысль о растущей тенденции взаимозависимости государств и народов, результатом которой стал противоречивый, но взаимосвязанный, во многом целостный мир. Идея общности рода человеческого, которая возникла в ходе исторического сближения народов и культур, не является новостью нашей эпохи. В течение веков она формулируется на почве осознания универсализации исторических процессов, сближения и интеграции различных социокультурных систем. Социологическое осмысление концепция общности исторической судьбы в последнее время получила в теориях информационного общества и глобализации.

Современные концепции информационного общества подчеркивают, что процесс перехода к новой эре носит глобальный характер. Глобальность заключается, с одной стороны, в том, что изменения и сдвиги касаются всех отраслей общественной жизни. С другой стороны, процесс трансформации происходит на планетарном уровне, который отражается в росте значимости международной интеграции, которая, в свою очередь, обусловленная тем обстоятельством, что при современных условиях ни одна из стран, даже высокоразвитых, не может быть самодостаточной. Глобализация – это объективный процесс, который приводит к фактическому изменению монетаристского типа цивилизации, которая исчерпала свои возможности, принципиально другим типом, который дает мировому содружеству качественно другой набор ценностей и приоритетов [54]. В начале деятельности Римского клуба в одном из его докладов отмечалось, что глобальная революция не имеет идеологической основы. Она формируется под воздействием геостратегических, социально технологических, культурных и этических факторов, сочетание которых ведет к неизвестному. Но уже сегодня эта неизвестность приобрела некоторые очертания, хотя конкретные последствия процесса глобализации остаются во многом противоречивыми и неопределенными. При этом большинство ученых убеждено, что будущее общество будет интегрировано на основе глобальных информационных технологий и именно они являются главным компонентом процесса глобализации.

Вступление мировой цивилизации в XXI в. характеризуется стремительной диффузией информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). В 2000 г. в мире насчитывалось всего 246 млн. пользователей Интернета, к 2007 г. их количество превысило 1 млрд. [55,

с. 540]. Интенсивная компьютеризация и информатизация мирового сообщества в конце XX – начале XXI вв. оказала колоссальное и многогранное влияние на множество аспектов человеческой деятельности (особенно в сферах экономики, политики, культуры, науки и образования) и привела к формированию глобального информационного пространства. Термин «глобальное информационное пространство» получил широкое распространение в социальных науках на рубеже двух веков вследствие интенсивного внедрения новейших достижений информационно-технологической революции в общественную практику во многих странах мира. В зарубежных исследованиях и многих международных документах по этой актуальной проблеме названное понятие используется в более узком значении и фигурирует чаще всего как «глобальное киберпространство» (global cyberspace). В наше время большинство исследователей роли информационно-коммуникационных технологий в жизни мирового сообщества рассматривают глобальное информационное пространство как совокупность информационных ресурсов и инфраструктур, которые составляют государственные и межгосударственные компьютерные сети, телекоммуникационные системы и сети общего пользования, иные трансграничные каналы передачи информации. К информационным ресурсам (ИР) относятся текстовые документы, базы данных, неподвижные и движущиеся изображения, звуковые и графические материалы, программное обеспечение и веб-страницы. В свете глобализационных процессов, ставших возможными благодаря диффузии ИКТ, накопленные информационные ресурсы можно рассматривать как мировые. Объединение их в единое информационное пространство происходит посредством информационно-коммуникационной инфраструктуры (ИКИ). Она представляет собой совокупность территориально распределенных государственных и корпоративных информационных систем, линий связи, сетей и каналов передачи данных, средств коммутации и управления информационными потоками. Для обеспечения эффективного функционирования ИКИ нужны соответствующие организационные структуры, правовые и нормативные механизмы.

Современная коммуникационная революция не только выполняет культурогенную функцию, какая свойственна и прошлым социотехнологическим революциям, но и дает этой функции новый импульс, который позволяет осуществлять культурогенез в очень сжатое время. Новые формы структурной модификации традиционных систем социальных ценностей и представлений происходят с такой

интенсивностью, что воспринимаются и массовым сознанием, и научными работниками как кризис культуры. Этим культурным процессам противостоят идеи сохранения, возобновления и реанимации привычных традиционных культур. История знала попытки возрождения прежних культур, например, Ренессанс, но действительность показывает, что эти процессы завершаются созданием принципиально другой культуры, которая может хранить некоторое внешнее подобие своим культурным прототипам. Возрождение прошлой культуры невозможно, потому что оно приводит к культурной отсталости и деструкции. Лучший способ удержать достижение культуры прошлого – аккумулировать традиционные социальные ценности в составе новой информационной культуры. Тенденции развития культуры в нашей стране сегодня – это активное привлечение и потребление стилей и моделей поведения, ценностных и нормативных образцов западной и восточной культур на фоне возрождения и подъема национальной культуры и искусства. В этом плане украинская культура (особенно молодежная) все более унифицируется и совпадает с общемировой.

Всеобщий характер пользования информационными технологиями, глобальными сетями не снимает проблему отличия интересов индивидов, социальных групп, государств, межгосударственных содружеств как пользователей и производителей информации. Интересы этих действующих субъектов сближаются, растет поле общих задач, то есть усиливаются интегративные процессы. Вместе с тем сохраняется проблема обеспечения самостоятельности, защищенности от покушений в информационном пространстве на интересы каждого субъекта.

Глобализация как процесс развития человеческой общности ставит общества с их отличиями и противоречиями в отношения взаимозависимости, в результате чего формируется единое экономическое, политическое, культурное пространство, которое совмещает существующие уникальные цивилизации в мировое сообщество. Однако невозможно рассматривать глобализацию только с точки зрения интеграции, конвергенции, синтеза, потому что они уничтожают разнообразие и ведут к регрессу. Поэтому желаемым является такой вектор развития, который позволит образоваться планетарной цивилизации при сохранении неповторимости ее составных частей. Преобладание одной цивилизации лишило бы человечество многообразия – одного из необходимых условий успеха и совершенствования.

Вхождение Украины в мировое информационное пространство, овладение новейшими информационными технологиями, что жизненно

необходимо и неизбежно, вместе с тем заостряет необходимость обеспечения информационного суверенитета нашего государства, который должен гарантировать ее достойно место в мировой цивилизации, духовно культурную самобытность.

Полностью оправданной является озабоченность тем обстоятельством, что современные средства информации почти сплошь заполнены западными очертаниями и стилем жизни, которая открывает, таким образом, путь к культурному вторжению, к обесценению ценностей и разрушению форм бытия, которые сложились в течение веков. Наличие большого объема информации сам по себе не вызывает позитивного развития и изменений, если люди не будут готовы к тому, чтобы усваивать, ценить и использовать её [56, с.]. Таким образом, существует явная потребность подготовки людей к будущему, не девальвируя унаследованные ими от предков традиции и культуру.

Актуальнейшее значение приобретает глобальное международное сотрудничество в целях справедливого непосредственного перераспределения информационно-коммуникативных ресурсов. Без адекватного информационного обеспечения невозможно решить проблемы общечеловеческого значения. В сущности, речь идет о создании нового механизма мирового хозяйства, способствующего перераспределению мирового общественного продукта в пользу развивающихся стран, а также демократизации системы международно-экономических отношений, обеспечивающих равноправное участие всех государств в решении мировых экономических проблем. Установление нового международного экономического порядка невозможно без коренных изменений мировой системы коммуникации, без ограничения экспансионизма транснациональных компаний.

Х. Маулана (США) по заказу ЮНЕСКО проанализировал основные проблемы международного информационного обмена и пришел к выводу, что коммуникация становится все более и более сложным социально-культурным феноменом, который во всех странах касается различных видов деятельности и неотделим от политической, социальной, экономической, культурной, научной, образовательной и технологической эволюции.

Для нынешней массово-коммуникационной ситуации, по оценке Х.Мауланы, характерны следующие тенденции [57]:

- развивается современная коммуникационная технология, которая влияет на природу, объем и содержание информации;
- возрастает понимание государствами, социальными группами

и индивидами важности циркуляции информации, а также существующих в области международного потока информации диспропорций, их последствий и влияния на национальные и международные процессы, в том числе и на процессы принятия решений, как краткосрочных, так и долгосрочных;

- возрастает число международных и транснациональных участников процесса циркуляции информации в мире, а отсюда – политическое, социальное и экономическое разнообразие этого феномена, особенно в сфере образования и культуры;

- растет интерес к сравнительным транскультурным исследованиям, а также к изучению общественного мнения и образов (имиджей), совершенствуется использование результатов исследований и технических средств по сбору, концентрации, представлению и обобщению данных;

- разворачиваются дискуссии по новому международному экономическому порядку и новому международному информационному порядку, начавшиеся в 70-х гг. XX в., а также дебаты об отношениях между экономическим аспектом распределения и использования мировых ресурсов и аспектов коммуникации, международной циркуляции информации.

Можно согласиться с общим выводом исследователя, что информация и равенство доступа к ней все более и более рассматриваются как средство уменьшения зависимости людей и стран в экономическом, политическом и культурном отношении, а международные потоки информации могут считаться одной из важнейших сторон международных отношений.

Глобализационные и современные технологические процессы взаимообусловлены. С одной стороны, развитие средств и каналов коммуникации является главным источником и необходимым условием глобализации. С другой стороны, различные глобальные процессы являются стимулом их распространения и совершенствования, а потребности во все более интенсивных взаимодействиях выдвигает новые требования развития информационных технологий. Необходимость интеграции в глобальное информационное пространство способствует развитию информационной инфраструктуры на локальном уровне.

Диалектика глобальных и локальных процессов в коммуникативно-информационной сфере ставит проблему поиска путей защиты от воздействия новых технологий на национальную самобытность и общечеловеческую культуру.

Распределение информационно-коммуникативных ресурсов между государствами – такая же глобальная проблема, как мировое распределение продовольственных или энергетических ресурсов. В системе современных производительных сил информация и коммуникационная технология – один из самых динамичных факторов развития любого государства, и от обладания им зависит его место в международном разделении труда, а в конечном итоге – в международной иерархии.

Здесь можно было бы сформулировать единую глобальную метапроблему: развитие социального общения в целях налаживания мирных и добрососедских отношений и совместного созидания человеческого общества на основе прогресса и демократии. Как без мира, так и без общения человечество развиваться не может.

В настоящее время особое значение приобретает вопрос об информационных экспансии и неоколониализме, становящимися новыми формами эксплуатации развивающихся стран. Поэтому борьба за национальную независимость неразрывно связана с борьбой за информационный суверенитет, за право на коммуникацию.

Главное препятствие на пути развития системы коммуникации – массовая неграмотность населения многих стран мира, а также особенности коммуникационной техники, ее высокая стоимость, сложность эксплуатации и т.п. Однако даже в рамках имеющихся возможностей СМК могли бы использоваться более справедливым и эффективным образом, если проводить адекватную национальную и международную политику в сфере коммуникации.

Право на коммуникационный выбор на национальном уровне могли бы в какой-то мере обеспечивать национальные СМК как альтернатива транснациональным корпорациям. Но финансовые, технологические и профессиональные возможности местных СМК совершенно недостаточны для конкуренции с ними.

Несмотря на то, что транснациональные корпорации пока доминируют на рынке мировой информационной продукции и в распространении своих норм и ценностей, эта неоспоримая до недавних пор гегемония все более подвергается испытанию. Так, резко обострилась конкуренция не только по традиционной линии Запад-Восток, но и между крупными индустриальными странами. Активно конкурировать с ТНК даже на их собственных рынках начинают наиболее развитые страны третьего мира – Индия, Бразилия, Мексика, Южная Корея, Сингапур, Тайвань и др.

Одной из важнейших глобальных тенденций в мире является социальная интеграция массовых интеграционных потоков в обществе, что вызывает формирование нового информационного порядка, являющегося частью мирового (международного) порядка. «Международный информационный порядок (МИП) (...) включает в себя все процессы межкультурных коммуникаций, происходящие при посредстве в основном технических информационных систем как индивидуального (персональные компьютеры), так и массового характера (пресса, ТВ, Интернет, спутниковые и другие системы передачи и распространения знаний)» [32].

Проблема информационной безопасности, представленная сегодня в виде новых рисков и угроз, также является особенностью современного мирового информационного порядка. Информационная безопасность определяется как состояние защищенности информации и поддерживающей ее инфраструктуры, обеспечивающее ее формирование и развитие в интересах определенных структур (владельцев и пользователей). При этом защита информации представляет собой деятельность по предотвращению утечки защищаемой информации, несанкционированных и непреднамеренных воздействий на защищаемую информацию, то есть процесс, направленный на достижение этого состояния.

Перечислим некоторые угрозы информационной безопасности.

Во-первых, это появление и стремительное развитие различных способов контроля над информацией и информационно-технологическими системами со стороны их разработчика. Современные технологии связи позволяют перехватывать все телефонные сообщения на территории всего мира (в ближайшее время станет возможна полная компьютерная обработка всего объема телефонных сообщений и перехват всех сообщений в сети Интернет), и т.п. Сегодня в США в соответствующей государственной структуре заняты более 350 тыс. человек.

Кроме того, современные информационные технологии являются эффективным средством распространения различных организационных и управленческих технологий, которые позволяют разработчику определенным образом структурировать политические и бизнес-процессы клиента (например, MRP, ERP и APS-системы), а также контролировать их.

Также, новые технологии могут стать и становятся инструментом государственного контроля в обществе, что ущемляет права личности. Об этом говорит Бенджамин Р. Барбер, оценивая демократический потенциал современных технологий [58]. Он предлагает понятие «мягкой тирании»,

которая «не требует постоянного физического контроля над субъектом», а выражается в контроле над «сердцами и умами через контроль над образованием, информацией и коммуникацией и, таким образом, превращает субъектов в союзников рабства». Также автор затрагивает проблему личной тайны, проблему доступа корпоративных субъектов к контролю над обществом (монополии на медиа-рынке). По его словам, «новые технологии могут стать опасным катализатором для нового вида тирании» – мягкой, а «нет более опасной тирании, чем невидимая и мягкая».

Источником угроз информационной безопасности признается «цифровое неравенство» (иногда для описания этой проблемы используются понятия «информационное неравенство», «электронно-цифровой разрыв»). Угроза видится в возникновении «элиты, обладающей неограниченным доступом к информации и коммуникационным сетям как на внутригосударственном, так и на международном уровнях, использующей преимущество владения базами данных и связью в своих узких групповых целях и осуществляющей селективное распределение информации. В результате резко возрастают возможности манипулирования общественным мнением, базирующиеся на разных уровнях доступа отдельных людей, социальных групп, государств и т.д. к информации» [59].

Еще одна группа угроз информационной безопасности связана с понятием «информационной милитаризации» [60]. Появляются новые формы конфликтов и противодействия, среди которых выделяют три основных вида: кибервойна, информационная война и сетевая война.

Кибервойна характеризуется применением новых информационных технологий в создании боевых единиц, высокой степенью их автоматизации. Современная боевая единица может быть невидимой и неуязвимой, самостоятельно и с высокой точностью определять и поражать цель. В кибервойне падает роль массы, масштаба, новый военнослужащий – высококвалифицированный и высокооплачиваемый.

Угроза информационной войны более актуальна и вероятна, и существует в двух основных измерениях. С одной стороны, это угроза дестабилизации и вывода из строя информационно-технологических систем, например, различные вирусные атаки. Эти риски в большей степени характеризуют наиболее технологически развитые страны, максимально вовлеченные в киберпространство, так как их экономика сильно зависит от функционирования информационной инфраструктуры.

С другой стороны, объектом информационных атак может быть и часто является сознание людей, в том числе и представителей элит. Здесь в группе риска находятся в первую очередь страны и регионы, находящиеся на периферии глобального информационного пространства. Особенностью такой воны является то, что она может быть неявной, скрытой. Само явление информационной войны в таком понимании не является новым, однако в контексте современных информационно-технологических процессов оно принимает качественно новые формы и все большую значимость.

Сетевые войны – это социальные невооруженные конфликты низкой эффективности, отличающиеся от традиционных вооруженных военно-политических конфликтов прежде всего характером и структурой участников. Источником угроз в данном случае являются отдельные организации или сети организаций (например, антиглобалисты, Аль-Каида). В новых войнах исчезают традиционные географические измерения, такие как тыл, линия фронта и т.п. Дистанции практически утрачивают свое значение. Участники четко не определены. Современные информационные процессы являются также источником новых угроз (равно как и новых возможностей) в сфере культуры. Развитие информационно-коммуникационных технологий стимулирует нарастание интенсивности межкультурных взаимодействий, и, следовательно, взаимопроникновение культур, формирование универсальных культурных эталонов с перспективой унификации общественных культур. В такой ситуации государства, которые доминируют в информационной сфере, получают возможность тиражировать свои культурные образцы: открыто позиционировать их в качестве эталонов или использовать латентные механизмы их популяризации. Таким образом, интеграция мира на основе ИКТ порождает сразу два типа угроз в культурной сфере: во-первых, это угрозы многообразию культур, альтернативам культурного развития; во-вторых, угроза неравномерности формирования глобальной культуры с явным креном в мировую сторону информационной элиты.

Безусловно, существует объективная тенденция к унификации норм и культурных образцов. Эта тенденция зародилась давно (например, дипломатические отношения между государствами) и вполне целесообразна, так как способствует эффективности коммуникаций. Кроме того, самобытность культуры изначально имеет под собой рациональную основу и служит для формирования национальной идентичности (также как корпоративная культура искусственно создается для формирования корпоративной идентичности). Но, во-первых, в современном мире для

этого появились и активно используются новые более совершенные механизмы, а во-вторых, необходимость в формировании национальной идентичности постепенно утрачивает свою актуальность. Поэтому рассеивание культурных различий отчасти объективно.

Таким образом, глобализация – процесс создания единой мировой системы во всех областях человеческой жизни – политике, экономике, культуре и т.д. Глобализация усиливает роль транснациональных взаимодействий в мире, расширяет масштабы коммуникации, делая нашу цивилизационную часть жизни более удобной, что даёт повод оценивать данный процесс лишь позитивно. Однако в любом развитии всегда присутствует две противоположные стороны, две противоположные тенденции, которые обеспечивают ход и механизмы его протекания. Если одной стороной глобализации выступают интеграционные процессы, то обратной стороной – напротив, процессы дезинтеграции, которые разрушающе воздействуют на особенности национальных культур. В результате существует опасность реализации наиболее упрощающего типа интеграции, представляющего угрозу жизненному миру человечества [61].

Глава 2.3. Электронное правительство: концептуальные основы

Современное общество является очень динамичной социальной системой и характеризуется в терминах революционного прогресса не столько в политической, сколько в экономической, социальной, культурной сферах. Скорость социальных изменений характеризуется постоянным ростом, что обусловлено целым рядом факторов как субъективного так и объективного характера. Это очевидно хотя бы из того, что общественно-экономические формации, являющиеся базой периодизации общественного развития для немецкого философа и экономиста К. Маркса, кардинально отличаются своей протяженностью во времени друг от друга по ходу истории, уменьшаясь. Так, рабовладение длилось несколько тысячелетий, феодальная общественно-экономическая формация насчитывает почти полторы тысячи лет мировой истории, в то время как капиталистическая формация, опирающаяся на промышленное производство, только триста. Поэтому мы можем говорить и об ускорении общественного развития, в котором следующая стадия будет еще более скоротечной. Именно поэтому особую актуальность сегодня приобретают исследования новейших путей и тенденций общественного развития. Значительное место среди указанных явлений приобретают трансформации основ и принципов государственного управления.

Принцип господства-подчинения является одним из самых древних видов взаимоотношений людей. За годы истории эти отношения постоянно трансформировались, приобретая новые виды и формы. Патриархальное управление, основанное на принципах родства, наследуемости власти от одного поколения к другому, внедрялось в общественном сознании на протяжении тысячелетий. Система общественного управления примитивных сообществ не нуждалась в сложных механизмах и методах осуществления властно-управленческой деятельности. Фундамента традиций было достаточно для поддержания порядка и целостности общественной системы. С тех пор изменились не только управленцы, но и базовые принципы организации общественного, а в дальнейшем государственного управления, что отвечало потребностям времени и самого общества, которое постоянно наращивало физическую массу одновременно с усложнением внутренней структуры. И именно усложнение структуры общества стало причиной появления новых источников и принципов общественного управления. Экономические факторы, а именно общественное разделение труда и рост его производительности, стали причиной трансформации управления от

такого, что основано на принципах рода и племени к такому, которое базируется на принципах представительства и разделения властей. И хотя подобный переход состоялся достаточно давно, многие из аспектов представительного принципа власти на данный момент не исчерпывающе исследованы. Более того, политические практики отечественного сегодняшнего дня требуют пересмотра принципов взаимоотношений ветвей власти, их усовершенствования с целью налаживания более тесного и прозрачного диалога между представительными органами и обществом, которое является сувереном политической власти в демократических обществах.

Политические реалии современного украинского общества демонстрируют наличие широкого спектра проблем, связанных как с самой властью, так и с обществом, а именно с неудовлетворительным уровнем политической культуры преобладающей части населения, особенно заметным на фоне общегосударственной концепции евроинтеграции, которая приравнена к государственной идеологии. Традиционная политическая апатия и принцип невмешательства, которые доминировали в советской политической действительности, являются бесконечно устаревшими и не отвечающими современным потребностям развитого общества, курс на модернизацию которого был взят, хоть и формально, в середине девяностых годов прошлого века. На сегодняшний день, когда тенденции переходности общества уже не так остро детерминируют общественное бытие, все чаще возникает необходимость конкретных теоретических и что еще важнее – практических мероприятий, направленных на трансформацию политической культуры общества, призванных на массовых началах повышать уровень и качество политического сознания граждан.

Требованиям современности может отвечать только активистский тип политической культуры, которая представляет собой практическое выражение наличия гражданского общества. Гражданское общество, в свою очередь, станет первым шагом к развитию настоящего правового государства, что является обязательным условием для включения украинского общества в ряды мирового гражданского сообщества. Для достижения поставленной цели должно быть обращено особое внимание на систему среднего образования, поскольку именно она, выступая в качестве основного института социализации на стадии становления личности, является ответственной за те мировоззренческие убеждения и ценности, на основе которых впоследствии будет формироваться личность – профессиональная, политическая, экономическая и т.п. Именно

политическая личность нового качества должна стать основой принципиально нового для нас типа политической культуры. Вместе с политическим воспитанием должна происходить и трансформация самой политической системы; особенно это касается основ и принципов государственного управления.

С целью достижения качества политических процессов современным требованиям существует необходимость привлечения широких слоев населения на этапах подготовки и внедрения политических решений. В то же время, очевидно, что реализация базовых принципов прямой демократии на сегодняшний день невозможна без использования новейших информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Этому способствуют их сегодняшняя доступность широким массам населения, а также уже существующие достижения в вопросах виртуального объединения людей на базе социальных сетей.

Мировой опыт показывает реальное улучшение взаимоотношений власти и общества в результате упрощения механизмов коммуникации между ними, одним из которых является идея внедрения электронного правительства, который выступает частью целостной концепции электронного государства. Несмотря на некоторую полемичность, вопрос о роли новых технологий в жизни современного человека, упрощения механизмов взаимодействия государственной власти с гражданами, несомненно, может рассматриваться как позитивный сдвиг на пути деbüroкратизации, гуманизации институтов общественного управления.

Поэтому для понимания важности внедрения новейших технологий в общественно значимые процессы должны быть рассмотрены эволюция и основные вехи развития концепции электронного государства, охарактеризованы выдающиеся достижения мировых лидеров в этом вопросе, на основе чего появится возможность разработки собственной концепции, которая, опираясь на мировой опыт, одновременно учитывала бы и местные, и региональные потребности и особенности.

Теоретические основы концепции электронного правительства как части концепции электронного государства уходят корнями в творчество философов, политических и социальных мыслителей середины XX века. Рассматривая базовые принципы представительной модели политической власти, необходимо обратиться к концепциям не только представительной, но и прямой демократии, важные элементы которой мы можем видеть в исследуемом нами явлении. Социально-политические и экономические изменения общества середины прошлого столетия привели к появлению и активному развитию теорий информационного общества. Концепция

электронного правительства является частью общей теории информационного общества и базируется на принципиальных основах гражданского общества и идее электронной демократии.

С середины прошлого века очевидным стало то, что индустриальная стадия развития общества подходит к своему логическому завершению и трансформируется в постиндустриальную. Первыми на себе это почувствовали индустриально развитые страны Запада: США, Великобритания и др. Общество активно трансформировалось, и причины этого разнообразны: от культурных и социальных до экономических и геополитических. В этом аспекте знаковыми следует считать труды американских политологов и общественных мыслителей Э. Тоффлера и Д. Белла. В частности, Тоффлер в своей работе «Третья волна» концептуально обосновывает приход новой эры, в которой общественную ценность приобретают знания и информация, а значит, и способы ее получения, обработки и использования. По его мнению, если индустриальное общество характеризуется синхронностью жизни, обусловленной общим распорядком дня у подавляющего большинства общества, которая является результатом промышленного производства, то в постиндустриальном обществе этой синхронности жизни уже не существует, она уступает место индивидуальности и неповторимости. Американский политолог и футуролог Д. Белл рассматривал приход новой эры общества как результат изменений в социально-экономических основах функционирования социума. Белл, работая в составе «Союза 2000», предрекал масштабные и кардинальные изменения в принципах организации труда, которые не в последнюю очередь обусловлены стремительным внедрением новых информационно-коммуникативных технологий во все сферы общественной жизни. Именно проникновение ИКТ во все сферы общественной жизни позволило сторонникам теории постиндустриализма обосновать приход новой стадии общественного развития. Белл отмечал, что в информационном обществе право определять векторы общественного развития переходит от делового сообщества в государственные органы, при условии, что государство продолжает активно способствовать внедрению и эволюции информационно-коммуникативных технологий. Основной движущей силой инноваций Белл считает научное сообщество и экспертов-профессионалов, которые в новых условиях приобретают особое значение в бюрократической системе, становясь, благодаря своим знаниям и умениям, новой государственной элитой, поскольку именно полнота владения информацией в новом обществе становится доминирующим

фактором успеха по сравнению с другими видами ресурсов (богатство, авторитет и др.).

Одним из этапов становления постиндустриализма стало появление феномена «информационного общества», основанного на глубинном понимании роли информации как неотъемлемой составляющей процессов общественного развития. Причем важно подчеркнуть первичность информации как важнейшей составляющей любых процессов и коммуникаций в обществе.

Ряд социологов и политических мыслителей считают, что приход новой информационной эры принес с собой масштабные трансформации в сами принципы организации и функционирования общества, а именно:

1. Формирования виртуального информационного пространства.
2. Возрастание роли теоретического научного знания, а также носителей этого знания как наиболее престижной социальной функции в обществе.
3. Трансформация и рост экономики, прежде всего, в развитых странах за счет третичного сектора сферы услуг.
4. Значительное доминирование информационного богатства над материальным.

Мануэль Кастельс вслед за Д. Белом считает, что появление и распространение информационно-коммуникативных технологий приведёт к появлению «информационного капитализма» и «нового типа общества», в котором доминируют сетевой принцип организации не только социальных связей, но и деятельности коммерческих структур. Он подчеркивает, что наибольшую общественную значимость приобретает производство информации и знаний, с сохранением основных капиталистических ценностей. Новое общество характеризуется появлением сетевых движений, ориентированных на различные социальные проекты, а также трансформацией устаревших, неспособных к адаптации к новым условиям функционирования в поле информации иерархических вертикальных структур и связей в государственных организациях и коммерческих объединениях в горизонтальные или сетевые. В условиях функционирования сетевого общества и бурного развития информационно-коммуникативных технологий государство теряет возможности контроля не только за деятельностью граждан, но и должно считаться с ростом финансовой и управленческой автономии собственных административных единиц. Вместе с тем, Кастельс не склонен считать возможным при существующих условиях реальное уменьшение влияния государства как политического института на

общественную жизнь. По его мнению, государство должно использовать ИКТ для налаживания новых способов и принципов взаимодействия с обществом, ища актуальные настоящему механизмы собственной легитимации.

В рамках новой сетевой парадигмы государство выступает одним из ее характерных элементов вместе с «деловыми сетями», конкретная реализация которых географически детерминирована культурно-историческими особенностями вместе с технологическими инструментами и глобальной конкуренцией. М. Кастельс видит возможность существования государства в эпоху информационного общества в трех основных проявлениях:

1. Государства развития, в которых информационные технологии становятся в основе новой экономики и составляют основную часть ВВП государства

2. Государства координаторы, которые становятся в основе развития внутренней инновационной отрасли, разрабатывая новые ИК проекты в партнерстве с бизнесом и общественностью.

3. Государства, ориентированные на аккумуляцию существенных ресурсов для дальнейшего развития на основе информационных технологий и знания при сохранении высокого развития индустриальных отраслей.

Таким образом, М. Кастельс видит положительные перспективы для государства в новом информационном порядке, связывая их с наиболее вероятными сценариями трансформации института государства, его приспособления к условиям современного информационного общества.

В противоположность взглядам Д. Белла, Э. Тоффлера, М. Кастельса ряд ученых, не отрицая роли информационно-коммуникативных технологий, подчеркивает, что они являются скорее следствием, нежели причиной трансформации общества. И именно понимание особенностей новых способов социальных связей позволит спрогнозировать будущее информационно-коммуникативных технологий и путей их адаптации социумом. Для государства как политического института процесс получения, обработки и использования информации всегда имел приоритетное значение. Исходя из этого, процесс становления информационного общества предусматривает специфические механизмы адаптации новых информационно-коммуникативных технологий отдельно для каждого государства, с учетом его культурных и географических особенностей, а также поставленных целей и задач. Так, Ю. Хабермас рассматривает проблему внедрения прозрачной государственной

«публичной сферы». Хабермас утверждает, что кроме очевидных плюсов новых принципов социального взаимодействия, таких, как улучшение условий доступа граждан к важной информации, что влечет за собой повышение информированности общественности о государственных инициативы, в свою очередь способствуя расширению механизмов легитимации государственной власти, внедрение ИКТ включает в себя и недостатки, например: информационное манипулирование общественным мнением с целью обеспечения социального контроля, что ставит под угрозу реализацию демократических принципов функционирования государства. Использование статистических данных, право полноценного доступа к которым со стороны населения является весьма спорным вопросом, даже качественно улучшенных при помощи ИКТ, может быть использовано с целью разнообразных манипуляций и государственной пропаганды. Так что для Хабермаса активное внедрение и использование информационно-коммуникативных технологий носит скорее характер предостережения через огромный соблазн использования всей мощности ИКТ не в интересах общества, а для реализации отдельно взятых интересов и намерений. Еще один выдающийся ученый Г. Шиллер считает вопрос владения ИКТ первичным по отношению к проблеме обеспечения информационного контроля на основе новейших технологий. Владельцы информации и связанных с ней технологий, а таковыми чаще всего выступают транснациональные корпорации и сетевые суперобъединения, чья деятельность может включать разнообразные географические на культурные регионы, создают и контролируют ИКТ не на пользу всего общества, а для реализации частных интересов, зачастую связанных с обогащением и усилением контроля над приоритетными отраслями и территориями. Шиллер отмечает, что, несмотря на принципиальные различия в способах коммуникации в эпоху индустриального и постиндустриального общества, основы капитализма остаются неизменными, а значит, правила накопления и материальной выгоды, наряду со свободой, рыночными отношениями и частной собственностью, способны мигрировать и на современные общества, оказывая влияние на функционирование информационно-коммуникативной подсистемы. Важным для него является вопрос о принципиальной роли государства в насаждаемой корпорациями модели «потребительского капитализма».

Э. Гидденс считает, что современное национальное государство, которое хочет быть конкурентоспособным, в геополитической системе должно быть информатизированным. Основным приоритет в деятельности государства Гидденс видит в «наблюдении за гражданами»

как важнейшем шаге по обеспечению обороноспособности и целостности государственных границ. ИКТ, по мнению ученого, является эффективным механизмом учета для государства своих ресурсов.

Суммируя основные идеи теоретиков по использованию информационных технологий в процессах государственного управления, необходимо определить следующее:

1. Использование государством информационно-коммуникативных технологий должно стать важнейшим фактором выживания в глобальной конкурентной борьбе и в обеспечении гражданам равноправного доступа к новым коммуникативным каналам на основе ИКТ.

2. Все разработки в сфере информационно-коммуникативных технологий на рассвете информационной эры спонсировались и контролировались государством и в то же время не воспринимались им как способы и механизмы совершенствования функционирования государственного аппарата. И только в начале XXI века национальными правительствами была осознана возможность внедрения ИКТ.

3. Полемичным является и вопрос о роли государства в процессах коммуникации с использованием новейших технологий. Имея под собой очевидные преимущества, государственный контроль за ИКТ несет в себе угрозу превращения партнерства государства с гражданским обществом в тоталитарную модель одностороннего доминирования базового политического института над обществом.

Теоретиками информационного общества была поставлена цель определить новые особенности развития и функционирования общества, проанализировав основные перспективы и последствия информатизации сферы массовых коммуникаций. Одновременно с пониманием неотъемлемости ИКТ в процессах современного государственного управления, существует понимание угроз, которые становятся следствием внедрения новых технологий, в достаточно сложный и многоуровневый процесс. Все чаще в центре рассмотрения ученых находятся вопросы роли индивида в системе информационно-коммуникативных технологий и государства. Рассматриваются новые принципы взаимодействия человека с обществом в производственной сфере как участника новых коммерческих структур, новейшие способы семейного взаимодействия на основе новейших технологий, где подразумевается появление таких явлений, как «умные дома» идеализированным выражением которых стали полностью автономные коттеджи, которые не зависят от централизованных коммунальных сетей и полностью управляются «умной» электроникой.

Исследователи сходятся в том, что для информационного общества в целом характерны такие явления, как экономика, основанная на знаниях, информационное богатство и бедность, информационный капитализм, поэтому и государство, активно внедряющее новейшие компьютерные технологии в процессах управления, надо включить в ряд новейших проявлений информационного общества.

Теоретические разработки концепций информационного общества начались значительно раньше, чем ведущие общества стали внедрять модели государственного управления, основанные на информационно-коммуникативных технологиях.

Централизованный процесс внедрения элементов электронного правительства в структуру государственного управления в передовых обществах начался с 2000 года, когда странами «большой восьмерки» была принята Окинавская хартия, которая обязала правительства стран-участниц содействовать внедрению информационно-коммуникативных технологий на всех уровнях государственного управления, а также обеспечить общество равными для всех, доступными возможностями использования ИКТ и информационных ресурсов всех видов. Следующим шагом практического внедрения электронного правительства была разработка группой по цифровым возможностям (DOTFORSE), которая была создана странами «большой восьмерки» на заседании в Генуе в 2001 году, плана приоритетов внедрения ИКТ согласно сложившимся в мировом сообществе семи принципам международного развития до 2015 года:

- а) помогать в национальных стратегиях информатизации в развивающихся странах;
- б) развивать кадровый потенциал, объем и доступность знаний;
- в) стимулировать предпринимательство для обеспечения устойчивого экономического развития;
- г) привлекать все страны и слои общества к разработке международной политики по вопросам информационных и коммуникативных технологий;
- д) развивать и поддерживать целевые программы привлечения наименее развитых стран к глобальному информационному сообществу;
- е) прикладывать усилия на национальном и международном уровнях для создания локальных информационных ресурсов и программного обеспечения;

ж) устанавливать информационно-коммуникативные технологии как приоритетные для многосторонних инициатив в G8 и других международных организациях и программах.

По результатам работы группы было предложено всем национальным правительствам выработать концепции содействия внедрению ИКТ в собственных обществах с учетом местных культурно-экономических и географических особенностей. При этом подчеркивается, что национальная стратегия информационного общества должна пользоваться поддержкой на самом высоком политическом уровне и формироваться совместно правительством, обществом, коммерческими и некоммерческими организациями; также должны быть проведены масштабные реформы систем образования в соответствии с задачами информатизации общества и государства.

Кроме того, Организация Объединенных Наций с 2001 года проводит ежегодные исследования United Nations E-Government Survey, рассматривая основные достижения мирового сообщества в вопросах построения развитого информационного общества в аспекте достижений по внедрению систем электронного управления. В 2012 году отчет был посвящен аспектам взаимодействия электронных правительств с обществом (E-Governmentforthe People). В материалах ООН подчеркивается, что несмотря на достижения развитых стран на фоне внедрения электронного правительства (в 2012 году мировой рейтинг стран с самыми весомыми достижениями во внедрении ЭУ возглавила Республика Южная Корея), существуют большие проблемы в общемировых масштабах, связанные с неравномерностью распределения информационных и коммуникативных ресурсов между континентами и отдельными странами. Так, наиболее остро проблема нехватки информационных и технических ресурсов возникает в странах Африки. Ситуация усугубляется ещё и массовой бедностью, и низкой дифференциацией социальной структуры общества. Поэтому для развития мирового информационного сообщества исследователи видят необходимым обратить внимание на насущную необходимость посильного выравнивания обеспеченности ИКТ между различными частями мира.

Весомых достижений на данный момент в вопросах внедрения ЭУ достигла Российская Федерация, что не в последнюю очередь связано с стремительной разработкой теоретической и методологической базы внедрения новейших технологий в процессы госуправления. Российская модель электронного госуправления характеризуется высокой степенью наследования мирового опыта. В то же время, экономические,

политические и культурные особенности требуют коренной трансформации идей электронного правительства, их приспособления к посттоталитарной реальности стран Восточной Европы. С 2001 года в России приняли целевую программу «Электронная Россия», подписанную Президентом Российской Федерации В. В. Путиным. Согласно этому документу, основными приоритетами деятельности государственной власти в сфере информатизации общества является предоставление возможности каждому гражданину беспрепятственного доступа к государственным сервисам и информации с целью улучшения взаимодействия общества с властью, нахождение новых и оптимизация существующих форм общественного администрирования. Одним из аспектов этого является повышение степени легитимности государственной власти и поиск новых способов и механизмов ее легитимации в условиях современного информационного пространства. Государство как базовый элемент политической системы на сегодняшний день выступает стержнем общественного развития и обязано в полной мере отвечать потребностям общества.

Украинский опыт внедрения новейших технологий в общественные процессы и, в частности, в государственное управление, уходит корнями в начало 90-х годов прошлого столетия. После получения независимости в 1991 году, с началом процессов самостоятельного государственного развития наметились и основные тенденции интеграции общества с новейшими ИКТ. Однако даже сегодня, после более чем двадцатилетнего срока независимости, принципы и основные механизмы функционирования информационного общества остаются на бумаге. Принимаемые законы и распоряжения носят ситуационный и фрагментарный характер, утверждаются с целью официального закрепления уже существующих практических достижений. Начиная с президентства Л. Д. Кучмы, вопросы об информационных технологиях и обновлении госуправления регулярно возникали перед властью и были предметом дискуссий между различными политическими силами, однако все это носило популистский характер, направлялось на поддержку собственного имиджа и не характеризовалось принципами системности и последовательности. Главным препятствием для качественного внедрения новейших технологий было абсолютное непонимание ответственными лицами необходимости и конечной цели указанных преобразований, что грозило вырождением идеи электронного государства в достаточно примитивные механизмы автоматизации работы госслужащих. Элементы

присутствия государства в сети никак не соответствует сути явления «электронного правительства» и «электронного государства».

Таким образом, концепция электронного управления (e-government) в глобальных масштабах на сегодняшний день уже сложилась, и национальные правительства имеют более или менее четкий план по внедрению ИКТ в собственные системы публичного администрирования. Учитывая мультикультурность общества, возникают новые проблемы интеграции отдельных наций и государств в мировое сообщество на основе новейших информационно-коммуникативных технологий. Очевидным, например, является то, что по своим характеристикам модели информационного общества и электронного управления как его части будут отличаться на востоке и западе, юге и севере. Государства-лидеры в сфере разработки программного обеспечения, такие, как США, Франция, Япония намного раньше начали применять информационные технологии в государственном секторе, что не в последнюю очередь было связано с финансированием большинства смелых и иногда авантюрных проектов именно со стороны государственных органов, оборонных или инновационных ведомств. Поэтому традиционно в этих странах государство выступает главным субъектом и движущей силой трансформации общества. Основной целью деятельности соответствующих органов в то время было внедрение информационных систем (ИС) на разных уровнях управления.

Однако к середине 90-х годов прошлого века основной целью деятельности ИС была автоматизация существующих в государстве бюрократических процедур, для их ускорения и удешевления. Начиная с конца 90-х годов сложилась благоприятная ситуация для формирования нового этапа развития государственного управления, когда идеи осовременивания места государства в обществе могли быть реализованы и на базе внедрения новейших информационно-коммуникативных технологий. Соответствующие информационные технологии были выбраны доминантой социально-политических преобразований одновременно многими национальными правительствами и обществами, что, в свою очередь, значительно распространяло сферу применения ИКТ в общественной жизни. Информационные технологии воспринимались дуалистично, с одной стороны как основная составляющая качественного экономического развития в таких странах, как Финляндия, Норвегия и «Азиатские тигры», с другой, – как способ оптимизации и улучшения работы государственного аппарата таким странами как США, Великобритания, Австралия, Франция, Германия.

Однако почти во всех теориях сфера научно практических исследований, направленных на изучение и использование информационных технологий в процессах государственного управления с целью повышения качества внутреннего и внешнего социально-политического и экономического взаимодействия, получило название «электронного правительства». В литературе представлено многообразие возможностей определения термина «электронное правительство». Различные исследователи предлагают большой спектр определений в зависимости от угла зрения на данное явление. Так, некоторые авторы придерживаются описательных определений, а именно таких, в которых представлено, какие именно изменения происходят в обществе и отдельных его структурных элементах благодаря электронному правительству, другие, следуя прикладным определениям, перечисляют аспекты применения его инструментов. Существуют также технические определения, которые акцентируют внимание исключительно на технологиях и специфических программных продуктах, а также экономические дефиниции, акцентирующие внимание на вопросах эффективности управления обществом. Таким образом, можно получить следующие определения электронного правительства.

1. Это организация государственного управления на основе электронных средств обработки, передачи и распространения информации, предоставления услуг всеми ветвями государственной власти всем категориям граждан электронными средствами, а также информирование теми же средствами граждан о работе государственных органов.

2. Информационные технологии в государственном управлении.

3. Государство в сети (сетевое государство и сетевое общество).

4. Явление, которое определяет информационное взаимодействие органов государственной власти и общества с использованием информационно-коммуникативных технологий.

5. Трансформированные для правительственных и государственных организаций идеи электронного бизнеса, в которых правительство выступает разновидностью корпоративного пользователя информационных технологий.

6. Автоматизированные государственные службы, основными задачами которых являются: обеспечение доступа граждан ко всей необходимой государственной информации, сбор налогов, оформление и регистрация и др.

7. Использование в государственном управлении новых, в том числе и Интернет-технологий.

Многообразие определений электронного правительства характеризует комплексность и структурную сложность этого явления. В то же время сам термин «электронное правительство» является дословным переводом англоязычного термина «e-government», что в современных условиях является не совсем корректным. Термин «government» в западной политической практике уже давно воспринимается как синоним не только правительства, но и государственной власти вообще, в то время как отечественные политологи и политики под правительством понимают только исполнительную ветвь власти, что, безусловно, приводит к нежелательным трансформациям понимания определенного явления. Поэтому взамен термина «электронное правительство» некоторые ученые предлагают использовать термины «электронное государство» или «виртуальное государство». Существуют и другие синонимические определения для описываемого нами явления, например интернет-государство, сетевое государство и др. Многообразие определений приводит к некоторому рассредоточению внимания, его смещению от сути указанного явления к предпосылкам и последствиям его существования.

Но методологически оправданным является подход к определению «электронного правительства» не только как совокупности технических средств и квалифицированного персонала, оптимизирующих процесс государственного управления, а как к принципиально новому виду взаимоотношений между правовым государством и обществом, в котором роли и функции сторон отличаются от устоявшихся практик современного общества. Существуют принципиальные различия в понимании государства как механизма перераспределения ликвидных ценностей и ресурсов и как партнера общества, в определенной степени аналога сервисной службы, к основным функциям которого вместе с общественным администрированием относятся и предоставление услуг в сфере компетенции государственных органов.

Целый ряд проблем с государственным информационным менеджментом возникает из-за того, что внедрение электронного правительства связано с интеграцией новых информационных систем, на которых основываются ключевые внутренние и внешние процессы в государственном управлении. А значит, внедрению электронного правительства предшествует обстоятельный пересмотр и трансформация существующих государственных процессов с целью их оптимизации и интеграции с новейшими ИКТ.

Глава 2.4. Сервисная деятельность в условиях глобализации

В современном мире глобализация является одной из основных тенденцией развития общества, затрагивающей большинство сфер человеческой жизнедеятельности. Глобализационные процессы, безусловно, оказали и продолжают оказывать значительное влияние и на сферу сервиса. Однако воздействие в данном случае имеет не однонаправленный характер. Развитие сервисной деятельности, с одной стороны, поддается общемировым глобализационным тенденциями, а с другой, выступает фактором, стимулирующим глобализацию. Различные виды сервисной деятельности одновременно порождают и являются следствием и воплощением совокупности общемировых процессов, получивших название глобализации.

Такая диалектическая взаимосвязь обусловлена спецификой сферы сервиса, которая в настоящее время становится способом переориентации и движения в сторону постиндустриального общества, экономики «сервисного» типа, изменения организации социального пространства и всего спектра социальных отношений. Приобретая в современных условиях важнейшее значение, сфера услуг, таким образом, не только претерпевает изменения в связи с глобализационными процессами, но и сама в определенной степени становится катализатором глобализации.

Будучи вовлеченной в глобализационные процессы, сфера сервиса все же продолжает опираться на специфические национальные и региональные характеристики. Взаимосвязь и соотношение глобальных и локальных тенденций представляют интерес для научного анализа сервиса.

Различным аспектам сервисной деятельности и анализу услуг посвящены работы ряда зарубежных и отечественных ученых, таких как Т. Хилл, Ф. Котлер, Д. Белл, Д. Джоббер, К. Менар, Р. Коуз, Ф. Николейдс, Д. Найяр, А. Бачманова, Н. Панкратьева, Ж. А. Романович, В. Радаев, В. В. Хмелев, Г. А. Аванесова, И. В. Бушуева, И. В. Осокина, Т. И. Заславская, В. И. Ильин, Р. Ю. Попов, Т. Н. Софина. Вопросам и проблемам глобализации также посвящено множество работ как отечественных (А. С. Панарин, С. Л. Удовик, Н. Е. Покровский, А. И. Уткин), так и зарубежных социологов (М. Кастельс, З. Бауман, Э. Гидденс, У. Бек). Однако отсутствуют комплексные представления о сервисе в условиях глобализации, о соотношении глобальных и локальных тенденций в сфере сервиса, не получили необходимого освещения вопросы характеристики процесса глобализации сервиса.

Нашей целью является анализ и характеристика сервисной деятельности в условиях глобализации, рассмотрение взаимосвязи глобального и локального в сфере сервиса в современном обществе.

В современной науке существует большое количество трактовок понятия глобализации. В наиболее общем смысле, глобализация – это объективный естественный процесс интеграции человечества в единое целое, проявляющийся в том, что социальные процессы в одной части мира во все большей степени определяют происходящее в других частях мира. В узком смысле глобализация – это род геополитики, направленный на распространение своего культурного влияния со стороны какой-либо страны или нескольких стран на весь мир [62, с. 146].

В последние десятилетия сфера сервиса интенсивно расширяется, формируя новые виды услуг, приобретает институциональный характер, становится неотъемлемой частью повседневной жизни общества. С последней трети 80-х годов XX в. глобализация сферы услуг и трансграничные перемещения сервисных продуктов приобрели масштабный характер. Во многих странах шли процессы «экстернализации» услуг – «масштабное появление новых видов и форм сервисной деятельности, берущих на себя те функции по удовлетворению общественных потребностей, которые до этого являлись составной частью промышленного производства или самообслуживания» [63, с. 121]. При этом экстернализация услуг не сводится к перемещению услуг из одной сферы в другую. Это явление качественного порядка, обеспечивающее расширение ассортимента услуг, повышение их качества и снижение экономических затрат на их производство [64, с. 18].

Влияние и эффект глобализации на сервисную деятельность выражается в ряде процессов и качественных изменений в этой сфере. В первую очередь следует отметить возникновение на нашем рынке услуг крупных иностранных фирм, производящих высокотехнологичную продукцию, прежде всего электронную. Подобные фирмы предлагают глобальное сервисное обслуживание бытовой и офисной электроники (Samsung, Panasonic, Sony, Philips, LG и др.), программное обеспечение (Microsoft, Intel, Symantec и др.) и т.д.

Положительным эффектом глобализации экономики становится улучшение условий доступа потребителей к высококачественным услугам сфер образования, здравоохранения, культуры и проведения досуга, тем самым внесение услугами немалого вклада в гуманитарный прогресс, повышение качества жизни, взаимное обогащение культур. Глобализация норм сервиса приводит к формированию общепринятых мировых

стандартов оценки качества услуг, налаживанию межсоциумных связей и социальной интеграции представителей различных культур [65, с 8]. Институт сервиса становится способом формирования образа государства на мировой арене, репрезентации национальной культуры. Поэтому на современном этапе развития обществ глобализация норм сервиса видится неизбежной и необходимой.

Отличительной особенностью современного состояния сервиса является его превращение в крупнейшего посредника между промышленностью, сельским хозяйством и непосредственно потребителем. Производитель товаров в постиндустриальных обществах не всегда может без посредничества в лице сферы услуг довести свой товар до потребителя [66, с. 15]. Например, на предприятиях общественного питания реализуется продукция работников сельского хозяйства, клиники доводят до потребителей товар фармацевтической промышленности, салоны красоты – продукцию косметических предприятий и т.д. Кроме того, производители промышленных и сельскохозяйственных товаров сами являются активными потребителями услуг (например, финансовые услуги предприятиям либо услуги в маркетинговой деятельности, без которых современное производство просто невозможно, а также энергоснабжение, транспорт, коммунальные услуги и т.д.).

Все это выводит сервис на первый план и способствует выработке общих характеристик и принципов сервисной активности, действующих как в рамках одной страны, так и распространяющихся за ее границы на волне глобализационных процессов. При этом унификация деятельности многих разновидностей сервиса сопряжена с унификацией требований потребителей к услугам. Другими словами, существует и тенденция глобализации потребителя услуг.

В условиях глобализации производство услуг характеризуется процессом делокализации: многие ранее глубоко укорененные в национальную почву услуги больше не привязаны к региональному фактору. Кроме того, прежде одновременный процесс производства и потребления услуги благодаря интенсивному развитию информационно-коммуникационных технологий разделяется, делая возможным для целого ряда традиционных видов сервиса их накопление, хранение, передачу на расстояние, потребление в разных формах и в любое время, в том числе в режиме реального времени [67, с. 147]. Таким образом, сервис приобретает свойство мобильности во времени и пространстве, сектор услуг выходит на глобальные рынки.

Принципиально новым каналом массовой реализации множества видов сервиса, способствующим его глобализации, становится Интернет. Он изначально подразумевает отсутствие пространственных и временных границ, национальных барьеров, снимая традиционные ограничения с участников сервисной деятельности.

Функциональная роль услуг также подвергается изменениям. Прежде выступая, в основном, посредником в движении материального продукта, многие виды услуг сегодня становятся самостоятельными единицами. Этому способствовала отмеченная выше делокализация сервиса, а также возникновение большого количества новых видов услуг, повышение их качественных характеристик. Глобальный рынок услуг, в целом, подчиняется тем же общим закономерностям, что и рынок товаров, но в связи со своей спецификой, имеет ряд отличительных характеристик.

Такие услуги, как транспорт и связь, уже давно и прочно выросли в глобальное пространство. Интенсивно вплетаются в него последние десятилетия информационные, телекоммуникационные, финансовые и другие виды услуг. Глобализируются рынки медицинских, образовательных, масс-медиа услуг. Благодаря быстрому вводу и распространению новых технологий развивающиеся страны имеют возможность пользоваться достижениями развитых государств в области сервисной деятельности. Результатом этого становятся унифицированные сервисные операции, схожие модели потребления услуг, доходящие порой до перенимания элементов культуры других народов. В связи с этим, сервисные предприятия всех стран, с одной стороны, стоят перед проблемой унификации деятельности и вместе с ней и принятием сходных рисков, а с другой стороны, сталкиваются с различными социокультурными реалиями, которые могут быть барьером для расширения их деятельности [68, с. 64].

Несмотря на все интеграционные процессы, в сфере сервиса продолжает сохраняться *локальная* специфика – в организации сервисной деятельности, в разнообразии услуг, во вкусах потребителей и т. д. Многие виды сервиса, связанные с национальными традициями, социокультурными условиями, региональными, юридическими, бытовыми, рекреационными факторами, остаются локально привязанными. Так, в Украине общемировые тенденции развития услуг и сервисной деятельности находятся в тесном переплетении со специфическими и своеобразными национальными и региональными особенностями. Разные этнические и культурные группы имеют в определенной степени неодинаковые представления об иерархии социальных запросов, различное

понимание комфортной жизни, способов сохранения здоровья, развития высших потребностей и т. п. [69, с. 9].

В то время как многие услуги обрели трансграничный характер и стали доступны на расстоянии (благодаря, например, Интернету), некоторые виды сервисной деятельности в силу своей специфики должны реально присутствовать на тех или иных территориях (такие как гостиничный бизнес). При распространении такой деятельности на другие страны и территории появляется необходимость учета ряда локальных факторов, в первую очередь географических и демографических. Географические факторы включают месторасположение, природно-климатические условия, характер местности, наличие крупных промышленных и культурных центров в том или ином регионе. В странах с холодным климатом необходимы особые условия жилища: зимой помещения должны сохранять тепло, а летом в них должны беспрепятственно проникать солнечные лучи. Кроме жилищно-коммунальных услуг, эти требования учитываются и в других видах сервиса: в медицинском обслуживании, пищевой индустрии и т. д. В странах с жарким влажным климатом дома строят из легких материалов, которые можно часто проветривать. Кроме того, в таких регионах многие виды повседневных услуг осуществляются на открытом воздухе (ремонт одежды и обуви, парикмахерские услуги, уличная торговля и т.д.).

Характер сервисной деятельности зависит также от структуры размещения людей на территории, плотности населения. Городские поселения предоставляют широкие сервисные возможности, в частности транспортные, административно-политические, организационно-хозяйственные, социо-культурные и многие другие. Сельские же поселения, в целом, не обладают широкими возможностями в предоставлении и использовании услуг в виду низкой плотности населения, высоких расходов, отсутствия хороших путей сообщения и т.д. Вместе с тем сельские поселения в последнее время привлекают услугами другого характера: горожане часто приезжают туда на отдых из-за высоких рекреационных возможностей, экологически чистых продуктов, размеренного образа жизни [63, с. 101].

К демографическим факторам, обуславливающим локализационные тенденции в сфере сервиса, относятся дифференциация населения по полу, возрасту, культурным традициям, источникам доходов, принадлежность населения к определенной нации, социальной группе, религиозной конфессии, уровень рождаемости и смертности, миграционные процессы и другие. Изменения в пропорциях возрастных групп существенно влияют

на расширение или сужение деятельности разных видов сервиса [63, с. 104]. Увеличение доли детей и молодежи стимулирует развитие детских и образовательных учреждений, рекреационной сферы и семейного обслуживания в целом. Старение населения, характерное для многих развитых стран мира, способствует улучшению качества обслуживания нетрудоспособных граждан. На сферу услуг влияют и такие локальные демографические факторы, как доля многодетных семей, одиноких граждан, межнациональных браков, положение женщин в обществе и т.д.

Указанные факторы в значительности степени влияют на повседневные потребности людей, на удовлетворение которых и направлена сервисная деятельность. От степени учета этих факторов поэтому зависит успех деятельности сервисных предприятий. В условиях трансграничного характера современной сферы услуг и выхода многих сервисных предприятий на мировой уровень, сервис оказывается перед необходимостью соответствия тенденциям глобального и в то же время локальным особенностям.

Такая диалектическая взаимосвязь глобального и локального находит свое отображение в термине, названном Р. Робертсоном *глокализацией* и означающем одновременное сосуществование противоположных тенденций к универсализации и партикуляризации. Смысл этого понятия заключается в глобализации локального и локализации глобального. Сфера сервиса, на наш взгляд, наиболее ярко представляет процесс глокализации в современном мире. Локальные сервисные нормы, в большинстве своем принятые в развитых странах, выходят на общемировой уровень и распространяются на множество стран – это процесс глобализации локального. Вместе с тем, глобализуясь и интегрируясь, сервисная деятельность продолжает сохранять локальную специфику и адаптировать универсализированные тенденции на местном уровне – локализация глобального. Услуги, таким образом, могут предоставляться и продаваться глобально, но в то же время приспосабливаются к особым локальным рынкам.

Стремительное развитие сервисной деятельности в последние десятилетия вывело предоставление услуг на глобальный общемировой уровень. Выступая одновременно следствием и источником глобализации, сервис становится мобильным в пространстве и времени. Каждый человек в любой стране мира сегодня может получить целый ряд услуг на расстоянии, например, через Интернет, где работают тысячи сервисных компаний со всего мира. Глобализация сервиса ведет к унификации сервисных норм и вместе с тем унификации потребностей потребителей.

Наряду с интеграционными процессами для сферы услуг характерна национальная и региональная адаптация, при которой сервисная деятельность опирается на географические, демографические, этнические, некоторые социальные и культурные факторы, специфические для отдельных стран и регионов. Взаимосвязь глобального и локального проявляется в «глокализации» сервисной деятельности, когда унифицированные сервисные нормы варьируются в зависимости от локальной специфики.

Важность оценки влияния глобальных и локальных тенденций на сервисную деятельность заключается в возможности принятия во внимание различных факторов, необходимых для эффективной организации работы сервисных предприятий. Дальнейшее изучение проблемы взаимосвязи глобального и локального в сфере сервиса может строиться на более детальном анализе процессов глобализации и локализации сервиса с точки зрения их динамики и основных принципов и способов оптимального балансирования между этими тенденциями.

Глава 2.5. Философия в контексте глобализации и в системе современного образования

Современная общемировая ситуация такова, что сегодня объективные тенденции глобализации и слияния различных цивилизаций во всемирную цивилизацию требуют нового, адекватного нашему времени реформирования системы народного образования. Именно эта отрасль, отрасль всенародного образования обязана оперативно готовить адекватных профессионалов для грядущей работы в условиях мировой глобализации. Это объективное требование, которое с необходимостью ставят все народы перед своими системами образования.

Особое место в системе образования занимает философия. Поскольку это единственная дисциплина, которая занимается не столько частными, сколько общими и всеобщими вопросами. Ставит их перед обществом и успешно решает в контексте концептуального мировидения, мировоззрения, мироосознания. Эти вопросы тем более актуализируются, чем более возрастает влияние глобализации на державы, народы, союзы государств.

Система образования, работающая на основе деятельности преподавателей-профессионалов – элемент культуры всякого цивилизованного общества.

Характер систематического образования, его доступность и недоступность тем или иным социальным слоям в каждую историческую эпоху, отношение общества к учительству и учителям, к обучаемым, во многом определяют (обуславливают) последующий прогресс этого общества. Поэтому:

1. осмысленные действия в настоящем по организации системы образования представляют собой акт управления воплощением в жизнь в будущем новых возможностей, уже объективно открытых для осуществления в настоящем;

2. реформы во всякой системе (включая и систему образования), не определённые по отношению к целям и качеству функционирования системы в целом по завершении реформ, можно уподобить хаотичному управлению. Либо бесцельному, либо бесперспективному.

Если же общество переживает затяжной кризис, то это означает, что на протяжении длительного времени, предшествовавшего кризису, система образования успела покалечить мировоззрение, интеллект, нравственность и психику в целом в нескольких поколениях, которые, вступая во взрослую жизнь, постепенно привели общество на грань катастрофы [70, с. 521-534].

Соответственно, один из аспектов преодоления кризиса обществом – реорганизация системы образования на качественно иных принципах для того, чтобы получаемое в ней людьми образование соответствовало эпохе и обозримым перспективам жизни общества и его развития. Чем более успешно общество в постановке и решении этой задачи, — тем более продолжительный период бескризисного развития ему предстоит. При неспособности общества поставить и решить эту задачу адекватно эпохе и перспективам оно обречено на затяжной кризис, в котором может и погибнуть [71, с. 416].

Тематика публикаций, в которых встречаются слова типа «реформа системы образования», посвящена преподаванию тех или иных учебных дисциплин (предметов) конкретно, распределению учебных часов в программах школы и вузов между дисциплинами учебного плана, но не вопросам о том:

1. Каким должен выходить из системы базового (*т.е. обязательного*) и специального образования человек для того, чтобы в последующем его жизнь и труд протекали бы в ладу с жизнью и трудом всех остальных людей?

2. Что надо сделать в системе образования, чтобы люди с её помощью становились именно такими? Т.е. необходимо ответить на вопросы: Чему учить? Как учить?

Всё это и обязывает нас обратиться к рассмотрению проблематики приведения системы образования в соответствие с потребностями людей и перспективами развития общества.

Какова же наша эпоха и образовательные проблемы людей?

Это, – ключевой вопрос, ответ на который – в зависимости от степени его адекватности эпохе и перспективам – либо позволяет, либо не позволяет выработать требования, которым должна соответствовать система образования в итоге реформы.

Определиться же в требованиях именно к системе необходимо, поскольку иначе реформа системы возможна только в стиле басен И. А. Крылова про лебедя, рака и щуку, про квартет и т.п.

Прежде всего, следует признать, что:

а) проблемы Украины и человечества в целом проистекают вовсе не из того, что физика или химия (как естественнонаучные основы современной техносферы и большинства видов деятельности в быту и на работе) развиты недостаточно;

б) дальнейшее развитие естествознания при сохранении прежнего характера жизни обществ и человечества в целом, будет только усугублять

проблемы, поскольку научно-технический прогресс при нынешнем характере жизни цивилизации большей частью уходит:

- а) в гонку вооружений,
- б) в гонку ненасытного потребления ради получения того или иного удовольствия и
- с) в техногенное давление глобальной цивилизации на биосферу Земли и Природу в целом.

Но также следует признать, что дальнейшее развитие комплекса так называемых «гуманитарных дисциплин» при сохранении обществом их прежнего качества тоже не сулит ничего хорошего, поскольку разрешение таких проблем как глобальный биосферно-экологический кризис и локальное преодоление последствий разнородных малых и больших техногенных и природных катастроф, последствий воздействия оружия на людей и на среду обитания (начиная от масштаба уличной преступности и кончая войнами и терроризмом), гармонизация внутрисоциальных взаимоотношений (как личностных, так и взаимоотношений национальных культур), преодоление последствий разнородных социальных катастроф (государственных переворотов и гражданских войн) – всё же требует определённых прикладных знаний и навыков, а не возжелания «всеобщего благоденствия» и общих рассуждений и деклараций о гуманизме, альтруизме либо о личной заинтересованности как о «неиссякаемом источнике благоденствия» и т.п. [70; 72; 73; 74].

Именно на основе системы образования, для которой характерны названные выше особенности естественнонаучного и гуманитарного сводов преподаваемых дисциплин, человечество к концу XX дошло до того, что:

- а) «гуманитарии» «закапсулировались» в своих отраслях деятельности и не могут понять не только «физиков» и «технарей», но и «гуманитариев», работающих в иных отраслях;
- б) а «физики», «технари» и «экономисты» в их большинстве в своей профессиональной деятельности не обременены «лирикой» — нравственной потребностью в осознании и соблюдении общечеловеческих этических норм, что «гуманитарии» называют «бездуховностью».

Сочетание двух названных особенностей системы образования и порождает всю выше упомянутую проблематику жизни нынешней глобальной цивилизации [75, с.224-227].

Если же говорить о перетекании творческого потенциала людей из области «физики» и «техники» в область «лирики», то он встречается, хотя

и относительно редко², поскольку нечто общечеловеческое является необходимой основой для того, чтобы люди могли достичь результатов в области естественнонаучной и технической деятельности. А вот, что касается перетекания творческого потенциала из области «лирики» в область «физики» и «техники» (в область прикладных знаний и навыков), или хотя бы в медицину (как отрасль деятельности, имеющую дело непосредственно с человеком), – то таких достаточно широко известных примеров нет.

Если под «гуманитарными дисциплинами» понимать, прежде всего, комплекс наук о человеке и о *человеке как личности* в их развитии, то, к сожалению, «гуманитарии» в своём большинстве бесплодны: их благотворная отдача обществу мизерна и явно недостаточна для преодоления глобального биосферно-экологического и нравственно-этического кризиса нынешней цивилизации.

Это бесплодие профессиональных «гуманитариев» в области разработки фундаментального и прикладного знания, в нашем понимании, – один из показателей дефективности системы собственно «гуманитарного образования» и «гуманитарных» дисциплин в смысле их оторванности от жизни и во многом противоестественности, когда они превращаются в претендующие на самодостаточность как бы научные рассуждения о воображаемых «гуманитариями» химерах, которым, однако, нет места ни в реальной жизни, ни в матрице возможностей бытия [76].

В нашем понимании, противопоставление гуманитарного и естественнонаучного образования и особая «закапсулированность» гуманитарного знания в себе самом – ошибка культуры нынешней глобальной цивилизации.

В нормальной культуре гуманитарные науки – специфическая часть естествознания, и потому именно характер «гуманитарного образования» и деятельность «гуманитариев» оказывают решающее (по отношению к будущему) воздействие на все области жизни общества, хотя это воздействие носит характер опосредованного (а не непосредственного), поскольку именно человек – мера всех вещей. Именно человек определяет ценность духовных и материальных благ. От качества этих ценностей зависит качество жизни человека.

² Композитор А.П.Бородин по основному занятию — химик и не из последних (академик); композитор Ц.А.Кюи — военный инженер-фортификатор, генерал; художник Н.А.Ярошенко — военный инженер, генерал; К.С.Станиславский — организатор производства в России электрических кабелей («высокие технологии» XIX века); авиаконструктор О.К.Антонов на досуге занимался живописью; в последние годы жизни академик В.Б.Раушенбах (ракетно-космическая техника) обратился к вопросам богословия и философии. В XX веке многие барды, ставшие по существу профессионалами в песне, — выходцы из техники и естествознания.

Для того чтобы показать особую значимость так называемого «гуманитарного образования», необходимы определённые критерии оценки качества самого «гуманитарного образования» и «гуманитарных наук». То есть:

1) если «гуманитарные науки» неадекватны, то общество обречено усугублять проблематику своей жизни;

2) если «гуманитарные науки» в ладу с естествознанием и потому адекватны, то проблемы жизни общества и людей неизбежно будут разрешаться при условии, что система образования эффективна и доступна.

Если с выдвинутыми критериями согласиться, то открывается следующая система взаимосвязей проблематики жизни общества, человека и качества «гуманитарных наук», которая позволяет увидеть выход из усугубляющегося кризиса нынешней цивилизации.

Для разрешения современного кризиса человечества и построения безопасного счастливого будущего главная – ключевая наука – философия как формирующая концептуальное, целостное мировоззрение, из которой должны быть практические выходы в педагогику (начиная с периода, предшествующего рождению) и во все прочие научные дисциплины (включая и биологию человека), в художественное творчество и иного рода деятельность людей.

Это – объективный факт, который следует из того, что если в далёком прошлом (на заре цивилизации) через технико-технологически неизменный мир проходило множество поколений, то в настоящее время на протяжении жизни одного поколения людей успевают сменить друг друга несколько поколений разнородной техники и технологий.

При этом каждое новое поколение техники и технологий создаются на основе новых знаний, как фундаментальных, так и прикладных, по этой причине для того, чтобы быть успешным в профессии (со всеми сопутствующими профессиональному успеху социальными обстоятельствами), человек в наши дни должен на протяжении всей своей жизни вырабатывать и осваивать новые знания и навыки. В отличие от современности, в прошлые времена (ещё в XIX веке) в большинстве отраслей деятельности единожды освоенных знаний и навыков хватало на то, чтобы кормиться на их основе всю жизнь.

Именно теперь философия как концептуальная наука должна адекватно реагировать на стремительные изменения условий современной цивилизации.

Соответственно этой особенности жизни общества в прошлом школа (включая и разнородные эзотерические системы введения в посвящения) была ориентирована на то, чтобы однократно «загрузить» в сознание человека те или иные определённые знания и алгоритмику осуществления тех или иных навыков, необходимые ему для предстоящей взрослой жизни в практически неизменной технико-технологической культуре. На этой же основе – степени освоения тех или иных определённых знаний и навыков, ставших традиционными и потому предлагаемых в программах образования, – строилась и система оценок успеваемости и успешности человека.

Сопутствующим эффектом такого характера образования является неумение большинства чувствовать Жизнь и быть внимательным к происходящему, неумение концептуально целостно мыслить мир в его широкой и нелинейной взаимосвязи процессов и явлений.

В настоящее время и в обозримой перспективе многие знания и навыки, которые сейчас представляются актуальными, неизбежно устареют уже к моменту завершения образования, и владение ими перестанет быть жизненно значимым. Это означает, что сложившаяся в прошлом и унаследованная нами система образования всех уровней зашла в тупик потому, что в случае её сохранения на будущее от неё требуется, чтобы она:

- 1) уже сегодня давала обучаемым те знания и навыки, которые ещё только будут выработаны «завтра»

- 2) и на основе которых обучаемым предстоит работать по завершении образования «послезавтра».

Суть проблемы именно в этом, а не в том, что объёмы необходимых знаний и навыков многократно возросли в сопоставлении с концом XIX века, и редкий школьник или студент может освоить всё необходимое для профессионального успеха (как одной из предпосылок к жизненному успеху) без ущерба для своего здоровья.

Проблемы образовательного характера, с которыми сталкивается большинство людей, состоят в необходимости на протяжении всей активной жизни – при смене места работы, при обновлении техники, технологий и организационных принципов и процедур на прежнем месте работы, – осваивать в короткие сроки новые знания и навыки, к чему они в их большинстве мировоззренчески не готовы: т.е. их личностная культура чувств, личностная культура внимания, личностная культура мыслительной деятельности не позволяют им в короткие сроки осваивать

новое дело на уровне признаваемого обществом профессионализма [76, с. 328-342].

С одной стороны, уметь осваивать и вырабатывать новые знания и навыки в темпе возникновения в них потребности – это то, что им необходимо для жизни, успеха и безопасности, а с другой стороны, это – именно то, чего не может дать и не даёт школа всех уровней, основанная на методе «загрузки в сознание» готовых к употреблению знаний и навыков прошлых эпох [77, с.132].

При этом создание системы так называемого «непрерывного образования» (переобучения) взрослых проблему не решает, потому что для её функционирования необходим дополнительный штат учителей, которые способны некоторым образом осваивать новые знания и навыки самостоятельно для того, чтобы учить и переучивать других людей. А таких учителей сложившаяся система образования в массовых количествах обществу дать не может в силу сложившихся в ней господствующих принципов обучения «валовой загрузки».

Все это означает, что будущая школа должна стать качественно иной – школой всенародного обучения:

1) освоению личностного творческого потенциала – это необходимо для самостоятельной выработки новых знаний и навыков в темпе возникновения в них потребностей по жизни;

2) навыкам самообразования – это необходимо для самостоятельного освоения новых знаний и навыков, выработанных другими.

При этом следует исходить из того, что хотя биологический врождённый потенциал человека – объективная данность, но реальные способность к освоению знаний и навыков, освоение и реализация творческих способностей обусловлены, прежде всего, организацией сознательной мировоззренческой деятельности личности.

Организация же сознательной концептуальной мировоззренческой деятельности всякой личности во всяком возрасте – итог её нравственно-гуманитарного развития. Отсюда следует стратегическое значение гуманитарных дисциплин, а среди них в первую очередь философии, в формировании устойчивой самоорганизации народа и цивилизации.

Основной недостаток современной системы образования – это формирование фрагментарного, эпизодического мышления. Основные требования к формированию новой адекватной современным и объективным требованиям системе образования таковы: новая система

образования должна обеспечить воспитание концептуального, целостного, устойчивого мировоззрения народа, страны, цивилизации.

Именно гуманитарные дисциплины являются мощным идеологическим оружием, призванным защитить, сохранить, обезопасить систему внутреннего единства и целостности страны, народа, цивилизации на основе концептуального мировоззрения. Гуманитарные дисциплины призваны, по существу, организовать устойчивую базу для конструктивного саморазвития страны, цивилизации в мультикультурном пространстве современного общества. Таким образом, в будущей системе образования освоение знаний и навыков должно быть основано на владении мировоззренческими практиками, которые позволяют человеку произвольно создавать необходимые для успеха его деятельности условия. Ответственность за формирование таких навыков лежит, прежде всего, на философии как резюмирующей гуманитарной дисциплине.

Значение же философии состоит в том, что именно философия как метадисциплина стоит на стыке всех наук и гуманитарного и технического профиля. Почему именно философия приобретает ключевое значение на стыке указанных дисциплин? Потому что именно философия отвечает на такие вопросы, которые даже не ставятся, не задаются в рамках прочих дисциплин. Это вопросы базовые и в тоже время всеобщие, как-то: «В чем смысл жизни? Что есть счастье? Что такое человек? Что существеннее материя или сознание? Что есть сила духа и воли? Каково значение совести? Ради чего стоит жить? В чем смысл нравственности? Что есть добро и зло? Что такое любовь, долг, праведность, честь, достоинство?» И т.п.

Всеобщностью философского знания, его универсальностью, его многогранностью и определяются цели и задачи философии во всенародном образовании.

Цели философии в сфере народного образования

- а) мировоззренческая;
- б) образовательная;
- в) воспитательная;
- г) развивающая.

Перед философией стоят следующие задачи, которые вполне под силу разрешить методами философии:

- 1) Формирование конструктивного мировоззрения общества.
- 2) Выявление всеобщей, концептуальной картины мира.
- 3) Просто и ясно объяснить сложное и труднопонимаемое.

4) Воспитание сильных, деятельных личностей с добросовестным характером.

5) Развитие созидательных умений и навыков конструктивного мышления поколений.

Все это как возлагает ответственность на современную философию, так и дает уверенность в перспективности конструктивного реформирования системы народного образования в направлении повышения значения доли влияния гуманитарных дисциплин во главе с философией как концептуальной наукой.

Именно поэтому ключи к разрешению нынешнего духовного кризиса человечества в целом и Украины, в частности, лежат в области расширения влияния гуманитарных дисциплин и прежде всего – в области философской науки, именно она должна дать людям теорию и практику, которые адекватны генетически свойственному человеку потенциалу развития его сознания, включая и творческие способности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многосторонний анализ глобализационных процессов современности позволил выявить важные тенденции развития конкретных областей материальной и духовной жизни общества. Достигнутая объективная оценка выявленных тенденций позволяет оправдывать идеи глобализации и противопоставлять их установкам антиглобалистов, опирающихся на метафизическую трактовку противоречивости процесса глобализации и его негативных последствий. Относительная малочисленность антиглобалистов указывает на их слабость в противостоянии глобализму. Тем не менее, необходимо продолжать всесторонний и глубокий анализ глобализации, чтобы уверенно предвидеть её следствия и принять меры по предотвращению отрицательных из них. Если же вскрыется принципиально опасная для судеб человечества её природа, то можно будет сосредоточиться на средствах противостояния глобализации. В любом случае нельзя уклоняться от исследований и размышлений над процессами глобализации общественной жизни.

Коллектив авторов открыт для диалога и критического обсуждения изложенных в монографии идей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бусова Н. А. Модернизация, рациональность и право / Н. А. Бусова, Харьковский нац. ун-т им. В.Н. Каразина. – Х.: Прометей-Пресс, 2004. – 351 с. – ISBN: 9668649001.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
3. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / Пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника; Общ. ред. и послесл. А. Филиппова / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с. – ISBN 5-89826-109-5
4. Фурс. В. Социальная философия в непопулярном изложении / В. Фурс. – Вильнюс: ЕГУ, 2006. – 184 с. – ISBN: 9955-9878-0-4, 978-9955-9878-0-2.
5. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова / З. Бауман. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с. -
6. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М.: Весь Мир, 2004. – ISBN: 0-7456-2410-3 (англ.), 978-5-469-00034-1.
7. Хабермас Ю. Спор о прошлом и будущем международного права. Переход от национального к постнациональному контексту / Ю. Хабермас. // Вопросы философии. – М., 2004. - № 3. – С. 12-18.
8. Коэн Дж. Гражданское общество и политическая теория / Дж. Коэн, Э. Арато. – М.: Весь Мир, 2003. – 784 с. – ISBN 5-7777-0176-0.
9. Аутвейт У. Реализм и социальная наука / У. Аутвейт. // Социологос – социология, антропология, метафизика. Вып. 1. Общество и сферы смысла / сборник работ. Сост., общ. ред. и предисл. В. В. Винокурова, Филиппова А.Ф. – М.: Прогресс, 1991. – ISBN 5-01-001584-26.
10. Кравченко А. И. Социология: Учебник / А. И. Кравченко. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 536 с. . – ISBN 5-98032-321-X.
11. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, французском и чешском языках. Редактор-координатор – академик РАН Г. В. Осипов / Редактор-координатор – академик РАН Г. В. Осипов. – М.: Издательская группа ИНФРА•М – НОРМА, 1998. – 488 с. . – ISBN:
12. Ходаківський М. Громадянське суспільство і національна держава / М. Ходаківський // Віче. 1998, №9. – С. 34-46.

13. Словник соціологічних і політологічних термінів: Довідк. вид. / Уклад.: В. І. Астахова, В. І. Даниленко, А. І. Панов. – К.: Вища шк., 1993. – 141 с. – ISBN:5-11-004122-9.
14. Taylor Ch. Liberal Politics and the Public Sphere // Charles Taylor. Philosophical Arguments. – Harvard University Press: Cambridge, Massachussets, London, England, 1995.
15. Публичная политика в России: Круглый стол // ПОЛИС. – 2005. – № 3. – С. 152-162.
16. Habermas J. Between Facts and Norms. Contribution to a Discourse Theory of Law and Democracy. – Cambridge, Massachussets: The MIT Press, 1996.
17. Бусова Н. Модернизация, рациональность и право / Н. Бусова. – Х.: Прометей-Пресс, 2004. – 352 с. – ISBN: 9668649001.
18. Медиа в выборах: между политикой и культурой (контент анализ политической прессы) / Под ред. Наталии Костенко. – К.: Ин-т социологии НАН Украины, 1999. – 218 с. – ISBN 966-02-1274-7.
19. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с. – ISBN 0-415-28201-2 (англ.), ISBN 5-7567-0342-X (рус.)
20. Кін Д. Мас-медіа і демократія / Пер. з англ. О. Гриценко, Н. Гончаренко / Д. Кін. – К.: К.І.С. – Київ. Інформація. Сервіс ; Аналіт.-дослідн. центр «АНОД», 1999. – 134 с.
21. Права людини в Україні. Інформаційно-аналітичний бюлетень Українсько-Американського Бюро захисту прав людини. Випуск 21. – К., 1998. – С. 100.
22. Гриценко О. М. Шлях до демократії – через політичну культуру (проблеми формування її в процесах трансформації українського суспільства) / О. Гриценко // Трибуна. – 2003. – №3-4.
23. Пасько І. Т. Громадянське суспільство і національна ідея. (Україна на тлі європейських процесів. Компаративні нариси) / Пасько І. Т., Я. І. Пасько. – Донецьк: ЦГО НАН України, УКЦентр, 1999. – 184 с. – ISBN 966-7517-12-8
24. Карл Дойч. Народи, нації та комунікація // Націоналізм: Антологія / Упоряд. О. Проценко, В. Лісовий. – К.: Смолоскип, 2000. – 872 с.
25. Советский энциклопедический словарь. – М. Издательство «Советская Энциклопедия», 1983. – 1600 с.
26. Халипов В. Введение в науку о власти / В. Халипов. – М.: Технологическая школа бизнеса, 1996. – 380 с.

27. Конституція України. 28 червня 1996 року. – К.: Просвіта, 1996. – 80 с.

28. Свобода слова та влада в Україні: Аналітична доповідь, підготовлена українським центром економічних і політичних досліджень під керівництвом голови ради експертів Разумкова О. – К., Парламентське видавництво. – 1997. – 136 стор.

29. Здоровега В. Проблеми свободи слова та вимоги професіоналізму й журналістської етики в інформаційному світі / В. Здоровега // Свобода слова в Україні: стан, проблеми, перспективи. Матеріали парламентських слухань у ВРУ 10 квітня 1997 р.

30. Информационное пространство Украины. Свобода слова. Ресурс доступен на <http://rb.com.ua/rus/analitics/socyum/7272/>

31. Мельник М., Постульга В. ЗМІ і влада в Україні: як подолати корупцію? / М. Мельник, В. Постульга // Національна безпека і оборона. – 2001. – №1.

32. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие: учебное пособие: Изд. 3-е, перераб. и доп. /Л. Г. Ионин. – М.: Издательская корпорация «Логос», 2000. – 432 с.

33. Кузнецов Д.В. Массовое сознание в современном российском обществе: Социально-философский анализ [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. философ.наук 09.00.11 / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – Электрон.дан. (1 файл). – Кузнецов Д.В.; РАН. – М., 2005. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/massovoe-soznanie-v-sovremennom-rossiiskom-obshchestve-sotsialno-filosofskii-analiz#ixzz27BNmUCvB>. – Название со страницы Научная библиотека диссертаций и авторефератов.

34. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: Сб.: Пер. с исп. / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. – 509 с.

35. Грушин Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования / Б. А. Грушин. – М.: Политиздат, 1987. – 368 с.

36. Гуревич П. С. Поиск новой рациональности (по материалам трех всемирных конгрессов) / П. С. Гуревич // Рациональность как предмет философского исследования. – М., ИФ РАН, 1995. – С.209-224. – ISBN 5-201-01845-9.

37. Мифология и сознание современного человека: [лекции проф. Лондонского университета Пятигорского А.М. прочитанная 21 февраля в клубе-литературном кафе «Bilingua» в рамках проекта «Публичные лекции «Полит.ру» [Электронный ресурс]: Электрон. дан. (1 файл). – Режим

доступа: <http://polit.ru/article/2006/03/02/pjatigorsky/>. – Название с домашней страницы интернета.

38. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М.: Наука, 1976. – 399 с.

39. Найдыш В. М. Философия мифологии От античности до эпохи романтизма. / В. М. Найдыш. – М.: «Гардарики», 2002. – 554 с.

40. Найдыш В. М. Философия мифологии. XIX-начало XXI вв. / В. М. Найдыш. – М.: «Альфа-М», 2004. – 544 с.

41. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари; пер. с франц. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 627 с.

42. Ионин Л. Г. Социология культуры: учеб. пособие для вузов / Л. Г. Ионин; Гос. ун-т Высшая школа экономики. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 427 с.

43. Васильева Н.А. Философские и экономические аспекты мировой политики/ Н.А. Васильева, Н.М. Межевич. 2 часть. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006.

44. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

45. Найт Р. Устойчивое развитие – устойчивые города // Р. Найт / Международный журнал социальных наук. – 1993. – №2. – С. 43-69.

46. Пивоваров Ю. Л. Основы геоурбанистики: урбанизация и городские системы: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / Ю. Л. Пивоваров. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – 232 с. – ISBN 5-691-00153-

47. Слука Н. А. Эволюция концепции мировых городов / Н. А. Слука. // Региональные исследования, 2005, №3 (5) // Режим доступа: <http://www.shu.ru/pages/magazin/n5/sluka.pdf ml>

48. Парк Роберт Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок / Кравченко А. И. Социология. Хрестоматия. – М., 2004. – ISBN 5-902357-08-X.

49. Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ / Н. Н. Моисеев // Вопросы философии. 1995, №1.

51. Форрестер Дж. Мировая динамика / Дж. Форрестер. – М.: Наука, 1978. – 368 с.

52. Маркович Данило Ж. Социальная экология / Данило Ж. Маркович. – М.: Изд-во РУДН, 1997.

53. Дрейер О. К. Экология и устойчивое развитие: учеб. пособие / О. К. Дрейер, В. А. Лось. – М. : Изд-во УРАО, 1997. – 224 с.

54. Добренъков В. И. Социально-гуманитарные проблемы становления глобального общества / В. И Добренъков./ Человек и современный мир. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 460 с.

55. Koster, F. Globalization, Social Structure, and the Willingness to help Others: a Multilevel Analysis Across 26 Countries / F. Koster // European Sociological Review. – 2007. – Vol. 23, No. 4.

56. Лук'яненко Є. Світовий інформаційний простір і Україна / Є. Лук'яненко // Віче. – 1997. – №11. – С. 38-44.

57. Бориснѐв С. В. Социология коммуникации: Учеб. пособие для вузов / С. В. Бориснѐв. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 270 с. – ISBN 5-238-00513-X.

58. Барбер Б. «Три сценария будущего технологии и устойчивой демократии» / Б. Барбер / Режим доступа: http://www.policyanalysis.ru/bibl_Barber.htm

59. Белянцев А. Е. «Международная безопасность в информационную эпоху» / А. Е. Белянцев // «Международные отношения в XXI веке: новые действующие лица, институты и процессы». Материалы международной научной конференции. – Нижний Новгород, 2000 г.

60. Крутских А. В. Война или мир: международные аспекты информационной безопасности / А. В. Крутских // Научные и методологические проблемы информационной безопасности. Под ред. В. П. Шерстюка. – М.: МЦНМО, 2004 г.). / <http://www.cryptography.ru/db/msg.html?mid=1169638>

61. Панарин А.С. Глобализация как вызов жизненному миру / А. С. Панарин // Вестник Российской Академии наук, 2004, том 74, № 7.

62. Маслова А.Н. Процессы глобализации с социологической точки зрения: определения и концепции / Маслова А.Н. // Актуальные проблемы экономической социологии: Сборник научных трудов студентов, аспирантов и преподавателей. – М.: Университетская книга, 2008. – Вып.№9. – С. 146-153.

63. Аванесова А. Г. Сервисная деятельность: историческая и современная практика, предпринимательство, менеджмент: учебное пособие для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. / А. Г. Аванесова. – М.: Аспект Пресс, 2007 . – 319 с.

64. Биндиченко Е. В. Институт сервиса: социальная сущность, особенности, функции / Е. В. Биндиченко // Вестник ВЭГУ. – № 4 (42) – 2009. – С. 14-18.

65. Ананьева Т. Н. Сервис как социальный институт / Т. Н. Ананьева, И. В. Горохова // «Сервис plus», научный журнал. – 2009. – №1. – С.4-9.
66. Иорданова-Батыру В. Т. Место и роль услуг в условиях глобализации / В. Т. Иорданова-Батыру // Внешнеэкономический бюллетень. – 2005. – № 7. – С. 7-15.
67. Демидова Л. С., Услуги в современной экономике / Л. С. Демидова, В. Б. Кондратьев. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – 342 с.
68. Кузнецова И. В. Влияние глобализации и интеграции на международный рынок услуг / И. В. Кузнецова, П. В. Кузнецов. // Техничко-технологические проблемы сервиса. – №4 (14), 2010. – С. 62-64.
69. Непроизводственная сфера в современном социокультурном и экономическом пространстве: колл. моногр. /колл. авт. /под ред. Г. В. Козловой. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – 520 с.
70. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М.: ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1998. – 670 с.
71. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1997. – 527 с. – ISBN5-250-01357-0.
72. Тойнби А. Дж. Постижение истории: Пер. в англ./ Сост. А. П Огурцов; Вступ. ст. В. И Уколовой.; Закл. ст. Е. Б. Рашковского / А. Дж. Тойнби. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с. – ISBN 5-01-001638-0.
73. Хакен Г. Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам / Г. Хакен. – М.: Мир, 1991. – 240 с. – ISBN 5-484-00189-7.
74. Швейцер А. Упадок и возрождение культуры: Избранное / А. Швейцер. – М.: Прогресс, 1993. – 512 с. – ISBN: 5-7042-0495-3.
75. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени / П. А. Сорокин. – М.: Директ-Медиа, 2007. – 416 с. – ISBN: 978-5-94865-234-4
76. Ле Бон Густав. Психология социализма в 7 книгах / Ле Бон Густав. – Харьков: Изд-во «Энграм», 1997. – 470 с. – ISBN 5-85186-039-1, 5-85186-027-8.
77. Белов И. Общество как цивилизация / И. Белов, Я. Мурокоми, С. Кумон, С. Сато // Проблемы философии истории: традиция и новация в социокультурном процессе. – М.: ИНИОН,1989. – С. 126-155.

Наукове видання

ДІАЛЕКТИКА ГЛОБАЛІЗАЦІЇ СУСПІЛЬНИХ ПРОЦЕСІВ

За редакцією В. В. Будко

МОНОГРАФІЯ

(Рос. мовою)

Відповідальний за випуск *О. Б. Зінчина*
За авторською редакцією
Комп'ютерне верстання *І. В. Волосожарова*
Дизайн обкладинки *І. П. Шелехов*

Підп. до друку 29.01.2013 р.
Друк на різнографі
Тираж 500 пр.

Формат 60x84/16
Ум. друк. арк. 8,2
Зам. №

Видавець і виготовлювач:
Харківська національна академія міського господарства,
вул. Революції, 12, Харків, 61002
Електронна адреса: rectorat@ksame.kharkov.ua
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи:
ДК № 4064 від 12.05.2011 р.